

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№ 3 • Том 65 • 2024 • МАЙ–ИЮНЬ

Издательство Московского университета
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL

Выходит один раз в два месяца
Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Иванов А.В., Смуров А.В., Снакин В.В., Богданов В.П. Мобильно-сетевой молодежный музей Московского университета: контуры концепции и принципы развития на этапе становления	3
Баязитова Г.И. «Самодержавие есть наилучшее правление»: к вопросу о понятийном аппарате трактата «Политика, почерпнутая из Священного Писания» Ж.-Б. Боссюэ (проблемы русского перевода)	27
Айрапетов О.Р., Городилова Л.А., Полунов А.Ю. Политика России на Дальнем Востоке и «буддийский вопрос» в воззрениях российского общества и деятельности властей (вторая половина XIX — начало XX в.)	45
Гаврилова О.А. Блокадный «рацион»: особенности общественного питания Ленинграда в 1942–1943 гг.	67
Поправко Е.А. Тыловое обеспечение Крымской операции 1944 г. в документах 4-го Украинского фронта, Отдельной Приморской армии и мемуарах участников	94
Козлова Н.В., Горюшкина Л.П., Калинин М.В., Лаушкин А.В., Матасова Т.А., Тарасов А.Е., Хитров Д.А., Шемякина О.Д. Жизнь кафедры истории России до начала XIX века в 1960-е — 1980-е гг. по протоколам ее заседаний	110
Орлов С.В. О факторной модели изучения истории развития информационного общества в Москве (1990–2010 гг.)	127
Андреев Н.Д. Африканские мигранты в Австрии в начале 2020-х гг.: официальная политика, ее восприятие переселенцами и опыт их натурализации	139
Вартанова Е.Л., Андреев Д.А., Денисова Г.В., Смирнова О.В., Гладкова А.А. Конфликт и медиа: взаимодействие и взаимовлияние в контексте сохранения исторической памяти	156
Багратиони фон Брандт Е.А. Скульптуры группы «Восьми легионов» (734 г.) из Храма Кофукудзи в Нара.	171

CONTENTS

Ivanov A.V., Smurov A.V., Snakin V.V., Bogdanov V.P. Mobile Network Youth Museum of Moscow University: Outlines of the Concept and Principles of Development at the Stage of Formation	3
Bayazitova G.I. “Autocracy is the Best Form of Government”: on the Conceptual Framework of J.-B. Bossuet’s Treatise <i>Politics Drawn from the Very Words of Holy Scripture</i> (Issues with the Russian Translation)	27
Airapetov O.R., Gorodilova L.A., Polunov A.Yu. Russian Policy in the Far East and the “Buddhist Question” in the Views of Russian Society and the Activities of the Authorities (Second Half of the 19th — Early 20th Century)	45
Gavrilova O.A. Blockade Rations: Features of Public Catering in Leningrad in 1942–1943	67
Popravko E.A. Logistics of the Crimean Operation 1944 in the Documents of the 4th Ukrainian Front, the Separate Coastal Army, and the Participants’ Memoirs	94
Kozlova N.V., Goryushkina L.P., Kalinin M.V., Laushkin A.V., Matasova T.A., Tarasov A.E., Khitrov D.A., She-miakina O.D. The Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century from the 1960s through the 1980s, According to its Meeting Minutes	110
Orlov S.V. On the Factor Model for Studying the History of the Development of the Information Society in Moscow (1990–2010).	127
Andreev N.D. African Migrants in Austria in the Early 2020s: Official Policies, Perceptions and Naturalization Experiences	139
Vartanova E.L., Andreev D.A., Denisova G.V., Smirnova O.V., Gladkova A.A. Conflict and Media: Interaction and Mutual Influence in the Context of Preserving Historical Memory	156
Bagrationi von Brandt E.A. Sculptures of the “Eight Legions” Group (734) from Kofukuji Temple in Nara.	171

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-3-26

А.В. Иванов, А.В. Смуров, В.В. Снакин, В.П. Богданов

**МОБИЛЬНО-СЕТЕВОЙ МОЛОДЕЖНЫЙ МУЗЕЙ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: КОНТУРЫ
КОНЦЕПЦИИ И ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ
НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ**

A.V. Ivanov, A.V. Smurov, V.V. Snakin, V.P. Bogdanov

**MOBILE NETWORK YOUTH MUSEUM OF MOSCOW
UNIVERSITY: OUTLINES OF THE CONCEPT AND
PRINCIPLES OF DEVELOPMENT AT THE STAGE
OF FORMATION**

Аннотация. Авторами разрабатывается программа вовлечения студенческой молодежи и школьников в деятельность по изучению и сохранению природного и культурного наследия в форме музейных экспозиций и научно-учебных коллекций, а также развиваются интерактивные методики работы с посетителями вузовского естественнонаучного музея. Помимо функционирования молодежного вузовского музея, проект включает создание и развитие на площадке МГУ прототипа комплексного молодежного музея в формате вузовского сообщества при максимальной интеграции

Иванов Алексей Викторович, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Научно-учебного музея землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Института географии РАН, доцент Тамбовского государственного технического университета

Ivanov Aleksey Viktorovich, PhD Candidate in Geology and Mineralogy, Senior Researcher, Scientific and Educational Museum of Earth Sciences, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Tambov State Technical University

ivanovav@igras.ru

ORCID: 0000-0002-2946-7195

Смуров Андрей Валерьевич, доктор биологических наук, профессор кафедры общей экологии биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Научно-учебного музея землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова

Smurov Andrey Valer'yevich, Doctor in Biology, Professor, Department of General Ecology, Faculty of Biology, Lomonosov Moscow State University, Director, Scientific and Educational Museum of Earth Sciences, Lomonosov Moscow State University

smr49@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5143-1634

молодежных социальных групп — школьников, студенчества, молодых ученых, молодежных секций и научно ориентированных общественных организаций. Проект Молодежного музея в Программе развития МГУ предполагает разработку концепции его создания с апробированием механизмов на площадках вузов. Такой музей представляется как мобильно-сетевое образование, интегрированное в систему научно-образовательных организаций с зоной свободного творчества молодежи в музейном пространстве, развитием системы интерактивных площадок и вовлечением организаторов и посетителей в формат научно-просветительской экспедиции. Центральный узел молодежного музея проектируется в кампусе МГУ имени М.В. Ломоносова (Музей землеведения и Университетская гимназия). Мобильно-сетевая сущность реализуется посредством взаимодействия узлов и кластеров на базе МГУ с региональными научно-образовательными организациями (ассоциациями и объединениями университетов), а также путем интеграции с научно-просветительской экспедицией «Флотилия плавучих университетов», в которой с привлечением молодых участников проекта и волонтеров производится сбор естественнонаучных и культурно-исторических материалов для фондов музея. Механизмы построения и функционирования университетского молодежного музея отрабатываются на конкретных полигонах: взаимодействие вузовского музея и школьно-

Снакин Валерий Викторович, доктор биологических наук, профессор, заведующий сектором Научно-учебного музея землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий лабораторией ландшафтной экологии Института фундаментальных проблем биологии РАН

Snakin Valeriy Viktorovich, Doctor in Biology, Professor, Departmental Head, Scientific and Educational Museum of Earth Sciences, Lomonosov Moscow State University, Head, Laboratory of Landscape Ecology, Institute of Fundamental Biological Problems, Russian Academy of Sciences

snakin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9389-6752

Богданов Владимир Павлович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории культуры исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Bogdanov Vladimir Pavlovich, Doctor in History, Senior Researcher, Laboratory of Cultural History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

vpbogdanov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3129-406X

Формирование концепции «Молодежного музея» и развитие реальных кластеров его сетевой системы осуществляется при грантовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, под патронатом Неправительственного экологического фонда имени В.И. Вернадского, Комиссии РАН по изучению наследия выдающихся ученых, Ассоциации «Объединенный университет имени В.И. Вернадского».

The formation of the concept of the “Youth Museum” and the development of real clusters within its network system is being carried out with grant support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, under the patronage of the Vernadsky Non-Governmental Environmental Foundation, the Russian Academy of Sciences’ Commission for the Study of the Legacy of Outstanding Scientists, and the Vernadsky Association “United University”.

го сообщества при создании междисциплинарной выставки («Живое вещество в геосферах» в МГУ); мобильные выставки в формате экспедиции «Флотилия плавучих университетов»; развитие регионального узла и взаимодействие его с центральным узлом (МГУ — Тамбовский ГТУ); развитие системы интерактивных площадок (палеоэкологическое направление в Тамбовском узле); экспедиции отрядов школьников с педагогами под научным руководством университетских музеев.

Ключевые слова: молодежный вузовский музей, молодежные социальные группы, мобильно-сетевой музей, научно-просветительская экспедиция, естественнонаучный музей, «Флотилия плавучих университетов».

Abstract. The authors are developing a program to engage university students and schoolchildren in the study and preservation of natural and cultural heritage through museum exhibitions and scientific and educational collections. They are also advancing interactive methods for engaging visitors to university natural science museums. In addition to operating a youth university museum, the project involves creating and developing a prototype of a comprehensive youth museum on the Moscow State University campus, within the university community, with extensive integration of youth social groups — schoolchildren, students, young scientists, youth sections, and science-oriented public organiza-

Исследование выполнено при финансовой поддержке государственных заданий Музея землеведения МГУ АААА-А16-116042010089-2 «Биосферные функции экосистем, их компонентов и рациональное природопользование» (научный руководитель — А.В. Смуров) и АААА-А16-116042710030-7 «Музееведение и образование музейными средствами в области наук о Земле и жизни» (научный руководитель — В.В. Снакин), в рамках тем государственных заданий Института географии РАН АААА-А19-119021990093-8 (FMGE-2019-0007) «Оценка физико-географических, гидрологических и биотических изменений окружающей среды и их последствий для создания основ устойчивого природопользования» (научный руководитель — член-корреспондент РАН А.А. Тишков).

The research was conducted with financial support from state grants awarded to the Museum of Earth Sciences at Moscow State University for project АААА-А16-116042010089-2, “Biosphere Functions of Ecosystems, Their Components, and Rational Nature Management” (scientific supervisor — A.V. Smurov), and project АААА-А16-116042710030-7, “Museology and Museum Education in Earth and Life Sciences” (scientific supervisor — V.V. Snakin), as part of the state assignments of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences under project АААА-А19-119021990093-8 (FMGE-2019-0007), “Assessment of Physical-Geographical, Hydrological, and Biotic Changes in the Environment and Their Consequences for Creating Foundations of Sustainable Nature Management” (scientific supervisor — RAS Corresponding Member A.A. Tishkov).

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект №23-Ш02-17 «Разработка основ создания, функционирования и развития комплексного научно-просветительского университетского молодежного музея на примере МГУ имени М.В. Ломоносова».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-17 “Development of the Foundations for the Creation, Functioning, and Development of a Comprehensive Scientific and Educational University Youth Museum, Using the Example of Lomonosov Moscow State University”.

tions. The Youth Museum project, part of the Moscow State University Development Program, aims to formulate a concept for its creation by testing operational mechanisms at university sites. The museum is envisioned as a mobile-networked entity integrated into the system of scientific and educational organizations. It will offer a creative space for youth within the museum setting, develop a network of interactive platforms, and involve both organizers and visitors in a scientific and educational expedition format. The central hub of the youth museum will be located on the Moscow State University campus (Museum of Earth Sciences and the University Gymnasium). Its mobile-network nature will be implemented through the interaction of hubs and clusters based at the Moscow State University, working with regional scientific and educational organizations (university associations and groups). It will also be integrated with the “Flotilla of Floating Universities”, a scientific and educational expedition in which young participants and volunteers collect natural science and cultural-historical materials for the museum’s collections. The mechanisms for building and operating the university youth museum are being tested at specific sites, including interactions between the university museum and school communities through interdisciplinary exhibitions (“Living Matter in the Geospheres” at the Moscow State University), mobile exhibitions organized as part of the “Flotilla of Floating Universities” expedition, development of a regional hub and its coordination with the central hub (Moscow State University — Tambov State Technical University), expansion of interactive platforms (palaeoecological studies at the Tambov hub), and expeditions of school groups led by teachers under the scientific guidance of university museums.

Keywords: youth university museum, youth social groups, mobile-network museum, scientific and educational expedition, natural science museum, “Flotilla of Floating Universities”.

* * *

Введение: из истории проблемы

Практика использования в учебном процессе музейных коллекций и вовлечения учащейся молодежи и начинающих исследователей в музейную деятельность уходит историческими корнями (в российской практике) к образованию Московского императорского университета в 1755 г., который с первых дней своей деятельности уже имел коллекцию «натуралиев», подаренную горнопромышленниками Демидовыми. В 1804 г. первые университетские уставы дали импульс созданию и развитию музеев естественной истории в каждом университете Российской империи. Важную роль в музейном процессе сыграли Большие академические экспедиции XVIII в., в отрядах которых ученики «академической гимназии» совместно со своими маститыми руководителями отбирали объекты природного и культурного наследия для первых российских музеев — прежде всего, будущих столпов академической и университетской музейной традиции (Кунсткамера, Московский университет и др.). Подобные

процессы происходили также в формате зарождающихся научных обществ, активно практикующих музейное дело и тесно связанных с широкой общественностью, тем более что многие из них появлялись именно при университетах (и в первую очередь, при Московском — Московское общество испытателей природы, Московское общество истории и древностей российских и др.).

В Московском университете уже в XIX в. сложилась практика организации музеев, фонды которых были вовлечены в учебный процесс. Ярким примером может служить коллекция слепков с произведений античного искусства, которая затем выделилась в Музей изобразительных искусств имени Александра III (ныне ГМИИ имени А.С. Пушкина). В XX в. наметилась и получила развитие другая тенденция участия студентов в музейной деятельности вузов: студенты не только проходили обучение на материалах музейных фондов, но стали принимать активное участие в их пополнении и организации выставочной деятельности. Таковы, например, Музеи археологии и этнологии при соответствующих кафедрах исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Они в значительной степени сформированы за счет находок экспедиций, которые являются неотъемлемой составляющей учебного плана.

Примечательно, что традиция вузовских музеев была продолжена и в тех учебных заведениях, которые в разное время выделились из Московского университета: Московском институте философии, литературы, истории имени Н.Г. Чернышевского (с 1942 г. снова вошел в состав МГУ), Московском геологоразведочном институте (ныне Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе) и др.

Сейчас музеи имеются во многих вузах, причем некоторые из них общедоступны и открыты для посетителей «со стороны». Примером тому может служить Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.

Весьма нестандартным событием в рассматриваемом контексте явилось создание в середине XX в. Музея землеведения МГУ. Специфика этого музея заключается в формировании его «с нуля» по четко разработанному проекту — от конструктивных особенностей помещений до насыщения комплексом тематически связанных «натуралий» и художественных произведений. Музей землеведения изначально позиционировался как уникальный «по своему решению и задачам», как «учебно-научное учреждение нового типа»¹. Была определена его полифункциональность и широкий спектр задач, но

¹ Учебно-научный музей землеведения. Путеводитель. М., 1957. С. 13.

особая роль отводилась пропагандированию музейными средствами материалистической диалектики и воспитанию у «студентов и посетителей» «чувства советского патриотизма»².

В 1990-е гг. на постсоветском пространстве отмечается всплеск разнообразных идей по развитию вузовских музеев, что отражено в обширном массиве источников. Отличительной чертой этого этапа является широкое обсуждение опыта зарубежных стран и поиск путей его адаптации к российской действительности. Опыт зарубежных коллег достоин особого внимания в плане просветительской деятельности музеев и работы с социальными группами молодежи. Так, в 1980-е гг. и ранее успешно развивались проекты, опыт которых представляет интерес сегодня: «Бостонский детский музей», «Эксплораториум» как «музейный полигон» в Сан-Франциско, экспозиции под открытым небом в Германии, опыт вовлечения молодежи в организацию музейных выставок в разных локациях вплоть до «гриль-баров» в Дании и многое другое³. На постсоветском этапе также появляются оригинальные проекты, связанные с вовлечением молодежи в деятельность вузовских музеев. Так, в Уральском ГЭУ создается Центр творчества студентов при музее истории вуза, систематически организуются конференции «Студенчество и вузовский музей»⁴.

Этот этап характеризуется подъемом активности молодежи в отношении музейной деятельности университетов. В частности, это видно на примере геологического музея СибГИУ, который был основан в 1998 г. и «создавался практически на голом месте силами студентов и преподавателей, в основном во внеурочное время». Заслуживает упоминания весьма показательная история одного из экспонатов. «Прекрасно сохранившийся ствол окаменевшего дерева был найден на берегу реки Томь в угленосной толще горных пород. Уцелел комель дерева, по форме напоминающий булаву. Инициативной группе студентов ствол удалось отделить от массива вмещающей породы и с большими предосторожностями транспортировать. Сейчас он смонтирован в музее в вертикальном положении. Длина извлеченного фрагмента составила 3 метра 85 сантиметров, диаметр в наиболее толстой части — 25 см. Возраст экспоната — 250–280 млн лет. Ствол с четко выраженной морфологией дерева, но полностью

² Там же. С. 4.

³ Колесова Л.М., Богатырева Н.А. Новые формы просветительской деятельности зарубежных музеев // Жизнь Земли. Геодинамика и экология. М., 1992. С. 148–151.

⁴ Бланк Т.В., Кожин А.В. Вузовский музей в системе внеучебной работы // Вузовский музей на пороге XXI века: сборник тезисов. Иркутск, 2001. С. 8–10.

превращенный в камень, иллюстрирует процессы формирования угленосных отложений и образования угля»⁵.

Новации в этом плане появляются в Музее землеведения МГУ, описанные, в частности, Н.Г. Комаровой как эффективное дополнение классических экскурсий и учебных форм деятельности. «Новым шагом в этих широко и издавна используемых мероприятиях по овладению знаниями и осознанному выбору будущей профессии и специализации является непосредственное участие школьников и студентов в сборе материалов для создания музейных экспозиций, в частности натуральных (гербарии, геологические образцы) и художественно-изобразительных экспонатов (фотографии, рисунки) по заданию музея. Важное значение с точки зрения непосредственного знакомства с выбранной специальностью и формирования устойчивого профессионального интереса и навыков имеет участие студентов, в частности членов научных студенческих обществ; и слушателей школ юных географов в совместных полевых научных исследованиях, проводимых сотрудниками природоведческих музеев»⁶.

Сегодня университетские музеи и учебно-научные коллекции являются важным ресурсом образовательного процесса и просвещения молодежи. Однако научные принципы формирования университетских музеев, их экспозиций и коллекций разработаны недостаточно⁷. В 2023 г. А.В. Смуровым, В.В. Снакиным и Л.В. Поповой (Музей землеведения МГУ) предложена модель «студенческого музея» для вузов, которая опирается на результаты мониторинга музеев Министерством науки и высшего образования и разнообразные информационные материалы: Международного совета музеев (ИКОМа), результаты заседаний Думского комитета по науке и образованию, статистические, обзорные и дискуссионные материалы конференций и круглых столов и т.д. Студенческий музей вуза представляется как отдел существующего музея, иного структурного подразделения вуза (факультета, института) или самостоятельная структура образовательной организации, создаваемая с целью вовлечения студенческой молодежи в изучение истории формирования и содержания научных и прикладных исследований по профилю обучения, истории образовательной организации на базе имеющих

⁵ Астахова И.С., Епифанцев О.Г. Новый музей — проблемы и перспективы // Вузовский музей на пороге XXI века. С. 10.

⁶ Комарова Н.Г. Использование возможностей вузовского природоведческого музея для профориентации учащейся молодежи // Музеи вузов и профориентация. Тезисы докладов. Свердловск, 1991. С. 12.

⁷ См.: Смуров А.В. Вузовские и академические музеи в современном социокультурном пространстве // Жизнь Земли. 2020. Т. 42 (3). С. 262–270 и др.

ся в образовательном учреждении и пополняемых с участием студентов научных, учебных коллекций и экспозиций.

В настоящее время разрабатывается более обширная модель «молодежного музея», ориентированная на весь спектр молодежных социальных групп, в которой «студенческий музей» представляется важным, но частным случаем. Такая работа на протяжении последнего года сосредоточена в рамках отдельного проекта «Программы развития Московского государственного университета» под названием «Разработка основ создания, функционирования и развития комплексного научно-просветительского университетского молодежного музея на примере МГУ имени М.В. Ломоносова». Проект предусматривает, помимо теоретических исследований, также практическую апробацию результатов в реальном пространстве различных музейных структур в МГУ и за его пределами в качестве модельных полигонов. В связи с этим важна инициатива Университетской гимназии МГУ по развитию локального проекта с целью создания собственного музея при активном участии гимназистов. Значительный аспект работы уделен развитию научно обоснованных форм вовлечения студенческой молодежи и школьников в деятельность, связанную с изучением и сохранением исторического, культурного и природного наследия в форме музейных экспозиций и научно-учебных коллекций, а также развитию эффективных интерактивных методик работы с посетителями музея.

Ключевой особенностью молодежного музея является его экспериментальность. Допуск молодежи в солидный вузовский музей на правах модераторов части пространства в экспериментальном режиме осуществлялся и ранее, но локально и временно. Примером может служить выставка «Сизифа можно называть счастливым», организованная в 2022 г. молодыми активистами из числа студентов ВШЭ в пространстве Музея земледения МГУ (24-й этаж Главного здания)⁸. Основная цель наших исследований — подвести научную основу под движение в направлении молодежного музея, обеспечить ее целенаправленность и систематичность.

Музейная деятельность приобретает все большее значение в культурносфере в целом, и молодежные музеи представляются как ее новый и важный формат, организуемый вузами. Символично, что проект по развитию молодежного музея стартовал в канун 270-летия Московского университета и 75-летия Музея земледения МГУ.

⁸ Крупина Н.И., Мякокина О.В. Временная выставка художественных работ в Музее земледения «Сизифа следует представлять себе счастливым» // Жизнь Земли. 2021. Т. 43. № 2. С. 286–287.

Принципы организации и функционирования молодежного музея

Основными задачами молодежного музея вне зависимости от организационной формы можно определить: участие в работе по подготовке высококвалифицированных специалистов; участие в создании условий для профессионального, духовного, культурного и интеллектуального развития молодежи; совершенствование форм и методов учебной, воспитательной и научно просветительской работы.

Основные виды деятельности и функции молодежного музея:

1. *Фондовая деятельность* — формирование предметных коллекций, выявление, соби́рание и сохранение имеющих научное и познавательное значение природных объектов, материальных и документальных артефактов, имеющих отношение к истории вуза и профилю получаемого студентами образования.

2. *Научно-исследовательская деятельность* — изучение предметных коллекций для получения новых знаний (формирование профессиональных компетенций).

3. *Образовательная деятельность* — передача (трансляция) обучающимся знаний с использованием музейных технологий (формирование профессиональных компетенций).

4. *Просветительская и представительская деятельность* — информирование с использованием музейных коллекций и экспозиций посетителей музея, интересующихся историей вуза и содержанием профильных коллекций и экспозиций.

5. *Воспитательная и патриотическая деятельность* — неразрывно связаны с профессиональной подготовкой (служение Отечеству с использованием профессиональных компетенций), с историческими и сегодняшними примерами такого служения граждан России и, в немалой степени, служению Отечеству студентов, преподавателей и выпускников образовательного учреждения. Особую роль в воспитательной и патриотической деятельности играют экспозиции вузовских музеев, посвященные истории вуза, истории региона и участию выпускников вуза в значимых событиях местного, общероссийского или мирового масштаба.

6. *Экспозиционная и публикационная деятельность* — создание музейных экспозиций, выставок, каталогов и другой печатной продукции, создание и поддержание сайта музея, проведение экскурсий и учебных занятий со студентами с использованием музейных предметов и экспозиций и т.п.

Таблица 1

Условная молодежная социальная группа	Музейная структура	Механизмы и показательные примеры
Школьная молодежь	Музеи в школах, кабинеты по предметам, тематические учебные коллекции по разделам программ дисциплин	Учебный процесс по предметам, внеурочная деятельность
Дополнительное образовании, учащиеся кружков	Музеи дворцов творчества юных	Пример — городской Дворец творчества молодежи в СПб., (геологический музей имени Обручева)
Дополнительное образовании от вузов с профориентационной целью, «Школа юного специалиста»	Комплексы коллекций для школ юного специалиста в университетах	Полевые маршруты Школ юного специалиста (геолога, биолога)
Студенческая учебная группа	Музеи на НО полигонах и базах университетов, комплексы спецколлекций по НОП	Учебная полевая практика. Примеры — музеи баз практик МГУ
«Молодые ученые», НСО	Выставки и отдельные экспозиционные элементы в музеях	Пример — выставка юных геологов А.В. Иванова, Е.В. Попова и М.В. Ермохина в палеонтологическом музее СГУ (1989–1991 гг.)
Активисты и члены общественно-научных организаций (сеть Молодежных клубов РГО, молодежная секция МОИП)	а) частные коллекции и музеи, б) музеи собственно обществ (история МОИП — пример), в) коллекции и музеи в коллаборации с вузовскими и академическими	Согласно Уставу общественной организации. Пример — история МОИП со времен И.Г. Фишера
Сообщества краеведов, коллекционеров, молодежные «крылья» таких объединений	Частные личные коллекции и музеи, выставки в музеях, виртуальные коллекции в соцсетях	Соцсети, инициативные экспедиции. Пример — Самарское палеонтологическое общество, неформальное объединение «геологов» в г. Балаково

Особый вопрос — социальный ресурс формирования молодежного музея и механизмы вовлечения молодежи в музейное пространство.

Сегодня можно назвать ряд социальных групп, условно квалифицируемых как «молодежные», представители которых потенциально в той или иной степени вовлекаемы в созидательную музейную деятельность через школьное образование по предметам, дополнительное образование, профориентационную работу вузов, студенческие учебные практики на научно-образовательных полигонах (НОП) и базах университетов, а также посредством иных механизмов (см. табл. 1).

При создании и функционировании молодежного музея подразумевается условность понятия «молодежь» — не в смысле возрастного ценза, а, скорее, повышенной пассионарности и первичности стадии прикосновения к природным системам и процессам посредством исследовательской деятельности. Наверное, объективно более подходящим в данном случае следует признать понятие «начинающий исследователь», а в широком плане — любой любознательный человек. Такое понимание «молодежности» не оригинально — примерно так же воспринимают ее в молодежных клубах РГО (возраст активистов этих организаций строго не ограничивается), Молодежной секции МОИП и др. Косвенно такая позиция подкрепляется и официально — в университете возраст студента формально и реально неограничен. В связи с этим важно взаимодействие с широким спектром соответствующих социальных групп (см. табл. 1)

Диагностические признаки зрелого молодежного музея

1. Молодежный музей — сателлит настоящего университетского музея и может развиваться только при нем (пример: в МГУ молодежный музей зарождается в сотворчестве Музея землеведения, биологического, геологического и исторического факультетов, Ботанического сада и Университетской гимназии). При этом предполагается, что университетский музей должен являть собой научно-образовательную платформу (НОП), в которой очевиден примат науки, ее системообразующая роль. Только на этой почве возможны образование, воспитание и пр. (как, собственно, принято в мировой университетской традиции — преподаватель университета не может не быть реально действующим ученым, образовательное направление и кафедра не могут возникнуть без развитого ранее исследовательского базиса и т.п.).

2. Системообразующая роль вузовского естественнонаучного музея (и молодежного музея при нем) принадлежит экспонатам «натуралиям», коллекциям. Только на их базе возможны дизайнерские, виртуалистические, медийные и иные «надстройки».

3. Основным механизмом развития коллекционной базы являются экспедиции, прежде всего — специально организованные с конкретными задачами под развитие вузовского музея (показательным примером может служить экспедиционная деятельность времен становления Музея землеведения МГУ) с участием молодых активистов музея из числа представителей разных молодежных социальных групп.

4. При выходе молодежного музея в зрелую фазу предполагается его практическая многофункциональность: взаимосвязанные исследовательская, образовательная, просветительская (популяризация науки), профориентационная и представительская формы деятельности. Стратегическое значение молодежного музея для университета — он должен стать узлом мобильно-сетевое взаимодействие культурно-интеллектуальных систем регионов (логичной основой структуризации такого взаимодействия может служить, например, консорциум «Вернадский — регионы», развиваемый под патронатом МГУ).

5. Вузовский молодежный музей в основной своей сущности — зона свободного «научного творчества» (выражение В.И. Вернадского), система экспериментальных площадок для совместных образовательных приключений начинающего и опытного исследователей. Здесь нормальны дерзкие попытки воплотить нестандартные идеи, пространственные и дизайнерские решения, создать необычные коллекции (пример нестандартной тематики — нелинейные эффекты в геоэкосистемах и т.п.). Это характерно на всех стадиях научного цикла — от сбора материалов (которые собственно становятся экспонатами, коллекциями музея) до презентации результатов, их обсуждения в научном сообществе и, что весьма важно, — популяризации для широкой общественности.

Структурно-функциональные особенности и мобильно-сетевая сущность молодежного музея

Проект Молодежного музея в Программе развития МГУ предполагает разработку концепции его создания с апробированием механизмов на площадках университетов. Такой музей представляется как мобильно-сетевое образование, интегрированное в систему научно-образовательных организаций с зоной свободного творчества молодежи в музейном пространстве, эффективным развитием системы интерактивных площадок и вовлечением организаторов и посетителей в формат научно-просветительской экспедиции. В этом разрезе прослеживаются аналогии с известным «технопарковым»

движением и архитектурой «кафедр ЮНЕСКО», развивающихся как система так называемых «сетевых секций».

Предлагается в качестве гипотетически оптимальной формула конструкции и структуры молодежного музея как мобильно-сетевой системы с центральным полигоном в кампусе МГУ и с региональными узлами. В формате отдельно взятого университета молодежный музей — система экспериментальных площадок как в помещении, так и под открытым небом, как стационарных, так и мобильных. Для такой музейной конструкции нормальна пространственная распределенность в кампусе каждого конкретного вуза (кластеры), интерференция с зонами обучения и рекреации вуза, система гибридных музейно-экотонных зон с коворкинговыми и библиотечными пространствами.

Принципы функционирования молодежного музея

Молодежный музей — максимально открытая система, предусматривающая коммуникации и многогранное сотворчество со всеми группами социума и персоналиями: взаимодействие с краеведческим, блогерским сообществом, персонами и ассоциациями коллекционеров, «любителей природы», «испытателей природы» и т.п.; сотрудничество с широкой общественностью, СМИ; полноценное общение с музеями всех видов (университетские, академические, краеведческие, школьные, частные и т.д.). Для молодежного музея характерен постоянный обмен опытом между «узлами» разных вузов, а также органичная взаимосвязь с научно-просветительскими экспедициями. Эффективным механизмом развития могут стать взаимодействие элементов сети молодежных музеев с геоэкотуристическими маршрутами, ООПТ, курирование и научный мониторинг объектов геонаследия, содействие развитию геоэкотуризма. Практически это можно воплотить через создание экспозиций и учебных коллекций по научно-образовательным полигонам вузов, естественнонаучных коллекций по курируемым вузом местным ООПТ, памятникам природы, объектам госнаследия.

В качестве *основных задач этапа становления молодежного музея определены:*

1. Оптимальное распределение кластеров в формате кампуса конкретного университета, их взаимосвязь, обеспечение единого тренда развития.
2. Выработка оптимальной модели взаимовыгодного сотрудничества центрального кластера молодежного музея МГУ и регионального вузовского молодежного музея, что может осуществляться посредством научно-методического консультирования от Музея

землеведения МГУ, подготовки региональных кураторов (экскурсоводов и др.) путем стажировок в Музее землеведения и специальных полевых тренингов в экспедиции «Флотилия плавучих университетов».

3. Определение особенностей виртуальной составляющей молодежного музея согласно принципу разумной достаточности.

Апробируемые на сегодняшний день конкретные механизмы работы молодежного музея

Основная стратегия проекта молодежного музея на этапе становления — разработка концепции при постоянном апробировании конкретных новаций на модельных полигонах в реальной среде школьной и студенческой молодежи, соответствующих социальных общностей (молодежные клубы РГО, молодежная секция МОИП) и др. Согласно такой установке, в рамках создания молодежного музея нами в сотрудничестве с коллегами из иных научно-образовательных организаций на сегодняшний день инициирован ряд прикладных музейных проектов.

Взаимодействие вузовского музея и школьного сообщества при создании междисциплинарной выставки (на примере выставки «Живое вещество в геосферах»).

Центральный узел молодежного музея проектируется территориально в Университетской гимназии и Музее землеведения МГУ имени М.В. Ломоносова. Его зародышем стала выставка «Живое вещество в геосферах», посвященная 160-летию со дня рождения В.И. Вернадского и созданная изначально в формате трех кластеров: мемориального «кабинета ученого», «Козволюция биосферы и литосферы» в Музее землеведения и «Университетское Лукоморье» в Университетской гимназии⁹.

На стадии становления, до выхода в режим штатной работы для центрального узла молодежного музея предусматриваются два этапа: а) накопление коллекционного материала, прививание молодой команде навыков работы с реальными музейными объектами (от «добычи» в экспедиции до помещения в экспозицию, учебную коллекцию или резерв сырьевого материала для работы интерактивных площадок), запуск работы интерактивных площадок, апробация

⁹ Иванов А.В., Смулов А.В., Снакин В.В., Козачек А.В., Леонтович А.В., Струлев С.А., Воликова И.А. Выставка «Козволюция геосфер» и система интерактивных палеоэкологических площадок — пилотный проект Тамбовского регионального узла «молодежного музея» // Наука в вузовском музее. Материалы ежегодной Всероссийской научной конференции с международным участием: Москва, 21–23 ноября 2023 г. / Отв. ред. А.В. Смулов. М., 2023. С. 70–73.

механизмов работы музея в мобильно-сетевом режиме, разработка системы брендинга и пиара проекта; б) создание архитектуры музея, экспозиционный блок, отработка механизмов взаимодействия «узлов» и кластеров, выход на полноценное научно-просветительское функционирование.

В рамках работы над научно-методическими рекомендациями по развитию молодежного музея МГУ разработан оптимальный комплекс методик работы с экспонатами музея и их ассоциациями на стадиях подготовки и экспонирования — каталогизации имеющегося коллекционного материала с учетом новых поступлений по результатам предыдущего экспедиционного сезона работы коллектива проекта. В качестве первоначальной задачи позиционируется фондовый учет и нумерация экспонатов при активном содействии школьников и студентов под руководством сотрудников группы фондов Музея землеведения МГУ. В настоящее время в той или иной мере обработаны три серии экспонатов: экспедиционные поступления в рамках выставки «Живое вещество в геосферах» (кластер в Музее землеведения и кластер «Университетское Лукоморье» в Гимназии), а также новые поступления 2023 г., доставленные по итогам экспедиции «Флотилия плавучих университетов» (проведены по фондовой комиссии, осуществляется нумерация).

Другим важнейшим этапом представляется подготовка информации и серии фотоизображений по каждому экспонату (предусматривается единство принципов для всех экспонатов: каменных материалов, почв, растений, чучел животных, исторических документов и иных коллекций).

1. Информация научная стандартная по каждому образцу (местонахождение, история образца, его научная значимость и т.д.).

2. Фото научные документальные стандартные с масштабной линейкой (выполняются при консультации специалиста по конкретной группе экспонатов).

3. Серия фото процесса подготовки к экспонированию конкретного экспоната (препарирование, возможно распиловка, полировка и т.п.).

4. Серия фото образца уже в качестве экспоната — составной части экспозиции с «окружением» (при этом важна ориентировка объекта в витрине).

5. Стадия, которая максимально отличает подобные каталогизационные работы от «классического» варианта музея, она наиболее эффективна и гармонична именно в формате молодежного музея: подготовка серии креативных фото экспоната (ассоциации экспонатов) с элементами экспериментирования. Работа выполняется по

правилам жанра «креативная фотография», а также максимально приветствуется любое разумное творческое экспериментаторство. Рекомендуются опробовать разное увеличение, этюды деталей экспоната, для масштабирования применить не только стандартную линейку, но иные предметы, человека. Также целесообразно использовать нестандартные локации экспоната и композиционные решения — в руках молодого исследователя, во дворе на фоне здания, композиции с соответствующими книгами, полевыми геологическими инструментами, лабораторным инструментарием и оборудованием и др. Эффективным для ряда образцов может стать нестандартный фон расположения экспоната (например, небо). Увеличенное фото монотонной части одного экспоната (жилкование ископаемого листа растения, волокна окремнелой древесины, годовые кольца ствола, сеть ходов илоедов в подводной почве и др.) возможно использовать как фон для других (распечатав фон на пенокартон, например). При этом рекомендовано техническое экспериментаторство — применение разного освещения, светофильтров и др.

Как ориентир по пунктам для научной составляющей каталога предлагается использовать предыдущие сходные работы коллектива — каталоги коллекций и выставок Музея геологии, нефти и газа города Ханты-Мансийска (выставка «Древнее Лукоморье»)¹⁰, Музея землеведения МГУ (выставка «Геологический след человека»¹¹.

Возможны разнообразные способы представления «Креативного фотокаталога молодежного музея» как одного из вероятных итоговых продуктов проекта в целом: научная монография, электронный вариант на сайте и в соцсетях, база данных и др. Возможны также иные дополнительные формы каталогизации и формирования информационной базы об экспонатах (например, видеокаталог). Представление такого сегмента каталога также можно организовать нестандартно, например, как серию роликов (с закадровым текстом) на сайте — «тик-ток-каталог». Подача собранной информации возможна любыми способами при условии сохранения научной достоверности, полноты и системности, основных принципов формирования

¹⁰ Иванов А.В., Яшков И.А. Прибрежные геоэкосистемы палеогена Поволжья и Западной Сибири: путеводитель и каталог выставки «Древнее Лукоморье». М., 2022. Труды «Флотилии плавучих университетов». Т. 2).

¹¹ Иванов А.В., Яшков И.А., Грачев В.А., Плева И.Р., Смуров А.В., Сочивко А.В., Снакин В.В. Эволюционная урбанистика Поволжья и Прикаспия в музейном пространстве. Исследования сетей поселений в рамках проекта «Флотилия плавучих университетов». Путеводитель и каталог совместных экспозиций Музея естествознания Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина и Музея землеведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. М., 2020.

каталога коллекции. Предложенная система научно-методических новаций в настоящее время апробируется на площадке Университетской гимназии МГУ в рамках пилотной выставки «Молодежного музея МГУ» «Университетское Лукоморье».

В 2023 и 2024 гг. на историческом факультете были проведены встречи с учениками Университетской гимназии. Их целью было знакомство школьников с историей участия сотрудников и студентов Московского университета в Великой Отечественной войне, а также активизация поисковой работы в этом направлении.

На встрече было обращено внимание ребят на Доски памяти. То, что воспринимается как само собой разумеющиеся (аналогичные Доски имеются на всех «старых» факультетах МГУ), является плодом активной научной работы не одного поколения студентов и сотрудников. Школьникам было рассказано не только о судьбах людей Московского университета, связанных с Великой Отечественной войной, но и о документах, по которым восстанавливаются детали их биографии.

Ребята познакомились с экспонатами Кабинета боевой и трудовой славы исторического факультета, а затем приняли участие в подготовке хранящихся в ней документов к публикации.

Надо сказать, что в начале 2000-х гг. в рамках Кабинета была распространена практика привлечения студентов к публикаторской (результатом стал выход четырех книг — сборников документов, в которых перечислены имена всех лиц, принявших участие в издании¹²) и экспозиционной деятельности этого факультетского Музея. Сейчас данный опыт был перенесен на более младшую аудиторию.

Мобильные выставки в формате научно-просветительской экспедиции

Впервые апробирована разработанная ранее авторами оригинальная система развития нескольких мобильных выставок одновременно («Древнее Лукоморье», «Живое вещество в геосферах») в режиме научно-просветительской экспедиции «Флотилия плавучих университетов» в Поволжье, что предусматривает не просто их «гастролирование», а взаимодействие и коэволюцию в процессе

¹² «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: Воспоминания, стихи и письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны / Сост. С.И. Антонова и др.; предисл. В.П. Богданова. М., 2009; Дневники и письма Ирины Михайловны и Михаила Тимофеевича Белявских. 1941–1945 / Сост. С.И. Антонова, В.П. Богданов, А.А. Лиманов, Ю.А. Мошков, Е.О. Ягодкина / Отв. ред. Е.О. Ягодкина. М., 2010; Летописи войны: воспоминания, дневники, письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны. М., 2012; Антонова С.И. Воспоминания советского человека. М., 2014; «Бессмертный полк моей семьи — живая память поколений...» / Под общ. ред. Э.Б. Родюкова. М., 2020.

экспедиции благодаря новым сборам образцов учеными при поддержке населения. Работа выставок на судах, в полевых лагерях и населенных пунктах сопровождалась научно-популярными лекциями ученых экспедиции по геологии, экологии, геоморфологии, палеогеографии, почвоведению, урбанистике, а также множественными интерактивными площадками для посетителей — изучением почвенных шурфов, отбором геологических образцов, сбором растений под руководством специалистов. Работа выставок проходила в постоянном режиме. Ключевые массовые мероприятия с привлечением широкого спектра социальных групп местного населения на базе выставочной работы проведены в полевых лагерях и на набережных крупных населенных пунктов.

Важнейшим итогом работы экспедиции «Флотилия плавучих университетов» и передвижной музейной выставки в ее формате «Живое вещество в геосферах» стали специально спланированные целенаправленные массовые сборы эмпирических материалов для коллекций молодежного музея МГУ (геологические, палеонтологические, палеоэкологические и иные). Также участниками экспедиции отобраны материалы для организации интерактивных площадок молодежного музея (наполнитель «палеоэкологических песочниц», эталонные объекты и расходные материалы для «препарировальных столов» и др.). Основными исполнителями этих работ полевого сезона 2023 г. стали молодые участники экспедиции — студенты Тамбовского ТГУ, Саратовского ГТУ (вузы — члены Ассоциации «Объединенный университет В.И. Вернадского»), школьники из Казани, Волгограда, Камышина, Ханты-Мансийска¹³.

*Зарождение регионального узла молодежного музея и
выстраивание взаимодействия с центральным узлом*

Поскольку молодежный музей изначально предполагает создание и развитие системы узловых образований прежде всего при университетах, в качестве модельного варианта такой структуры в 2023 г. был создан «региональный узел Молодежного музея» при Тамбовском ГТУ. Здесь идет работа по формированию НОЦ «Музей коэволюции геосфер». Выбор в качестве региональной модельной площадки именно Тамбовского ГТУ объясняется следующими причинами: здесь функционирует организационный центр такой нестандартной организации, как Ассоциация «Объединенный университет В.И. Вернадского» (более 15 вузов), активно развивается

¹³ Иванов А.В., Яшков И.А., Смулов А.В. и др. Мобильные выставки в научно-просветительской экспедиции как драйвер развития молодежного музея: опыт «Флотилии плавучих университетов» // Жизнь Земли. 2023. Т. 45. № 4. С. 573–583.

Консорциум «Вернадский: МГУ — Тамбовский регион», вуз имеет сильную связь с научно-просветительской экспедицией «Флотилия плавучих университетов», он является местом инициации воссоздания в новом формате Комиссии (секции) РАН по изучению наследия В.И. Вернадского, а также функционирует как активная площадка всероссийского «Фестиваля науки». Именно здесь наблюдается большой интерес к музейному делу в разрезе вернадизма, что подкрепляется реальными сборами коллекционных материалов при ежегодном участии ученых и студентов в экспедиции «Флотилии плавучих университетов» в Поволжье¹⁴.

Старт развитию тамбовского регионального узла молодежного музея был дан на «Фестивале науки — 2023»: запущена работа серии интерактивных площадок. Узел Молодежного музея в Тамбовском ГТУ продолжает развиваться силами ученых и студентов университета при научном консультировании Музея земледения МГУ. В настоящее время отрабатываются механизмы активного вовлечения студентов направлений подготовки «строительство», «экология» и «реклама и пиар» в работу музея как в режиме практических занятий по дисциплинам «науки о Земле», «учение о геосферах» и др., так и в порядке волонтерства. Во время серии мероприятий «геоэкологической школы» в ТГТУ студенты получают навыки работы с коллекционными материалами, принимают участие в формировании учебных коллекций для выполнения собственных практических занятий и для студентов будущих поколений, участвуют в локальных полевых маршрутах по региону с целями приобщения к исследованиям и пополнения коллекций. Эта работа широко взаимосвязана в перспективе с региональным проектом «Геоэкопарк Вернадского»¹⁵.

Одной из основных задач будущего Молодежного музея ТГТУ, помимо тематических научных исследований по направлениям наук о Земле, экологии, истории науки и др., является доступное представление музейными средствами основных идей и тематик, связанных с именем В.И. Вернадского: взаимодействие оболочек планеты (прежде всего биосферы и литосферы), эволюция экосистем, биокосные тела, геохимические превращения и барьеры, кризисы и катастрофические вымирания организмов в истории Земли и жизни

¹⁴ Вернадизм в современном университете. Опыт мобильно-сетевых научно-просветительских проектов / Под ред. А.В. Иванова, А.В. Козачека. М.; Тамбов, 2023. (Бюллетень Секции В.И. Вернадского Комиссии Российской академии наук по изучению научного наследия выдающихся ученых. Т. 1).

¹⁵ Иванов А.В. К развитию концепции «Геоэкопарк Вернадского» и потенциальной роли системы музеев в его становлении // Наука в вузовском музее. Материалы ежегодной Всероссийской научной конференции с международным участием, 20–22 ноября 2018 г. / Отв. ред. Е.П. Дубинин. М., 2018. С. 39–42.

на ней, воздействие техносферных процессов на конкретные оболочки и т.д. Такая задача реализуема как для широкой общественности с целями популяризации науки и профориентации молодежи, так и важна для обеспечения качества учебного процесса. В настоящее время производится разработка типовых учебных коллекций по дисциплинам («землеведение», «экология», «науки о Земле», «учение о геосферах» и др.) для ряда направлений подготовки («экология», «строительство», «землеустройство» и др.).

Механизмы взаимодействия узлов молодежного музея особенно показательно практикуются в ходе экспедиции «Флотилия плавучих университетов». На сегодняшний день отрабатываются методики сотворческого развития передвижных выставок с непосредственным активным участием студентов и школьников, а также методики совместных сборов эмпирического материала и информации для развития как центрального, так и региональных кластеров музея (собраны материалы для создания пилотных версий экспозиций, учебных коллекций и работы палеоэкологических интерактивных площадок).

Развитие системы интерактивных площадок в формате конкретного узла молодежного музея осуществляется на примере палеоэкологического направления в Тамбовском региональном узле. Концепция предполагает на начальной стадии в качестве точки роста Молодежного музея Тамбовского ГТУ комплекс интерактивных площадок: «Пляж мелового периода» («Палеоэкологическая песочница»), «Страница каменной летописи» («Препарировальный стол начинающего палеоэколога») и других. Они формируются таким образом, чтобы обеспечить возможность эффективной их эксплуатации для учебного процесса и просветительских мероприятий по широкому спектру тем. Студенты и школьники смогут выполнять в формате площадок небольшие исследовательские работы разной степени фундаментальности¹⁶.

Полевая работа специальных отрядов школьников с педагогами под научным руководством сотрудников музеев в экспедиции с целью приобщения к исследовательской деятельности и сбора материалов

¹⁶ Иванов А.В., Смулов А.В., Снакин В.В., Леонтович А.В., Колотилова Н.Н., Малёнкина С.Ю., Табдуллин Р.Р. Музейная выставка «Живое вещество в геосферах» к 160-летию со дня рождения В.И. Вернадского // Жизнь Земли. 2023. Т. 45. № 3. С. 441–461; Иванов А.В., Смулов А.В., Снакин В.В., Козачек А.В., Леонтович А.В., Струлев С.А., Воликова И.А. Выставка «Коэволюция геосфер» и система интерактивных палеоэкологических площадок — пилотный проект Тамбовского регионального узла «молодежного музея» // Наука в вузовском музее. Материалы ежегодной Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 21–23 ноября 2023 г. / Отв. ред. А.В. Смулов. М., 2023. С. 70–73; Иванов А.В., Яшков И.А., Смулов А.В. и др. Мобильные выставки в научно-просветительской экспедиции ... С. 573–583.

по заданию вузовского музея. Такая форма деятельности молодежного музея апробирована на примере группы учащихся школ городов Казани, Волгограда и Саратова и их педагогов в научно-просветительской экспедиции «Флотилия плавучих университетов» во время полевого сезона 2023 г. При этом казанские школьники участвовали как победители молодежного конкурса «Хранители Земли»: собранные ими материалы послужат основой создания учебных коллекций школы, а также пополнят коллекции музея кафедры палеонтологии Казанского федерального университета.

Заключение

1. Особенности молодежного музея как формы самоорганизации музейного сообщества и молодежных социальных групп позволяют любому любознательному человеку попробовать себя в роли начинающего исследователя-естествоиспытателя, реально проходя научно-образовательные циклы. «Малый» цикл возможно осуществить в рамках экспозиционного блока конкретной структуры молодежного музея и комплекса интерактивных площадок при ней: провести «поиск» нового материала (например, в формате «палеоэкологической песочницы») — «изучить» находку здесь же при консультации специалиста музея (например, с помощью микроскопа) — «опубликовать» свое «открытие» (например, разослав фотоизображение) — получить отклик «коллег» и снова вернуться к стадии «поиска» нового для себя. «Большой» же цикл подразумевает выход за пределы музея в классическом понимании: работа в музее — участие в научно-просветительской экспедиции — возврат в музей с материалом, собранным совместно со специалистами, — пополнение коллекций и развитие музея.

2. Среди апробированных механизмов видна особая роль экспедиции как ключевого драйвера мобильно-сетевой системы молодежного музея. Это не случайно, ибо настоящий музей рождается именно в экспедиции (как прекрасно показывает история становления, например, Музея земледения МГУ). Так, собранные за полевой сезон 2023 г. экспедицией «Флотилия плавучих университетов» материалы доставлены в Музей геологии, нефти и газа города Ханты-Мансийска, Казанский федеральный университет (кафедра палеонтологии, музей), Палеонтологический институт РАН, Ботанический институт РАН и другие. Наиболее обширные сборы прибыли в Тамбовский ГТУ, Музей земледения МГУ и Университетскую гимназию МГУ для развития соответствующих узлов молодежного музея.

3. В процессе работы по проекту молодежного музея стало возможным определить ряд сдерживающих факторов. Наиболее очевидным является недостаточность идейно-тематического отклика от разных молодежных социальных групп. В связи с этим МГУ совместно с Неправительственным экологическим фондом имени В.И. Вернадского запущен творческий конкурс «Молодежь и музей». Более того, резко проявляются проблемы общемировоззренческого плана, прежде всего по линии взаимоотношений человека и природы — стремление к потребительскому отношению к природе, отношению к природным объектам как к чему-то чужому и враждебному (исторический комплекс «преобразователя природы», мифология «каменной тверди» и т.п.). Тревогу вызывает деградация в системе общего образования, культуры коллекций и натурного эксперимента. Готовые учебные коллекции предлагаются рынком, однако принципиально иное дело — коллекция живая, развивающаяся вместе со школьниками, где виден вклад каждого поколения школьников, каждого учителя при содействии университетов, — а это уже вопрос необходимости развития полевых практик и участия в экспедициях. Отдельного упоминания заслуживает специфика восприятия новым поколением музейного контента, обостренная жажда виртуальности, проблема гармонизации реального и виртуального в молодежном музее.

4. Особенностью проекта молодежного музея, определяющей позитивную перспективу, можно назвать мультимедийную дисциплинарность, что обрекает представителей разных наук на сотрудничество и синтетический творческий подход при разработке конкретных узлов при университетах. Вероятно, система молодежных музеев в будущем может стать сильным механизмом развития сетевого взаимодействия музеев вообще — вплоть до глобального «музеосферного» масштаба.

5. Таким образом, молодежный музей на определенной стадии своего развития становится своеобразным «инкубатором Вернадских» — механизмом взращивания университетских личностей с широким кругозором, пластичным мышлением, способностью конструктивно отстаивать свое мнение, воспринимать природное и приумножать культурное наследие человечества.

References

Astakhova I.S., Yepifantsev O.G. *Novyy muzey — problemy i perspektivy* [A New Museum: Problems and Prospects] // *Vuzovskiy muzey na poroge XXI veka: sbornik tezisov* [University Museums at the Turn of the 21st Century: Collection of Abstracts]. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy universitet, 2001. P. 10–11.

Blank T.V., Kozhin A.V. *Vuzovskiy muzey v sisteme vneuchebnoy raboty* [University Museum in the System of Extracurricular Activities] // *Vuzovskiy muzey na poroge XXI veka: sbornik tezisov* [University Museums at the Turn of the 21st Century: Collection of Abstracts]. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy universitet, 2001. P. 8–10.

Ivanov A.V. *K razvitiyu kontseptsii "Geoekoparka Vernadskogo" i potentsial'noy roli sistemy muzeyev v yego stanovlenii* [On the Development of the Concept of the "Vernadsky Geoeco-Park" and the Potential Role of Museums in Its Formation] // *Nauka v vuzovskom muzeze. Materialy yezhegodnoy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, 20–22 noyabrya 2018 g.* [Science in University Museums. The Acta of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation] / Ed. by E.P. Dubinin. Moscow: MAKS Press, 2018. P. 39–42.

Ivanov A.V., Smurov A.V., Snakin V.V., Kozachek A.V., Leontovich A.V., Strulov S.A., Volikova I.A. *Vystavka "Koevolyutsiya geosfer" i sistema interaktivnykh paleoekologicheskikh ploshchadok — pilotnyy proyekt Tambovskogo regional'nogo uzla "molodezhnogo muzeya"* [The Exhibition "Coevolution of Geospheres" and the System of Interactive Paleoecological Platforms: The Pilot Project of the Tambov Regional Hub of the "Youth Museum"] // *Nauka v vuzovskom muzeze. Materialy yezhegodnoy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, 20–22 noyabrya 2018 g.* [Science in University Museums. The Acta of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation] / Ed. by E.P. Dubinin. Moscow: MAKS Press, 2018. P. 70–73.

Ivanov A.V., Smurov A.V., Snakin V.V., Leontovich A.V., Kolotilova N.N., Malonkina S.Yu., Gabdullin R.R. *Muzeynaya vystavka "Zhivoye veshchestvo v geosferakh" k 160-letiyu so dnya rozhdeniya V.I. Vernadskogo* [The Museum Exhibition "Living Matter in the Geospheres" on the Occasion of the 160th Anniversary of V.I. Vernadsky] // *Zhizn' Zemli*. 2023. Vol. 45. N 3. P. 441–461.

Ivanov A.V., Yashkov I.A. *Pribrzhnyye geoekosistemy paleogena Povolzh'ya i Zapadnoy Sibiri: putevoditel' i katalog vystavki "Drevneye Lukomor'ye"* [Coastal Geoecosystems of the Paleogene in the Volga Region and Western Siberia: Guide and Catalogue of the Exhibition "Ancient Lukomor'ye"]. Moscow: Nauka, 2022. 202 p. (*Trudy "Flotiliya plavuchikh universitetov"* [Proceedings of the "Flotilla of Floating Universities"]. Vol. 2).

Ivanov A.V., Yashkov I.A., Grachev V.A., Pleva I.R., Smurov A.V., Sochivko A.V., Snakin V.V. *Evolutsionnaya urbanistika Povolzh'ya i Prikaspiya v muzeynom prostranstve. Issledovaniya setey poseleniy v ramkakh proyekta "Flotiliya plavuchikh universitetov". Putevoditel' i katalog sovmestnykh vystavok Muzeya yestestvennoy istorii Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. Yu.A. Gagarina i Muzeya zemlevedeniya MGU imeni M.V. Lomonosova* [Evolutionary Urbanism of the Volga and Caspian Regions in the Museum Space. Settlement Network Studies within the "Flotilla of Floating Universities" Project. Guide and Catalogue of Joint Exhibitions of the Museum of Natural Science of Yuri Gagarin Saratov State Technical University and the Museum of Earth Sciences of Lomonosov Moscow State University]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; MAKS Press, 2020. 100 p.

Ivanov A.V., Yashkov I.A., Smurov A.V., Snakin V.V., Kolotilova N.N., Kozachek A.V., Maksimova E.E. *Peredvizhnyye vystavki v nauchno-obrazovatel'noy ekspeditsii kak drayver razvitiya molodezhnogo muzeya: opyt "Flotilii plavuchikh universitetov"* [Mobile Exhibitions in the Scientific and Educational Expedition as a Driver of the

Development of the Youth Museum: Experience of the “Flotilla of Floating Universities” // *Zhizn' Zemli*. 2023. Vol. 45. N 4. P. 573–583.

Kolesova L.M., Bogatyreva N.A. *Novyye formy prosvetitel'skoy deyatel'nosti zarubezhnykh muzeyev* [New Forms of Educational Activities in Foreign Museums] // *Zhizn' Zemli. Geodinamika i ekologiya* [Life of the Earth. Geodynamics and Ecology]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1992. P. 148–151.

Komarova N.G. *Ispol'zovaniye vozmozhnostey vuzovskogo prirodovedcheskogo muzeya dlya proforiyentatsii uchasheysya molodezhi* [Using the Opportunities of University Natural History Museums for Career Guidance of Students] // *Muzei vuzov i proforiyentatsiya: dissertatsionnyye doklady* [University Museums and Career Guidance: Collection of Abstracts]. Sverdlovsk: Ural'skiy lesotekhnicheskiy institut, 1991. P. 10–13.

Krupina N.I., Myakokina O.V. *Vremennaya vystavka khudozhestvennykh rabot v Muzeye zemlevedeniya “Sizifa sleduyet predstavlyat' sebe schastlivym”* [Temporary Art Exhibition in the Museum of Earth Sciences “Sisyphus Must Be Imagined Happy”] // *Zhizn' Zemli*. 2021. Vol. 43. N 2. P. 286–287.

Smurov A.V. *Vuzovskiy i akademicheskiy muzei v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve* [University and Academic Museums in the Modern Sociocultural Space] // *Zhizn' Zemli*. 2020. Vol. 42. N 3. P. 262–270.

Stroyeva A.R., Kolotilova N.N., Ivanov A.V. *Vydayushchiysya yestestvoispytatel' akademik G.A. Zavarzin. O podgotovke vystavki v ramkakh proyekta sozdaniya molo-dezhnogo muzeya* [Outstanding Naturalist the Academy Full-Member G.A. Zavarzin. On the Preparation of the Exhibition within the Framework of the Youth Museum Creation Project] // *Nauka v vuzovskom muzeye. Materialy yezhegodnoy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, 20–22 noyabrya 2018 g.* [Science in University Museums. The Acta of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation] / Ed. by E.P. Dubinin. Moscow: MAKS Press, 2018. P. 135–136.

Sumatokhin S.V. *Biologicheskoye obrazovaniye na rubezhe XX–XXI vekov* [Biological Education at the Turn of the 20th and 21st Centuries]. Moscow: Shkol'naya pressa, 2021. 416 p.

Uchebno-nauchnyy muzey zemlevedeniya. Putevoditel' [Educational and Scientific Museum of Earth Sciences. A Guidebook]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1957. 124 p.

Vernadizm v sovremennoy universitete. Opyt mobil'no-setevykh nauchno-prosvetitel'skikh proyektov [Vernadism in the Contemporary University. Experience of Mobile-Network Scientific and Educational Projects] / Ed. by A.V. Ivanov, A.V. Kozachek. Moscow; Tambov: Izdatel'skiy tsentr TGTU, 2023. 200 p. (*Byulleten' sektsii Komissii V.I. Vernadskogo RAN po izucheniyu nauchnogo naslediya vydayushchikhsya uchonykh* [Bulletin of the V.I. Vernadsky Section of the Russian Academy of Sciences' Commission on the Study of the Scientific Heritage of Outstanding Scientists.]. Vol. 1).

Поступила в редакцию
15 марта 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-27-44

Г.И. Баязитова

**«САМОДЕРЖАВИЕ ЕСТЬ НАИЛУЧШЕЕ ПРАВЛЕНИЕ»:
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ
ТРАКТАТА «ПОЛИТИКА, ПОЧЕРПНУТАЯ
ИЗ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ» Ж.- Б. БОССЮЭ
(ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ПЕРЕВОДА)**

G.I. Bayazitova

**“AUTOCRACY IS THE BEST FORM OF GOVERNMENT”:
ON THE CONCEPTUAL FRAMEWORK OF J.-B. BOSSUET’S
TREATISE *POLITICS DRAWN FROM THE VERY WORDS
OF HOLY SCRIPTURE* (ISSUES WITH THE RUSSIAN
TRANSLATION)**

Аннотация. В XVIII в. в России был переведен целый ряд западноевропейских политических трактатов, что во многом повлияло на формирование политического языка. Переводчики зачастую использовали прямое калькирование и заимствования терминологии из европейских языков, однако во второй половине XVIII в. стал всё больше проявляться языковой пуризм и связанные с ним попытки создания собственной политической терминологии. Другой тенденцией было существование диглоссии: нередко в самих переводах авторы могли использовать церковнославянские обороты наряду с современным им русским языком. В начале XIX в. языковой пуризм становится аргументом защитников консервативного политического курса и одновременно продолжающиеся заимствования европейских политических идей дают возможность говорить о сильной либеральной составляющей в общественно-политической жизни России. В статье представлены результаты исследования перевода на русский язык трактата французского епископа Жака-Бениня Боссюэ «Политика, выведенная из самых слов Священного Писания» священником Морского Богоявленного

Гульнара Ильгизовна Баязитова, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения Тюменского государственного университета

Gulnara Il'gizovna Bayazitova, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Tyumen State University

g.bajasitova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2858-9518

собора Иваном Ивановичем Бедринским в 1802 г. в контексте политических тенденций того времени. Издание трактата в Императорской типографии показывает, что данный перевод претендовал на особое место в интеллектуальном пространстве российского государства. Автор статьи выявляет основные политические концепты трактата Боссюэ, нашедшие отражение в переводе Бедринского: концепция власти, договорная концепция происхождения государства, идея общего блага. Объясняется и отсутствие в русском издании ряда сюжетов оригинала, связанных с особым статусом монарха в Российской империи, в частности, это рассуждения французского мыслителя о тирании, о престолонаследии, о воспитании государя, а также сопротивлении государю. Значение изучаемого перевода возможно определить, если обратить внимание на политический контекст, в котором он появился, особый общественный климат в среде русского образованного дворянства и, наконец, личные мотивы переводчика, которые представлены в прошении Бедринского о введении его перевода в учебный процесс в народных училищах.

Ключевые слова: политические трактаты, Ж-Б. Боссюэ, И.И. Бедринский, политическая терминология, политический язык XVIII в., пуризм.

Abstract. In the 18th century, a number of Western European political treatises were translated in Russia, significantly influencing the formation of political language. Translators often used direct calques and borrowed terminology from European languages. However, in the second half of the century, linguistic purism and related efforts to create indigenous political terminology became increasingly prevalent. Another trend was the existence of diglossia: translators often used Church Slavonic expressions alongside modern Russian in the same translations. At the beginning of the 19th century, linguistic purism became an argument for supporters of conservative political policies. Simultaneously, the ongoing borrowing of European political ideas indicates a strong liberal element in Russia's socio-political life. This article presents the results of a study on the Russian translation of the French bishop Jacques-Bénigne Bossuet's treatise *Politics Drawn from the Very Words of Holy Scripture* by Ivan Ivanovich Bedrinskiy, a priest of the Epiphany Naval Cathedral, in 1802, in the context of the political trends of that time. The publication of the treatise in the Imperial printing house shows that this translation aimed for a special place in the intellectual space of the Russian state. The author of the article identifies the main political concepts of Bossuet's treatise, reflected in Bedrinskiy's translation: the concept of authority, the contractual theory of the origin of the state, and the idea of the common good. The omission of several themes from the original in the Russian edition can also be explained, particularly those related to the monarch's special status in the Russian Empire. This includes Bossuet's discussions on topics such as tyranny, succession, the education of the sovereign, and resistance to the sovereign. The significance of the translation can be understood by examining the political context in which it emerged, the distinctive public climate among the Russian educated nobility, and the personal motivations of the translator. These motivations are reflected in Bedrinskiy's petition to have his translation included in the educational curriculum of public schools.

Keywords: political treatises, J.-B. Bossuet, I.I. Bedrinskiy, political terminology, eighteenth-century political language, purism.

* * *

Проблема перевода зарубежных трактатов XVII–XVIII вв. на русский язык касается довольно известной и популярной в настоящее время темы формирования российской политической мысли в XVIII–XIX вв. В последние несколько лет в издательстве «Новое литературное обозрение», в сериях “Historia Rossica”, «Интеллектуальная история» одна за другой вышли несколько коллективных монографий, которые фокусируются на развитии разных аспектов политической мысли и политического языка в Российской империи. Первым таким сборником исследований по исторической семантике и истории понятий стала коллективная монография «Понятия о России». В ней авторы анализируют понятия, появившиеся в российском общественно-политическом дискурсе начиная с XVII в. Сами авторы (А. Миллер, Д. Сдвижков и И. Ширле) позиционировали монографию как сжатую программу по исследованию ключевых понятий России имперского периода¹.

Вслед за этим проектом появились новые исследования, которые расширили и дополнили его хронологически, фактологически и сюжетно. Часть исследований фокусируется на идейно-политической составляющей, такой как республиканская политическая традиция, начиная со Средневековья до конца XX в.² К. Бугров и М. Киселев подробно разбирают термин “res publica” и соотношение понятий «республика» и «монархия» в русской переводной литературе XVIII в.³ Кроме того, они фиксируют базовые приемы адаптации иностранных терминов в русском языке: транслитерирование, калькирование и подбор эквивалента из русского языка⁴. В 2022 г. выходит коллективная монография «Лаборатория понятий» под редакцией С. Польского и В. Ржеуцкого, во введении которой авторы приводят впечатляющую статистику и контекст изданий переводов европейских трактатов на русский язык, основываясь на нескольких разных подходах к изучению перевода/переноса отдельных по-

¹ Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И. «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М., 2011. С. 5.

² Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века: коллективная монография / Под ред. К.А. Соловьева. М., 2021.

³ Бугров К.Д., Киселев М.А. Республиканская идея в России в век Просвещения // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. С. 311–398.

⁴ Там же. С. 320.

литических понятий и создании новой социально-политической терминологии⁵. Н. Плавинская на примере переводов на русский язык трактатов Беккариа и Монтескье делит политические понятия на архаизированные и модернизированные⁶. В. Истратий исследует правовую терминологию английских переводных источников и убедительно показывает, что терминология постепенно менялась от архаизированной к модернизированной⁷. К. Осповат в своем труде пишет о соотношении литературы и политики в елизаветинскую эпоху. Главным тезисом К. Осповата, вслед за Г. Гуковским, Ю. Лотманом и В. Живовым, является тезис о влиянии государственных регламентов и политического мышления на литературу⁸. Важной с точки зрения исследования двуязычия, диглоссии, пуризма и языковой лояльности представляется монография Д. Оффорда, В. Ржеуцкого и Г. Арджент о влиянии французского языка на российское общество, культуру и литературу. В ней поднимаются вопросы о двуязычии русского просвещенного общества, об обучении детей французскому языку, процессе европеизации русской элиты, о нарративах опасности двуязычия, которые появились в XIX в.⁹ Авторы обращаются к междисциплинарности и описывают методологию исследования как соединение истории и социолингвистики. Они отмечают, что в начале XIX в. «русский язык политический был недостаточно развит»¹⁰.

Другим направлением в исследованиях понятий и общественно-политических идей является рассмотрение контекста их появления, циркуляции и трансформации. Авторы анализируют появление нового политического языка или «языков» в связи с необходимостью объяснения/легитимации тех или иных событий и недостаточностью в русском языке понятий для этого. В таком ключе рассуждает

⁵ Польской С., Ржеуцкий В. Перевод и развитие политического языка в России XVIII века // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века: коллективная монография / Под ред. С.В. Польского и В.С. Ржеуцкого. М., 2022. С. 7–103.

⁶ Плавинская Н. Политическая лексика в русских переводах Монтескье и Беккариа // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века. М., 2022. С. 196–215.

⁷ Истратий В.В.. Юридическая лексика в русском языке второй половины XVIII века (на материале перевода трактата У. Блэкстона «Истолкования английских законов» 1780–1782 гг.). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2017; Круглов В.М., Истратий В.В., Гамирова Д.Р., Каплан Е.Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб., 2015.

⁸ Осповат К.А. Придворная словесность. Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М., 2020.

⁹ Оффорд Д., Ржеуцкий В.С., Арджент Г. Французский язык в России. Социальная, политическая, культурная и литературная история. М., 2022.

¹⁰ Там же. С. 136.

С. Польской, исследуя причины появления «Правды воли монаршей» (1722 г.) и «Наказа» (1767 г.)¹¹. Подробный исторический контекст появления «Философического письма» П.Я. Чаадаева представлен М. Велижевым. Здесь автор концептуализирует языковой и политический контекст и доказывает, что монархический язык достаточно быстро трансформировался в язык оппозиции, и интенция Чаадаева, выраженная в его произведении, свидетельствует о радикальных изменениях языкового и политического контекста¹². Более подробно микроконтексты «Философического письма» М. Велижев описал в отдельной монографии¹³.

А. Мартин пишет о политическом контексте формирования русской консервативной мысли в царствование Александра I: «... постепенное развитие гражданского общества при Александре I способствовало развитию русского консерватизма»¹⁴. Он показывает, что проблемой словоупотребления и формирования политического языка в это время интересовались многие авторы, в том числе консервативного толка. В качестве примера он приводит биографию адмирала А.С. Шишкова, который занимался языкознанием и видел в церковнославянском языке основу современного русского языка¹⁵. А его полемика о русском языке с Н.М. Карамзиным стала значимым событием начала XIX в. Считается, что Карамзин был апологетом французского языка и человеком, демонстрировавшим западнические взгляды, в то время как Шишков представляется одним из ранних русских консерваторов. Однако исследователи убедительно показывают, что взгляды Карамзина и Шишкова на роль и место русского языка в российском обществе были очень близки. Оба выступали за активное внедрение русского языка, ограничение французского в процессе обучения и воспитания подрастающего поколения¹⁶.

В данной статье предпринят анализ перевода на русский язык труда французского епископа и политического мыслителя Жака-

¹¹ Польской С. «Истязание по натуральной правде»: легитимация насилия и становление рационального политического языка в России XVIII века // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 409–483.

¹² Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «Философическое письмо» Чаадаева // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. С. 500–521.

¹³ Велижев М. Б. Чаадаевское дело. Идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. М., 2022. С. 22–37.

¹⁴ Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры: русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. СПб., 2021. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 50.

¹⁶ Оффорд Д., Ржеуцкий В.С., Арджент Г. Указ. соч. С. 610.

Бениня Боссюэ (1627–1704) «Политика, выведенная из Священного Писания», выполненная Иоанном Иоанновичем Бедринским. Этот перевод не получил пока должного внимания со стороны исследователей, что кажется необычным для такого источника. Ведь, с одной стороны, работа Бедринского вполне вписывается в общий контекст и парадигму русской переводной литературы второй половины XVIII в., т.е. является вполне типической. Но с другой, время появления данного перевода — 1802 г. Хронологически это уже не XVIII в., но тематически еще не XIX в. Представленное сочинение фактически оказалось в ситуации смены мировоззренческих парадигм, а именно: от ужесточения политического режима при Павле I к надеждам на либерализацию политического режима, которая характерна для начала царствования Александра I.

К тому же И.И. Бедринского волновал не столько сам перевод, сколько введение его в разряд учебной литературы в народных училищах, что ставило бы «Политику» в один ряд с книгой И.И. Фельдбергера «О должностях человека и гражданина», которая вышла в 1783 г. по указу императрицы Екатерины II и была определена к «чтению в народных училищах»¹⁷. Поэтому мы исследуем «Политику» в контексте мотивов и действий автора перевода и определяем место, которое она могла занимать в идейно-политическом поле начала XIX в.

Рассматриваемый перевод в стилистическом плане — яркий образец диглоссии, при которой переводчики использовали модернизированные термины оригинала, а также пытались сформировать собственный язык политических понятий, отличный от европейского. С. Польской в этой связи пишет: «Переводческие практики в эту эпоху (XVI–XVII вв. — Г.Б.) стали своеобразной лабораторией по формированию политического языка в России. Сталкиваясь каждый раз с препонами в виде неизвестных русской действительности явлений (parliament, constitution, États généraux и так далее) или, что еще страшнее, с казуистикой абстрактных терминов (res publica, stato, jus naturalis), русские переводчики вступали на тернистый путь толкования своим соотечественникам новых понятий»¹⁸. Таким образом, мы будем изучать перевод Бедринского с точки зрения его происхождения, мотивов и целей и их влияния на формирование языка политических понятий в России начала XIX в.

¹⁷ О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных училищах Российской империи, изданная по Высочайшему повелению. СПб., 1805.

¹⁸ Польской С. Рукописный перевод и формирование светского политического языка в России // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века. С. 241.

Автором оригинального французского текста является Жак-Бенинь Боссюэ, епископ Мо, наставник Великого дофина Людовика, сына Людовика XIV, известный своими многочисленными теологическими и политическими трудами, среди которых трактат «Политика» занимает особое место. Известно, что Боссюэ работал над этим трактатом длительное время, с большим перерывом, с 1670-х гг. до самой своей смерти в 1704 г. Первое издание вышло в 1709 г., уже после смерти епископа.

Трактат был написан для Великого дофина и посвящен ему, как и ряд других произведений Боссюэ. «Политика» должна была завершить образование Великого дофина и подготовить его к государственной деятельности как достойного преемника Людовика XIV. Но Великий дофин скончался раньше своего монаршего отца: его не стало в 1711 г.

В России сочинения Боссюэ представлены, главным образом, в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, в Российской Государственной библиотеке в Москве. В РНБ хранится экземпляр первого парижского издания 1709 г. и, судя по описанию хранения, этот экземпляр принадлежал лично Великому дофину, гербовый экслибрис которого он содержит¹⁹. Его появление в России, вероятно, связано с судьбой библиотеки Залуских (Варшава), имевшей старинные и раритетные манускрипты и экземпляры изданий знаменитых сочинений.

Можно утверждать, что и в первой четверти XIX в. в среде русской аристократии к мнению Боссюэ продолжали обращаться в первую очередь как к церковному авторитету. Так, например, баронесса Крюденер, имевшая некоторое время влияние на Александра I, в своем письме к князю А.Н. Голицыну от 16 марта 1822 г., подкрепляя свои мысли, восклицает: «Dieu seul est grand, mes frères! Disait Bossuet» («Один Бог велик, мои братья! Говорил Боссюэ!»)²⁰.

Перевод трактата был издан в 1802 г. под названием «Политика из самых слов Священного Писания почерпнутая Иаковом Бенгином Боссюетом». Напечатан трактат был «по высочайшему повелению в Санкт-Петербурге в Императорской Типографии». В посвящении говорится об адресате: «Его Императорскому Величеству Всепресветлейшему Державнейшему Великому Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу Всероссийскому всепод-

¹⁹ *Bossuet J.B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture sainte à monseigneur le Dauphin / Ouvrage posthume de Messire Jacques-Benigne Bossuet, ev. Paris, 1709. 614 p.*

²⁰ Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 2. СПб., 1912. С. 244.

данейшее приношение»²¹. Автор перевода, священник Иоанн Иоаннов (Иван Иванович Бедринский), известен также как переводчик богословских трактатов, впоследствии член Российской Академии и Вольного общества любителей российской словесности, протоиерей Казанского собора. В посвящении Бедринский, на тот момент священник Морского Богоявленского собора, пишет: «Я последний Вашего Императорского Величества верноподданный перевел сию книгу на Российский язык в пользу народную, и Августейшему имени Вашего императорского Величества осмеливаюсь посвятить». Особо подчеркивается, что перевод выполнен «из чувства долга и истинной преданности верноподданного в охранении чести и здоровья своего Государя, хотя бы то стоило и самой жизни». Указывается, что в сочинении Боссюэ «изображено на основании Божественного Писания все то, что требует от них Вышний Правитель вселенная в отношении Самодержавнейшей Власти»²². Трактат выходит на следующий год после воцарения Александра I, что, возможно, не является случайностью, поскольку в новом императоре видели просвещенного государя. Вместе с тем, образованные слои в начале XIX в. читали и говорили по-французски, поэтому сам по себе перевод не мог вызвать у них интереса. Однако, по словам Ю.М. Лотмана, наличие русского перевода в условиях, когда практически все потенциальные читатели владели французским языком и могли читать интересующие их сочинения в оригинале, является свидетельством «определенного признания, утверждения ценности текста в глазах русского общества»²³.

Поэтому неудивительно, что история перевода «Политики» не закончилась только изданием данного трактата на русском языке с обращением к государю. В 1802 г. И.И. Бедринский подал прошение на имя министра народного просвещения графа П.В. Завадовского с просьбой ввести перевод «Политики» в качестве учебного пособия в программу народных училищ²⁴. Прошение было передано для рассмотрения и составления комментария Федору Ивановичу Янковичу де Мириево, известному российскому педагогу, члену Академии наук, который в 1802 г. вошел в комиссию об училищах. В своем прошении Бедринский пишет о пользе выполненного им перевода для подрастающего поколения: «...от смиренномудренного и нели-

²¹ Боссюэ И.Я. Политика из самых слов Священного Писания почерпнутая. СПб., 1802. 308 с.

²² Там же [б/с].

²³ Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 383.

²⁴ РГИА. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 2–3.

цемерного послушания верховной власти зиждется благоденство народа; а потому необходимо нужно впечатлить подданным, дабы они руководимы были таковыми внушениями Святого Духа для возвышения и утверждения собственного их благополучия»²⁵.

В ответ Янкович в комментарии указывает, что «книга будет для наших училищ по некоторым обстоятельствам лишняя, а по другим и совсем не у места. — Лишняя, потому что полтора листа только примеров ея, годных для наших училищ, обработано уже у нас в Книге о должностях Человека и Гражданина и лучше и порядочнее; а совсем не у места потому, что по большей части Книги сей дается прямо Государям наставления без всякой разборчивости в выражениях, как на странице 118 по 258, ладно, что в предмет наставления в наших училищах не входит»²⁶. Такая реакция на представленный перевод неслучайна. Обращение к мудрости монарха, надежды, связанные с Александром I и его правлением имплицитно присутствовали в переводе. Однако в целом дискурс трактата был абсолютистский и довольно консервативный, что в условиях либерализации политического режима в самом начале царствования Александра I было неактуально. С одной стороны, либеральное общество ожидало перемен. С другой стороны, более консервативная его часть явно тяготела к формированию новых политических концепций, которые имели бы исключительно русскую природу, были написаны на русском языке и в российских политических традициях. Фактически «Политика» появляется в момент, когда уже начала готовиться почва для знаменитого спора западников и славянофилов, и содержит в себе противоречия формирующейся российской политической мысли.

«Политику» Бедринского можно рассматривать как пример лавирования между общественными настроениями, поскольку сам по себе факт перевода трактата с французского языка означает обращение к французской политической традиции и признание ее значения. Вместе с тем, трактат Боссюэ — апология абсолютной монархии, которую Бедринский пытается переложить на российские политические реалии.

В целом трактат Боссюэ написан в русле французской политической традиции. Идеи, которые воспроизводит автор, а вслед за ним и переводчик, не новы. По сути, и структура трактата, и формулировка политических концептов отсылает к политической традиции, например, трактатам Жана Бодена. Но при этом фактически единственный источник, на который ссылается Боссюэ — это Библия.

²⁵ Там же. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 4–5.

Как пишет К. Осповат: «Псалтырь, наряду с другими библейскими книгами была естественным источником священной легитимации единовластия. Трактат Боссюэ — выстроенная на библейских цитатах апология неограниченной монархии — венчался словами: “Нет ничего превосходней для окончания сего труда, как вложить в руки благочестивым владетелям псалмы Давидовы”»²⁷. Это интересно, поскольку в ссылках на Библию проявляется и особенность политического языка Бедринского.

Каждое суждение (proposition) у Боссюэ имеет небольшую авторскую часть, а на 60–70% состоит из цитаты. Лексика данных цитат не отличается от авторского языка самого Боссюэ, что дает возможность предположить, что епископ сам переводил цитаты на современный ему французский язык. В переводе же Бедринского используются цитаты из Елизаветинской Библии 1751 г., редакции церковнославянской Библии, которая по лексике отличается от нормы русского языка конца XVIII — начала XIX в., поэтому русский текст в целом выглядит архаичнее французского оригинала.

Перевод Бедринского вбирает в себя все приемы перевода политических понятий, характерных для XVIII — начала XIX в. Присутствует прямое калькирование с французского языка, как, например, в случае с понятием “l’anarchie” / «безначалие». Транслитерация в самом названии трактата «Политика» и при перечислении форм правления — аристократии, демократии. Понятие «нация» упоминается несколько раз, но в основном заменяется понятием «народ». Калькированное понятие «тиран» звучит лишь в первой главе. Есть примеры архаизации терминологии: “la souveraineté” / «владычество». Также Бедринский пользовался модернизированными терминами, которые были в ходу на рубеже веков. Многим общеупотребимым французским понятиям переводчик постарался найти русскоязычный эквивалент либо привести пространное объяснение: “l’authorité”, “la puissance”, “l’empire” / «власть»; “le gouvernement paternel”, “la puissance paternelle” / «отеческая власть»; “le pays”, “la patrie” / «отечество»; “le bonté” / «благость»; “Souverain” / «верховный обладатель»; “bien publique” / «общественная польза», «общественное благо», «всеобщее благоденствие»; “la nation”, “le peuple” / «народ». Интересно, что многие из данных понятий к концу XVIII в. уже имели устоявшееся значение, как, например, термин “état” — «государство». Однако Бедринский продолжает смешивать “état”, “république” и “empire”, переводя их все как «государство». Поэтому необходимо констати-

²⁷ Осповат К. А. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М., 2020. С. 209.

ровать, что многие архаичные формы политических понятий соседствовали с устоявшимися модернизированными формами²⁸.

Итак, если перейти к анализу центральных понятий в политической теории Боссюэ, то можно выделить основные его концепты.

Во-первых, это концепция власти. Боссюэ в своих рассуждениях о власти следует традиционной для средневековой политической мысли идее о том, что всякая власть проистекает от Бога, а первой властью была отцовская власть (“le premier empire parmy les hommes est l’empire paternel”) (Р. 60–63)²⁹. От нее проистекает и власть мужа над женой и домочадцами. При этом Боссюэ выходит за рамки, в том числе характерного для французской политической мысли, взгляда на отцовскую власть, который был закреплен, например, римским правом как власть домовладыки над домочадцами.

Говоря о власти, Боссюэ фактически опирается на теорию суверенитета, разработанную его предшественником Боденом, не уделяя ей особого места: основные признаки суверенитета присутствуют в тексте в разных местах. Для европейской традиции понятие «суверенитет» к концу XVII в. было уже общим местом. Для обозначения суверенитета Боссюэ использует понятие “l’empire souverain”.

В пассаже об абсолютности власти государя Боссюэ доказывает это, определяя четыре существенных качества королевской власти (“l’authorité royale”): королевская власть священна, она патриархальна (“paternelle»), абсолютна и подчинена разуму (“soûmise à la raison”) (Р. 81).

Вторым этапом установления власти Боссюэ считает власть королей, учреждаемую с согласия народов или с помощью оружия: “Il s’établit pourtant bien-tôt des roys, ou par le consentement des peuples” (Р. 63) / «Вскоре потом возникают Цари согласием народа» (С. 82)³⁰. Также в другом месте у Боссюэ мы видим следующее: “l’act en est dressé au nom des prêtres, de tout le peuple, des grandes, & des senateurs: Qui consentirent à le faire prince” (Р. 63) / «Акт сей писан от имени священников, всех людей, вельмож и старейшин, которые согласились принять его Царем» (С. 83). Первый способ установления верхов-

²⁸ Плавинская Н. Политическая лексика в русских переводах Монтескье и Беккариа. С. 203.

²⁹ Bossuet J. B. Politique tirée des propres paroles de l’Ecriture sainte à monseigneur le Dauphin / Ouvrage posthume de Messire Jacques-Benigne Bossuet, ev. Paris, 1709. Здесь и далее ссылки на трактат Боссюэ даются по этому изданию в тексте статьи, в скобках, с указанием страниц.

³⁰ Bossuet И. Я. Политика из самых слов Священного Писания почерпнутая. СПб., 1802. Здесь и далее ссылки на перевод Бедринского даются в тексте статьи, в скобках, с указанием страниц.

ной власти описывается как договорной. Такой взгляд, в целом, был также характерен для европейской политической мысли XVII в. и имеет длительную историю формирования и эволюции.

Идея «общего блага» — важная для понимания западноевропейской политической мысли — появляется у Боссюэ в третьей книге вместе с вопросом о добродетелях государя (*le bonté* – «благость»): “*Les rois doivent respecter leur propre puissance, et ne l’employer qu’au bien public*” (Р. 87) / «Государи уважают собственное свое могущество и употребляют оное токмо для общественного блага» (С. 118). Боссюэ использует термин “*bien public*”, который является традиционным для французского политического языка. Само понятие «общего (общественного) блага» у Боссюэ не раскрывается. Если сравнивать, например, с традицией формирования понятия “*bien public*” во Франции, то можно сказать, что здесь не фигурирует народ как субъект. «Общее благо» в интерпретации Боссюэ это, скорее, подчинение и почитание Бога. В параграфе, посвященном сравнению королевской власти с властью отца, у Боссюэ есть пассаж о “*la puissance publique*” — «публичном могуществе», или «общественном могуществе» (Р. 89). Фигура самого монарха рассматривается как публичная фигура: “*C’est un personnage public né pour le bien de l’univers, ce qui aussi est la veritable grandeur*” (Р. 92), а сами государи должны доставлять «благо народу» (С. 126).

Интересный пассаж появляется у Боссюэ, когда он пишет следующее: “*Il n’y a que les ennemis publics, qui separent l’interêt du prince de l’interêt de l’état*” (Р. 249) / «Одни только общественные враги отделяют пользу Государя от Государства» (С. 260). Опираясь на Священное Писание, Боссюэ рассуждает о том, что враги Государя — это враги Государства. Государь в представлении Боссюэ — это выражение “*bien public*” (общего, общественного блага) (Р. 251, 263). Государство и общее благо, таким образом, персонализируются. Неудивительно, что смерть государя воспринимается как общественное несчастье (Р. 253, 256).

Подданный, по мысли Боссюэ, должен отдавать дань (“*le tribute*”) государю (Р. 260, 267) — часть имущества для поддержания общественных тягостей (“*les charges publiques*”). Проще говоря, речь идет о налоговом бремени.

В переводе Бедринского мы не находим термина «суверенитет», он просто калькирует это понятие, переводя как «верховная власть» либо архаизированное «владычество». Вместе с тем, сам термин «владычество», который использует Бедринский, имеет русскую этимологию и прекрасно отражает смысл идеи полной власти. Бедринский переводит выражение “*L’empire de Dieu est absolue*” (Р. 58)

как «Владычество Божие неограниченно» (С. 121). Здесь “l’empire” представляется не в качестве формы правления или обозначения термина «государство», а как эквивалент верховной власти и суверенитета.

Бедринский очень бережно относится к тексту трактата Боссюэ. Примером этому может служить перевод пассажей о теории общественного договора, которые были представлены выше. Они переведены практически дословно. Перевод же понятия “bien public” Бедринским как «всеобщее благоденствие» (С. 121) более приемлем, чем изначальное древнеримское представление об «общем деле», поскольку смысл термина “res publica” и “bien public” сильно трансформировался к XVII в., не говоря уже о конце XVIII в. Речь и у Боссюэ, и в переводе идет о благополучии народа, обеспеченном государем или государством.

Также можно видеть использование понятия “la bonté” (добро, благо), которое Бедринский передает как «благость». В частности, когда переводчик употребляет понятие «благость» в отношении государя, то можно это трактовать как «добродетель» государя. Боссюэ пишет о том, что государь должен думать более всего о незащищенных: вдовах и сиротах (Р. 93). Такой пассаж перекликается с представлением об обязанностях государя, например, у Бодена, который считает, что государь обязан охранять сирых и убогих.

Перевод Бедринского ограничивается четырьмя книгами трактата Боссюэ. Остальные шесть книг остаются за пределами русского издания, поскольку содержание этих книг, как мы увидим ниже, было излишним в образовании студентов народных училищ. Отсутствие некоторых сюжетов характеризует общественно-политический контекст времени выхода трактата в свет: рубежной эпохи, с ее ожиданиями как консервативной, так и либерально настроенной общественности.

Одним из существенных вопросов, не нашедшим отражение в переводе, был вопрос о престолонаследии. В трактате Боссюэ наследственная монархия рассматривается как лучшая форма правления (Р. 71), что у Бедринского переводится как «лучшее Самодержавное правление» (С. 95). Боссюэ трактует наследственное правление как ситуацию, когда престол «переходит от мужчины к мужчине и от старшего к старшему» (“quand elle va de mâle en mâle, et d’aîné en aîné”) (Р. 71). В переводе данного пассажа нет, поскольку, если во Франции женщины не могли занимать престол, согласно Салическому закону, то в России такого ограничения не было, и данный пассаж был лишним и неуместным. Соответственно, в тексте перевода отсутствует абзац о передаче престола по старшинству между братьями, кото-

рый есть в оригинальном тексте Боссюэ (Р. 71). Это подтверждается полным исключением 11-го параграфа в книге, озаглавленного: «Это новое преимущество в исключении женщин из наследования» (Р. 75). Он отсутствует в русском переводе.

Еще одним исключенным из перевода вопросом является вопрос о тирании. В одном из параграфов Боссюэ говорит о государе-тиране, Бедринский же опускает упоминание о тиране, оставляя более лаконичную, сокращенную формулировку: “Le vray caractere du prince, est de pourvoir aux besoins du peuple; comme celui du tyran, est de ne songer qu'à luy-même” (Р. 97) / «Истинное свойство Государя отвращать нужды народные, а не о себе токмо пещися» (С. 133).

Параграфа, озаглавленного у Боссюэ «Государь, бесполезный для блага народа, наказывался также сильно, как тираничный злодей» (Р. 97), также нет в русском переводе. У Бедринского отсутствует и параграф о том, что «государь, которого все ненавидят, всегда находится на грани гибели» (Р. 115). Переводчик сразу переходит к параграфу о том, что государь должен быть кратким (С. 162).

Третьим вопросом, не получившим должного освещения в тексте Бедринского, стал вопрос об обучении государя. Глава о том, что государь должен учиться мудрости (Р. 165), не включена в русский перевод, несмотря на то, что в книге Боссюэ занимает почти семьдесят страниц. Боссюэ рассуждает о мудрости государя, о знании им заповедей Божьих и о том, что государь должен учиться мудрости и сделать обучение необходимой для себя вещью, на нескольких страницах автор рассуждает о том, каким именно должно быть его обучение. Государь должен знать не только законы, но и дела, причину и следствие разных событий, должен знать людей и самого себя, что происходит внутри и вне его королевства, должен уметь говорить, но и уметь молчать, потому что тайна — это душа совета, государь должен уметь предвидеть, а также быть способным выбирать своих министров. И затем на протяжении почти пятидесяти страниц Боссюэ рассказывает о средствах достижения этих знаний и дает наставления дофину: любить истину, быть внимательным, не пренебрегать советом и давать свободу своим советникам, выбирать самостоятельно свой совет, слушать и быть информированным, быть осторожным и наказывать за ложные сообщения, сверять свои действия с прошлыми событиями, принимать самостоятельно решения, избегать излишней утонченности, избегать курьезов и суеверий и довериться Богу (Р. 166–188).

Можно предположить, что Боссюэ, наставник дофина, в этой главе дает личные советы своему воспитаннику, будущему монар-

ху великой державы. Перевод «Политики», по мысли Бедринского, должен быть стать учебником для народных училищ, и наставления государю являются безусловно лишними для студентов. Кроме того, Бедринский не обладал статусом и возможностью давать наставления государю Александру I, а также учитывал, что Александр Павлович был уже не наследником, а императором, и поэтому опустил эту главу.

По вполне понятным причинам вопрос о сопротивлении государю также отсутствует в русском переводе. Лишь один параграф нашел место в переводе: “Les sujets n'ont à opposer à la violence des princes, que des remonstrances respectueuse, sans mutinerie, et sans murmure, et des prieres pour leur conversion” (Р. 270) / «Сопротивление государю недопустимо — насилию государей подданные могут только противоволагать почтительные представления без упрямства, ропота и молитвы об их обращении» (С. 292). При этом Боссюэ приводит примеры из Священного Писания (Р. 275–284). Думается, Бедринский решил не переводить этот сюжет, так как еще были свежи в общественном сознании примеры свержения и убийства законных монархов — Петра III и Павла I.

Подводя итоги, следует заключить, что фактически перевод Бедринского преследовал двоякие цели: довести сказанное в тексте до императора Александра I и быть полезным в воспитании новых подданных государя. В этом случае мы можем констатировать, что целей своих переводчик не достиг. Перевод остался незамеченным среди других работ, выходявших на рубеже XVIII–XIX вв., возможно, был просто забыт после комментария де Мириево как ненужный и неактуальный.

В целом необходимо отметить, что русская общественность в конце XVIII — начале XIX в. была настроена не только на либерализацию. Поэтому деятельность И.И. Бедринского в качестве переводчика текста Боссюэ хорошо объясняется «консервативным» поворотом в русской общественно-политической мысли, который, между прочим, происходил одновременно с либерализацией части дворянства и высшего офицерского состава армии. В этом смысле перевод политического трактата Боссюэ не отвечал целям ни тех, ни других общественно-политических сил.

Если говорить о языке перевода, то он является очень близким к оригиналу. Политическая лексика «Политики» свидетельствует о достаточной степени разработанности российского понятийного аппарата в области политической теории, поскольку наряду с небольшим количеством калькированных терминов переводчик подбирает

эквиваленты и использует как архаические формы, так и модернизированные термины. Это свидетельствует о том, что несмотря на стремление автора перевода к языковому пуризму, он идет по привычной для российских переводчиков стезе, подбирая и переосмысляя термины. Кроме того, к началу XIX в. российское просвещенное общество уже было знакомо с трудами французских и английских просветителей и защитников монархии. Многие политические реалии, отсутствовавшие в российском обществе, перестали быть чем-то необычным для российского читателя. Этому способствовали не только политические, социальные и культурные изменения в стране, но и тот опыт, который получала просвещенная публика при чтении зарубежной литературы — в оригинале и в переводах.

Вместе с тем, перевод «Политики» является яркой демонстрацией того, что переводчик стал отчасти соавтором работы, поскольку многие «неудобные», «неподходящие» по смыслу или по идейно-политическим соображениям сюжеты были опущены. Здесь очень хорошо виден контекст создания перевода и особенности интерпретации Бедринским политических понятий и тем. Однако даже в таком, сокращенном, виде идеи Боссюэ оказались ненадлежащими для их использования в обучении студентов народных училищ. Поэтому тезис о том, что причинами сокращения Бедринским самого сочинения в переводном виде стало, в том числе, несоответствие некоторых идей российской политической и идеологической реальности того времени, представляется вполне правдоподобным. Перевод трактата Боссюэ остался любопытным антикварным казусом в российской интеллектуальной истории.

References

Bugrov K.D., Kiselev M.A. *Respublikanskaya ideya v Rossii v vek Prosveshcheniya* [The Republican Idea in Russia during the Enlightenment] // *Res Publica. Russkiy respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka: kollektivnaya monografiya* [Res Publica. Russian Republicanism from the Middle Ages to the Late 20th Century: A Collective Monograph] / Ed. by K.A. Solov'yev. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2021. P. 311–398.

Bugrov K.D., Kiselev M.A. *Yestestvennoye pravo i dobrodetel': integratsiya yevropeyskogo vliyaniya v rossiyskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka* [Natural Law and Virtue: Integration of European Influence in the 18th-Century Russian Political Culture]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; Universitetskoye izdatel'stvo, 2016. 480 p.

Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo issledovaniya [Emperor Alexander I. An Attempt at Historical Research]. Vol. 2. Saint Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1912. 745 p.

Istratiy V.V. *Yuridicheskaya leksika v russkom yazyke vtoroy poloviny XVIII veka (na materiale perevoda traktata U. Blekstona "Istolkovaniya aglinskikh zakonov")*

1780–1782 gg.): *diss. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Legal Lexicon in the Russian Language in the Second Half of the 18th Century (Based on the 1780–1782 Translation of William Blackstone's *Commentaries on the Laws of England*): PhD Candidate in Philology Diss.]. Saint Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2017. 454 p.

Kiselev M. *Adaptatsiya antiabsolyutistskogo monarkhizma v Rossii v pervyye dve treti XVIII veka* [Adaptation of Anti-Absolutist Monarchism in Russia in the First Two-Thirds of the 18th Century] // *Laboratoriya ponyatij: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka: kollektivnaya monografiya* [Conceptual Laboratory: Translation and the Languages of Politics in 18th-Century Russia: A Collective Monograph] / Ed. by S.V. Pol'skiy i V.S. Rzhetskiy. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. P. 339–375.

Kruglov V.M., Istratij V.V., Gamirova D.R., Kaplan E.D. *Normativno-stilisticheskiye pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka* [Normative and Stylistic Markings in Explanatory Academic Dictionaries of the Russian Language]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015. 442 p.

Lotman Yu.M. *Rousseau i russkaya kul'tura XVIII — nachala XIX veka* [Rousseau and Russian Culture in the 18th and Early 19th Centuries] // Lotman Yu.M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2002. P. 383–445.

Martin A. *Romantiki, reformatory, reaktionery. Russkaya konservativnaya mysl' i politika v tsarstvovaniye Aleksandra I* [Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics during the Reign of Alexander I]. Saint Petersburg: Academic Studies Press, 2021. 447 p.

Miller A.I., Sdvizhkov D.A., Schierle I. *"Ponyatiya o Rossii": k istoricheskoy semantike imperskogo perioda* ["Concepts of Russia": Towards the Historical Semantics of the Imperial Period] // *"Ponyatiya o Rossii": k istoricheskoy semantike imperskogo perioda* ["Concepts of Russia": Towards the Historical Semantics of the Imperial Period]. Vol. 1. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2011. P. 5–46.

Offord D., Rjéoutski V.S., Argent G. *Frantsuzskiy yazyk v Rossii. Sotsial'naya, politicheskaya, kul'turnaya i literaturnaya istoriya* [The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. 888 p.

Ospovat K.A. *Pridvornaya slovesnost'. Institut literatury i konstruksii absolyutizma v Rossii serediny XVIII veka* [Courtly Literature: The Institution of Literature and the Construction of Absolutism in Mid-18th-Century Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2020. 480 p.

Plavinskaya N. *Politicheskaya leksika v russkikh perevodakh Montesquieu i Beccaria* [Political Lexicon in Russian Translations of Montesquieu and Beccaria] // *Laboratoriya ponyatij: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka: kollektivnaya monografiya* [Conceptual Laboratory: Translation and the Languages of Politics in 18th-Century Russia: A Collective Monograph] / Ed. by S.V. Pol'skoy i V.S. Rjéoutski. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. P. 196–215.

Pol'skoy S. *"Istyazaniye po natural'noy pravde": legitimatsiya nasiliya i stanovleniye ratsional'nogo politicheskogo yazyka v Rossii XVIII veka* ["Torture According to Natural Law": The Legitimation of Violence and the Formation of Rational Political Language in 18th-Century Russia] // *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual

History] / Compiled by T. Atnashev, M. Velizhev. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. P. 409–483.

Pol'skoy S. *Rukopisnyy perevod i formirovaniye svetskogo politicheskogo yazyka v Rossii (1700–1760-ye)* [Manuscript Translation and the Formation of Secular Political Language in Russia (1700–1760s)] // *Laboratoriya ponyatiy: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka: kollektivnaya monografiya* [Conceptual Laboratory: Translation and the Languages of Politics in 18th-Century Russia: A Collective Monograph] / Ed. by. S.V. Pol'skoy i V.S. Rjéoutski. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. P. 236–314.

Pol'skoy S., Rjéoutski V. *Perevod i razvitiye politicheskogo yazyka v Rossii XVIII veka* [Translation and the Development of Political Language in 18th-Century Russia] // *Laboratoriya ponyatiy: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka: kollektivnaya monografiya* [Conceptual Laboratory: Translation and the Languages of Politics in 18th-Century Russia: A Collective Monograph] / Ed. by. S.V. Pol'skoy i V.S. Rjéoutski. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. P. 7–103.

Res Publica. Russkiy respublikanizm ot Srednevekov'ya do kontsa XX veka: kollektivnaya monografiya [Res Publica. Russian Republicanism from the Middle Ages to the Late 20th Century: A Collective Monograph] / Ed. by K.A. Solov'yev. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2021. 824 p.

Velizhev M.B. *Chaadayevskoye delo. Ideologiya, ritorika i gosudarstvennaya vlast' v nikolayevskoy Rossii* [The Chaadaev Case: Ideology, Rhetoric, and State Power in Nicholas I's Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. 392 p.

Velizhev M. *Yazyk i kontekst v russkoy intellektual'noy istorii: pervoye "Filosoficheskoye pis'mo" Chaadayeva* [Language and Context in Russian Intellectual History: Chaadaev's First Philosophical Letter] // *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History] / Compiled by T. Atnashev, M. Velizhev. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. P. 500–521.

Поступила в редакцию
6 января 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-45-66

О.Р. Айрапетов, Л.А. Городилова, А.Ю. Полунов

**ПОЛИТИКА РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
И «БУДДИЙСКИЙ ВОПРОС» В ВОЗЗРЕНИЯХ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВЛАСТЕЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)**

O.R. Airapetov, L.A. Gorodilova, A.Yu. Polunov

**RUSSIAN POLICY IN THE FAR EAST AND THE
“BUDDHIST QUESTION” IN THE VIEWS OF RUSSIAN
SOCIETY AND THE ACTIVITIES OF THE AUTHORITIES
(SECOND HALF OF THE 19th — EARLY 20th CENTURY)**

Аннотация. Взаимоотношения Российской империи с народами, исповедующими буддизм, имеют сложную и длительную историю. До середины XIX в. основные территории распространения буддизма — Восточная Сибирь и Тихоокеанский регион — считались в Петербурге отдаленной периферией и не привлекали большого внимания. Ситуация, однако, начала меняться, когда Россия столкнулась с необходимостью укрепления своего влияния на Дальнем Востоке, урегулирования отношений с азиатскими странами, прежде всего, империей Цин, вступившей в полосу обострения социальных противоречий и подвергавшейся колониальному натиску Запада. Не желая уступать инициативу в Азии европейским государствам,

Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и проблем глобального управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Airapetov Oleg Rudol'fovich, Candidate in History, Associate Professor, Department of International Organizations and Problems of Global Governance, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University

oleg_airapetov@list.ru

ORCID: 0009-0004-6754-3816

Городилова Любовь Анатольевна, аспирант кафедры философии религии и религиозоведения философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Gorodilova Lubov Anatol'evna, Post-Graduate Student, Department for Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

liubov9506@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9602-9921

Россия пыталась использовать факт наличия на ее собственной территории значительных масс буддистов, опираться на них для продвижения своих интересов в регионе. Однако, несмотря на то что существование буддизма на территории империи было узаконено еще в XVIII в., ряд деятелей считали политику сближения с восточной религией ошибочной. Они полагали, что предоставление значительных прав иноверцам и попытки опоры на них вредят интересам государства, мешают утверждению его этнокультурной монолитности. Против подобной позиции выступали представители движения «восточников», самым ярким из которых был востоковед и публицист князь Э.Э. Ухтомский. Влияние, которым располагали «восточники» в правительственных кругах, способствовало усилению начал веротерпимости в политике по отношению к буддистам, активному использованию религиозного фактора во взаимоотношениях с азиатскими странами (Монголией, Тибетом, Сиамом). Наиболее эффективной оказалась политика по отношению к Монголии, которая после Синьхайской революции 1911 г. в Китае смогла получить широкую автономию благодаря поддержке России. Деятельность «восточников» и их оппонентов, продвигавших диаметрально противоположные взгляды на судьбу буддийского сообщества, отражала сложные политические и религиозные процессы, происходившие в России накануне эпохи революций. Эти процессы представляют ныне несомненный научный интерес в условиях меняющихся отношений между Российским государством и религиозными организациями.

Ключевые слова: буддизм, веротерпимость, Забайкалье, «восточничество», Тибет, буряты, Э.Э. Ухтомский, империя Цин.

Abstract. The Russian Empire's relations with Buddhist populations have a complex and lengthy history. Until the mid-nineteenth century, the main regions where Buddhism spread — Eastern Siberia and the Pacific — were viewed from Saint Petersburg as distant peripheries, attracting little attention. However, this began to change when Russia sought to bolster its influence in the Far East and manage its relations with Asian countries, particularly the Qing Empire, which was experiencing internal social strife and facing Western colonial pressure. Unwilling to let European powers take the initiative in Asia, Russia aimed to leverage its significant Buddhist population to advance its interests in the region. Despite Buddhism's legalization within the empire in the 18th century, some figures saw

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Polunov Alexander Yur'evich, Doctor in History, Professor, Head, Department of Administration in the Sphere of Interethnic and Interdenominational Relations, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University

polunov@spa.msu.ru

ORCID: 0000-0002-4484-6003

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-13 «Полиморфизм буддизма в социокультурном пространстве России».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-13 "Polymorphism of Buddhism in the Russian socio-cultural space".

Russia's rapprochement with this Eastern religion as misguided. They believed that granting extensive rights to non-Christians and relying on them for political gain undermined the state's ethno-cultural unity. This stance was countered by the "Orientalist" movement, led by notable figures such as Prince E.E. Ukhtomsky, an orientalist and publicist. The influence of the "Orientalists" in government circles strengthened religious tolerance in policies toward Buddhists and encouraged the strategic use of religion in diplomatic relations with Asian nations such as Mongolia, Tibet, and Siam. The most successful policy was toward Mongolia, which gained broad autonomy after the 1911 Xinhai Revolution in China, thanks to Russian support. The debate between the "Orientalists" and their opponents, who held opposing views on the role of the Buddhist community, reflected the intricate political and religious dynamics occurring in Russia on the eve of the revolutions. These dynamics offer valuable insights into the evolving relationship between the Russian state and religious organizations, a subject of ongoing scholarly interest today.

Keywords: Buddhism, religious tolerance, Transbaikalia, "Orientalism", Tibet, Buryats, E.E. Ukhtomsky, Qing Empire.

* * *

Во второй половине XIX и начале XX в. заметную роль в общественно-политической жизни России начал играть буддистский (или «ламайский», как говорили в то время) вопрос — совокупность проблем, связанных с положением российского буддистского сообщества, прежде всего, бурят в Предбайкалье и Забайкалье, и с политикой государства по отношению к нему. В правительственных и общественных кругах шла полемика о роли буддистской общины в жизни страны, ее значении для международной деятельности государства, природе восточной религии, перспективах ее положения в империи. Выдвигались различные проекты изменения статуса буддистского сообщества — от резкого ограничения его прав до максимально широкого применения по отношению к нему начал веротерпимости. Данные дискуссии и принимавшиеся на их основе решения отражали важные аспекты общественно-политического развития Российской империи в последние предреволюционные десятилетия, ее духовной жизни и начинаний на международной арене и заслуживают в связи с этим всемерного внимания историков.

Превращение «ламайского вопроса», долгое время не вызывавшего особого интереса у русской публики, в важный предмет общественных дискуссий было подготовлено глубинными трансформациями социально-политического плана, в том числе изменениями международной обстановки, исподволь вызревавшими на протяжении XIX в. Территории, значительную часть населения которых составляли буддисты, — Восточная Сибирь, Тихоокеанский регион — долгое время рассматривались как отдаленная окраина

Российской империи, но постепенно они начали играть всё большую роль во внешней политике государства. Появление у России североамериканских колоний стало важным стимулом для освоения морских маршрутов. С 1803 по 1848 г. в кругосветное плавание на Дальний Восток было отправлено 38 кораблей, 16 из которых принадлежало Российско-Американской компании, 1 — частному лицу и 21 — военному флоту¹. Последний активно проводил исследования тихоокеанских берегов России, в частности, Камчатки. В середине XIX в., в условиях неуклонно нараставшего ослабления цинского Китая под натиском западных держав, перед Россией также остро встала задача укрепления своих сухопутных границ на Дальнем Востоке. В 1850 г. русские отряды появились в устье Амура (экспедиция Г.И. Невельского), а в 1852 г. — на южном берегу Сахалина². В том же году капитан-лейтенант И.С. Унковский, командовавший фрегатом «Паллада», провел исследование восточных берегов Кореи³.

Активизация деятельности России в тихоокеанском регионе выразилась и в усилении дипломатического взаимодействия с дальневосточными державами, в частности, с Японией, с которой в 1855 г. был подписан договор о торговле в г. Симодо. России предоставлялся режим наибольшего благоприятствования в торговле с этим государством. Между двумя странами согласно договору устанавливались «постоянный мир и искренняя дружба», их подданные пользовались покровительством и защитой властей, граница между странами проводилась между островами Итуруп и Уруп, причем первый отходил к Японии, а второй и все остальные Курильские острова — к России. Остров Сахалин объявлялся совместным владением государств, а Япония открывала для русской торговли ряд своих портов⁴. Все эти события объективно способствовали росту значения дальневосточного региона для внешней и внутренней политики России, более глубокому знакомству российского общества и правительственных верхов с проживающими здесь народами, их религиями и культурой. Но, безусловно, важнейшей вехой в развитии этого процесса стала Крымская война 1853–1856 гг.

¹ Жданко М. Гидрографические работы в Восточном океане с 1898 по 1904 гг. // Морской сборник. 1904. № 9. С. 145.

² Шумахер П.В. К истории приобретения Амура. Сношения с Китаем с 1848 по 1869 год // Русский архив. 1878. Вып. 11. С. 262–263; Буссе Н.В. Остров Сахалин и экспедиция 1852 года // Вестник Европы. 1871. № 10. С. 733, 753–755; Русские и японцы на Сахалине. Дневник Н.В. Буссе // Вестник Европы. 1872. № 10. С. 523, 527–528.

³ Жданко М. Указ. соч. С. 143.

⁴ Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 276–279; *Остен-Сакен Ф.* Памяти графа Евфимия Васильевича Путятина, почетного члена Императорского Русского географического общества // Известия Императорского Русского географического общества. 1883. Т. 19. Вып. 5. С. 392.

События войны — прежде всего, военные действия Англии и Франции против российских форпостов на Дальнем Востоке — выявили, что позиции России в регионе, несмотря на принимавшиеся меры по их укреплению, все еще очень слабы. Так, в Петропавловске-Камчатском, который в 1851 г. стал главным портом России на Тихом океане, в начале 1840-х гг. проживало всего около 500 чел. — военные, моряки, чиновники, духовенство и два-три купца⁵. Для усиления русских позиций на Дальнем Востоке требовалось не просто основание опорных военных пунктов на дальних рубежах, но и создание здесь для государства прочной демографической базы в лице русского (и в целом восточнославянского) населения. К формированию такой базы власти и приступили с середины XIX в. В 1857 г. по Амуру началось расселение забайкальских казаков, вдоль реки было основано 15 станиц, в 1857 г. здесь проживало всего 1950 чел., не считая 1100 солдат и офицеров 14-го сибирского линейного батальона и приданной ему батареи. Летом этого года на Амуре и Уссури было основано еще 35 селений⁶. Казаки-забайкальцы, переселенцы из числа государственных крестьян из губерний Европейской России, снимавшиеся с насиженных мест по причине малоземелья, и солдаты гарнизонных батальонов — вот три категории населения, которые осваивали Амур и Дальний Восток⁷.

Усиление русского присутствия ставило вопрос о более четком размежевании границ между государствами. Переселенцы все чаще входили в соприкосновение с местными народами — прежде всего, с маньчжурами, которых было немало на берегах рек Амура и Уссури. Встречались здесь и собственно китайские деревни, главным образом, поселения ссыльных, которых отправляли на северные рубежи империи Цин⁸.

В мае 1858 г. в г. Айгун на правом берегу Амура генералом Н.Н. Муравьевым и китайским уполномоченным князем И-Шанем был подписан русско-китайский договор. Левый берег Амура от реки Аргунь до берега моря переходил к России. Граница между государствами проводилась по Амуру вплоть до р. Уссури. Вопрос об Уссурийском крае оставался открытым, он объявлялся совместным

⁵ Бутаков А.И. Записки русского морского офицера во время путешествия вокруг света в 1840, 1841 и 1842 годах // Отечественные записки. 1844. № 7. С. 17–20.

⁶ Бартоломей. Описание Амурского края // Военный сборник. 1860. № 8. С. 342; Венюков М.И. Воспоминания о заселении Амура, 1857–1858 гг. // Русская старина. 1879. Т. 24. Вып. 2. С. 282, 296.

⁷ Максимов С.В. Заселение реки Амура // Морской сборник. 1861. № 10. С. 209, 215.

⁸ Мевес И. Три года в Сибири // Отечественные записки. 1863. № 5. С. 275; Максимов С. На Востоке. В Манчжурии // Морской сборник. 1864. № 1. С. 74–75.

владением Цинской и Российской империй. В июне того же года адмиралом Е.В. Путятиным, Хуа Шаном и Гуй Ляном был подписан Тяньцзинский договор о дружбе и торговле, предоставлявший России права не только сухопутной, но и морской торговли в Китае. Заключенный в августе 1858 г. договор с Японией в Иеддо (совр. Токио), подтвердивший условия Симодского соглашения и увеличивший количество открытых японских портов для русских подданных, облегчал условия торговли между двумя странами⁹.

В декабре 1860 г. российский уполномоченный генерал-майор граф Н.П. Игнатьев подписал Пекинский договор, передававший России земли от Уссури до Японского моря и границ Кореи — значительную территорию, центром которой стал город Владивосток¹⁰. Здесь высадился небольшой десант с военного транспорта «Манджур» — команда из 40 солдат под командой прапорщика. В 1865 г. сюда также на военном транспорте были доставлены первые 175 переселенцев. В 1868 г. в городе было 35 частных и 22 казенных дома, 20 фанз, 516 жителей, из них 36 — китайцы¹¹. В дальнейшем население дальневосточного форпоста постепенно росло, причем доля выходцев из сопредельных восточных стран устойчиво оставалась высокой. Примерно треть его населения (на 1914 г. — 65 728 чел.) составляли китайцы (19 тыс. чел.). Проживали здесь также корейцы (5630 чел.) и японцы (2281 чел.)¹². Присутствие восточных религий и культур, в том числе исповедуемого иностранцами буддизма, было весьма заметно на российском Дальнем Востоке, что в дальнейшем существенно скажется на судьбах данного региона.

Важным фактором усиления демографического присутствия России на Дальнем Востоке стало учреждение на новоприсоединенных землях после заключения Айгунского договора Амурского казачьего войска, формировавшегося в первую очередь из забайкальских казаков. Всего для переселения было выделено 5 тыс. казачьих семейств. Их переселение проводилось постепенно, в течение трех лет. С 1858 по 1882 г. здесь возникло 104 населенных пункта — станицы, из них в Амурской области 63, в Приморской — 41. Из небольших военных постов, таких как Николаевск-на-Амуре, Владивосток, Благовещенск, позже вырастут города. Новоприсоединенный край заселялся также крестьянами из Вятской, Пермской, Тамбовской и

⁹ Юзефович Т. Указ. соч. С. 251–259, 279–285.

¹⁰ Там же. С. 259–269.

¹¹ Справочная книга для города Владивостока с дополнительными сведениями о Дальнем Востоке. Хабаровск, 1902. С. 3–4.

¹² Обзор Приморской области за 1914 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1916. Прилож. 1. С. 9.

Воронежской губерний, которым приходилось по два года добираться до назначенных к расселению мест, отстоявших от начала пути переселенцев на расстояние до 10 тыс. верст. За 10 лет после приобретения Амура на его освоение было потрачено около 30 млн руб.¹³

Процесс освоения новых территорий был длительным и дорогостоящим. Успехи в деле заселения оказались весьма скромными, тем не менее благодаря им была заложена основа прочного освоения Дальнего Востока. Всего до 1862 г. из Забайкалья на Амур и Уссури было переселено 16 043 чел. В конце 1862 г. в 26 станицах на Уссури проживало около 6 тыс. чел. Семьи переселенцев-казаков начали осваивать новую границу протяженностью 1137 верст, из них формировалась конная стража в горных районах и пешая на равнине¹⁴. Прибывавшие из Европейской России поселенцы, таким образом, вступали во все более тесные взаимоотношения с народами Дальнего Востока, завязывали с ними многообразные связи в сфере экономики, повседневной жизни, а власти активизировали дипломатическое взаимодействие с близлежащими державами. Усилению такого взаимодействия невольно способствовали трагические события в охваченном политическими потрясениями Китае.

Неуклонное ослабление империи Цин, подвергавшейся все более сильному давлению европейских государств, привело к обострению здесь межнациональных и межрелигиозных противоречий, которые всегда были сильны в полиэтнической державе. В целом, национальный и религиозный вопрос обретал все большее значение в жизни центральноазиатского и дальневосточного регионов. Так, в 1862 г. в северо-западной части государства (Синцзян, китайский Туркестан) началось восстание мусульманского населения против властей, в ходе которого религиозное размежевание сразу обрело чрезвычайно важную роль¹⁵. Немусульмане, в том числе буддисты, подверглись жестоким гонениям. Потери немусульманского населе-

¹³ *Бартоломей*. Указ. соч. // Военный сборник. 1860. №9. С. 138; Из воспоминаний Н.П. Поливанова о Восточной Сибири // Русский архив. 1898. Вып. 12. С. 575; *Афанасьев Д.* Амурский край и его назначение // Морской сборник. 1863. № 11. С. 28–29, 41–42.

¹⁴ *Венюков М.* Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. СПб., 1868. С. 105; *Он же.* Воспоминания о заселении Амура. С. 280.

¹⁵ *Куропаткин А.* Исторический очерк Кашгарии // Военный сборник. 1877. № 11. С. 120–124; *Он же.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 93–97, 113–126; *Риттер К.* Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1869. С. 254–284; *Boulger D.Ch.* The Life of Yakoob Beg; Athalik Ghazi and Badoulet; Ameer of Kashgar. London, 1878. P. 48–53; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб., 1906. С. 4–5.

ния оценивались в 1 млн чел.¹⁶ Значительные массы людей, спасаясь от гибели, бежали в Россию и с разрешения властей селились на ее территории, прежде всего, в районе Семиречья¹⁷.

Уже в силу массового движения беженцев в ее пределы Россия не могла оставаться равнодушной к событиям, развернувшимся у ее границ, тем более что они затрагивали исповедовавшее буддизм население, широко представленное в империи. Особую тревогу вызывала ситуация в непосредственно прилежавшем к границам России Илийском крае с центром в городе Кульджа. В мае–июне 1871 г. по приказу Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана в край были введены русские войска¹⁸. После того как обстановка в Синцзяне в конце 1870-х гг. стабилизировалась, Россия вернула временно занятую территорию Китаю¹⁹. Цинские власти под давлением Англии пытались использовать илийский кризис как предлог для начала войны против России, однако благодаря искусству российской дипломатии противоречия удалось снять²⁰. После восстановления власти Китая над Илийским краем вновь свершился обмен населением, но уже в обратном порядке. Теперь буддисты, бежавшие от резни, возвращались на прежнее место жительства, а мусульмане уходили с русскими войсками²¹.

Илийский кризис способствовал более глубокому вовлечению России во внутривосточные процессы на территории Китая, осмыслению роли религиозных начал в развитии данных процессов. Дальний Восток становился все более важным фактором как внешней, так и внутренней политики России. Усиление значения этого фактора в последние десятилетия XIX в. было связано и с новыми явлениями в сфере внешней политики и экономики — прежде всего, с таким важным событием в истории России, как строительство Транссибирской магистрали. Вопрос о строительстве желез-

¹⁶ Куропаткин А.Н. 70 лет моей жизни: воспоминания А.Н. Куропаткина. Т. 1. Челябинск, 2023. С. 352.

¹⁷ Остроумов Н.И. Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. Казань, 1879. С. 20.

¹⁸ Извлечения из донесений Г.Л. Колпаковского о занятии Кульджинского района в 1871 году // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки / Под ред. В.Н. Троицкого. Вып. 3. М., 1872. С. 217–232; Васильев В.П. Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими // Русский вестник. 1872. № 5. С. 190.; Терентьев М.А. Указ. соч. С. 50–52.

¹⁹ Об условиях возвращения Илийского края Китаю см.: *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'annee 1883*. Saint-Petersbourg, 1883. P. 17–23; Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 54–60.

²⁰ Дневник Д.А. Милютина 1878–1880. Т. 3. М., 1950. С. 233.

²¹ Терентьев М.А. Указ. соч. Т. 3. СПб., 1906. С. 261.

нодорожной линии, которая соединила бы Европейскую Россию с Сибирью и Дальним Востоком, способствовала бы полноценному включению данных регионов в систему национальной экономики, а значит — и окончательной интеграции их в общее административное и политическое пространство государства, поднимался еще в середине XIX в. В 1882 г. император Александр III принял решение о необходимости ускоренной разработки проекта строительства железной дороги в Сибирь. В конце 1886 г. было собрано Особое совещание, на котором было принято решение приступить к строительству Сибирской железной дороги от Владивостока до Челябинска протяженностью более 7 тыс. верст. Техническая и финансовая подготовка к началу осуществления этого гигантского проекта затянулась до 1891 г.²² На строительство железнодорожного пути казна планировала потратить около 400 млн руб., реально же было истрачено свыше 1 млрд руб.²³

Строительство магистрали должно было резко укрепить позиции России на границе с Китаем, в частности и за счет переселения значительной массы людей из центра империи. С 1860 по 1880 г. в Сибирь переселилось 110 тыс. чел., с 1880 по 1892 г. — 440 тыс. чел., а с 1893 по 1899 гг. — уже 971 тыс. чел.²⁴ По переписи 1897 г. в Сибири проживало 7 091 224 чел., из них в Амурской области — 138 387 чел., Приморской области — 274 980 чел., на острове Сахалин — 35 248 чел.²⁵ К 1912 г. население Сибири увеличилось до 11 922 714 чел.²⁶ Разумеется, это стало возможным в значительной степени благодаря железной дороге.

Благодаря переселению взаимодействие русских и иных переселенцев из центра с этноконфессиональными общинами Дальнего Востока обрело еще более широкий масштаб. Реализация грандиозного проекта по соединению железнодорожным путем центра государства с его дальневосточной окраиной имела, конечно, не только экономические и демографические измерения. Она серьезно повлияла на изменение самооощущения властей, настроения в имперской столице. Вступивший на престол в 1894 г. преемник Александра III

²² *Нилус Е.Х.* Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. Т. 1. 1896–1923. Харбин, 1923. С. 5–6.

²³ Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге / Под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова и А.Ф. Здыарского. СПб., 1900. С. 70; *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955. С. 19.

²⁴ Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1901. С. 5, 13.

²⁵ Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге 1903–1904 г. СПб., 1904. С. 56–57.

²⁶ Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. От С.-Петербурга до Владивостока / Под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1914. С. VII.

Николай II находился под сильнейшим влиянием идей навализма — представлений о важности морских коммуникаций, о необходимости преобладания на море для обеспечения внешнеполитического могущества государства. Реализовать эти идеи было невозможно без твердого закрепления за Россией выхода в Мировой океан, в связи с чем возрастало значение тихоокеанского и, в частности, дальневосточного региона в ее политике. Соответственно, в конце XIX в. все более актуальным становился вопрос о том, какими путями усилить позиции России в регионе, на каких основаниях должна строиться ее политика по отношению к проживающему здесь автохтонному населению, каким должно быть отношения к религиям и культурам этого населения.

В контексте указанных процессов «ламайский вопрос» закономерно стал во второй половине XIX в. занимать важное место в общественных дискуссиях и планах государственных деятелей России. Подобная ситуация была связана с тем, что учение Будды было распространено в целом ряде стран, с которыми Россия граничила или взаимодействовала на Дальнем Востоке (Китай, Корея, Япония). В Монголии и на Тибете, находившихся в вассальной зависимости от цинского Китая, буддизм в его северной форме (махаяна, школа Гелуг, в обиходе называемая «ламаизмом») являлся доминирующей религией. На территории российской Восточной Сибири буддизм, проникший сюда из Тибета и Монголии, исповедовали буряты (частично в Предбайкалье и главным образом в Забайкалье), а также часть тунгусов (эвенков) Забайкалья. К 1880-м гг. в сибирских владениях России насчитывалось около 160 тыс. буддистов (13 тыс. к западу и 147 тыс. к востоку от Байкала)²⁷. Ламаизм располагал достаточно прочными позициями в империи. В середине XVIII в. власти узаконили существование этой религии, а в 1853 г. было принято всеобъемлющее «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири», регламентировавшее правительственный контроль над буддистскими религиозными институтами и в то же время определявшее их права и обязанности, материальную базу их существования²⁸.

Следует отметить, что наличие в отдаленных регионах империи хорошо организованной, значительной по количеству последователей иноверной религии, чьи права были узаконены властями, к концу XIX в. вызывало настороженность у значительной части

²⁷ *Hundley H.S. Defending the Periphery: Tsarist Management of Buriat Buddhism // Russian Review. 2010. April. Vol. 69. P. 248–249.*

²⁸ *Цыремпилов Н.В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII — начало XX в.). Улан Удэ, 2013. С. 150–168.*

российских элит, прежде всего у представителей высшего православного духовенства. Религия в представлениях этих деятелей была неотделима от национального начала, значение которого все острее чувствовалось на пороге XX в., а «ламайство» самим фактом своего существования мешало распространению среди народов Сибири православия и тем самым — утверждению культурной и национальной целостности, единства России. Последовательным сторонником подобной точки зрения был архиепископ Вениамин (Благодеров), возглавлявший в 1873–1892 гг. Иркутскую епархию. «Православие считается русской верой, — писал он в 1882 г. — Причина тому — в тесной связи, в которую исторически стала у нас Церковь с государством и подобной которой не представляет нам история». «Таким образом, — указывал иерарх, — в отношении к иноверцам православие должно вести борьбу не просто с чужой верой, но и с чужой национальностью... убеждать их в превосходстве русского национального быта, чтобы сделаться им не по вере только, но и по национальности русскими»²⁹.

Наличие у буддизма в Восточной Сибири прочных корней и значительного количества последователей, влияние буддистского духовенства на паству объяснялось в данном контексте не высокими духовными свойствами восточной религии, а попустительством российских властей по отношению к ней, хитростью лам, сумевших вкратце к ним в доверие и оказывать духовное, а зачастую и материальное давление на массу соплеменников. Особо грубой ошибкой объявлялось в связи с этим принятие в 1822 г. «Устава об управлении инородцев», вверявшего контроль над сибирскими народами родоплеменным властям (в Восточной Сибири они были тесно связаны с ламаитским духовенством). Вызывали протест и основные принципы Положения 1853 г. Согласно этому документу, говорилось в составленной в 1898 г. официальной записке ведомства православного исповедания, верховный лама бурят (Пандидо Хамбо-лама) утверждается в своем звании непосредственно царем и от него «получает грамоту за печатью, приобретая чрез это в глазах инородцев бурят такую нравственную силу, против которой ни один миссионер не может представить ничего подобного». Настойчиво звучало требование отмены государственного узаконения буддизма. Подобная мера, доказывал в 1896 г. в письме товарищу обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблеру епископ Забайкальский и Нерчинский Георгий (Орлов), «поднимет дух не только православных деятелей, но и многих из бурят, изнывающих под тяжелым режимом ламства

²⁹ Харламович К.В. К биографии Вениамина, архиепископа Иркутского // Христианское чтение. 1906. № 8. С. 303.

и удаляющихся от принятия христианства исключительно по боязни своих фанатиков повелителей — лам»³⁰.

В зависимость (экономическую и административную) от лам и родоплеменных властей порой попадали не только рядовые «инородцы», но отчасти и русские — крестьяне-переселенцы, которые, как отмечалось выше, во второй половине XIX в. во все большем количестве прибывали в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Переселенцам в ряде случаев приходилось арендовать у буддистов землю, которой те, по мнению православных публицистов, были обеспечены явно чрезмерно. Что же касается лояльности ламаитов по отношению к российскому государству, их подчеркнутой покорности властям, то всё это, с точки зрения противников буддизма, было лишь маскировкой, проявлением хитрости и коварства. Пребывающее в постоянном контакте с духовными центрами на территории зарубежных регионов — Монголии и Тибета — ламское духовенство, по мнению православного публициста Е.Н. Воронца, тяготело к цинскому Китаю и в глубине души не отличалось преданностью России. В качестве серьезной опасности постепенно начала рассматриваться Япония, где были сильны позиции буддизма. Японское правительство, по мнению ряда российских чиновников и публицистов, вполне могло использовать религиозные каналы для пропагандистской и разведывательной деятельности на территории России³¹.

В целом, в 1880–1890-е гг. негативное отношение к буддизму, требования принять меры к ограничению прав данной религии получили достаточно широкое распространение в российских верхах. «Попраание прав христиан, безуспешность их просьб и явные гонения составляют общий удел их при господстве языческой власти, — говорилось во всеподданнейшем отчете обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева за 1883 г. — Жалобами на такие гонения переполнены отчеты преосвященных начальников Иркутской и Забайкальской миссий»³². В условиях усиления консервативных начал в политике государства при Александре III, стремления к утверждению национально-религиозной монолитности империи заявления консервативных государственных и общественных деятелей (среди которых обер-прокурор Синода занимал важное место) оказывали

³⁰ Амоглонова Д.Д. Буддизм в Бурятии: российское государство и конфессиональная конкуренция // Страны и народы Востока. Т. 26. М., 2015. С. 10, 16.

³¹ Цыремпилов Н.В. Указ. соч. С. 182, 217, 219.

³² Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1883 год. СПб., 1885. С. 176.

заметное влияние на правительственный курс. Были предприняты попытки принципиально изменить систему управления сибирскими народами, в том числе — административного регулирования их религий. Так, в 1883 г. по требованию архиепископа Вениамина и при поддержке К.П. Победоносцева министр государственных имуществ М.Н. Островский предложил генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину ввести христиан в местные органы родового самоуправления. Спустя два года состоявшийся в Иркутске под председательством Вениамина съезд сибирских архиереев подтвердил этот запрос и выдвинул ряд дополнительных требований: ограничить духовно-пропагандистскую деятельность лам, наделить крещеных «инородцев» дополнительными земельными владениями и др. В 1886 г. Вениамин был вызван к присутствию в Синоде, причем в качестве одной из причин этого шага рассматривалась подготовка центральными органами управления империи отмены Положения 1853 г.³³

Хотя отмена Положения, несмотря на неоднократные попытки, все же не состоялась, в 1889 г. властями была принята мера, довольно существенно изменившую систему управления российским буддизмом. Храмы, монастыри и буддистское духовенство Предбайкалья были выделены из ведения Бандидо Хамбо-ламы, пребывавшего на территории Приамурского генерал-губернаторства, и непосредственно починены светской администрации — генерал-губернатору Иркутскому. Смысл этого шага был очевиден для современников. Так, Приамурский генерал-губернатор заявил, что признает данную меру желательной «как способствующую разъединению сибирских ламаитов». «Сохранение власти в руках одного главного ламы придает силу... ламской пропаганде среди местных язычников и парализует водворение между ними христианства... — говорилось в отношении, направленном Департаментом духовных дел иностранных исповеданий (органом, отвечающим за управление иноверными религиями) в Комитет министров. — От разъединения их (иркутских ламаитов. — *Авт.*) с очагом буддизма в Забайкалье вера их приходила в упадок»³⁴. Кажется, принятая мера станет шагом на пути к окончательной ликвидации государственного узаконения буддизма, отмене Положения 1853 г. и, возможно, к серьезным изменениям в системе управления сибирскими народами, которая способствовала

³³ Харламович К.В. Указ. соч. // Христианское чтение. 1906. № 7. С. 152–154; № 8. С. 302–305; Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 231–236.

³⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 59. Отд. 2. Ст. 3. Д. 247. Л. 3 об.

бы утверждению национально-религиозной монолитности империи. Однако подобные меры не были приняты, и на то был ряд причин.

Прежде всего, необходимо отметить, что в российских правительственных кругах всегда было достаточно много людей, выступавших против жесткой национально-религиозной политики на окраинах, полагавших, что такая политика ведет к подрыву социальной стабильности в отдаленных регионах и тем самым затрудняет управление огромной империей. Наличие влиятельных деятелей, разделявших подобные взгляды, на протяжении всей истории многонационального государства уравнивало давление сторонников национально-религиозной гомогенизации государства. Этот фактор в полной мере проявил себя и в 1880–1890-е гг., однако его «подкрепили» обстоятельства, присущие именно этой эпохе. К концу XIX в., как отмечалось выше, меняется самоощущение властей, их представления о роли России на международной арене. Особенно это было характерно для первого десятилетия царствования Николая II. От прежней, преимущественно оборонительной политики на Дальнем Востоке, власти стремились перейти к активным действиям, вынашивали масштабные планы усиления позиций России в регионе. Все возможные каналы распространения внешнеполитического влияния на Дальнем Востоке — дипломатические, экономические, идеологические, религиозные — начинали привлекать внимание российских государственных и общественных деятелей. В контексте этих процессов усилился и интерес к российским буддистам как к возможным агентам распространения влияния «империи царей» за рубежом.

Решающую роль в формировании подобных настроений сыграли представители группировки, получившей у историков название «восточников», — люди, связанные с Азией в силу обстоятельств личной судьбы и (или) идеологических установок³⁵. В 1890-е гг. «восточники» энергично подчеркивали значение Дальнего Востока и в целом азиатских регионов для перспектив развития России. «Монголия, Тибет и Китай составляют будущность России во всех отношениях, — писал в 1893 г. в записке на имя Александра III П.А. Бадмаев, бурят по происхождению, чиновник Министерства иностранных дел и одновременно популярный в Петербурге лекарь тибетской медицины. — Мы имеем возможность... держать

³⁵ О «восточничестве» см.: *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 70–101; *Межуев Б.В.* Моделирование понятия «национальный интерес» на примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX в. // *Полис.* 1999. № 1. С. 26–39; *Суворов В.В.* Восточничество. Культурно-историческая концепция и имперская идеология. Саратов, 2015.

в руках Европу и Азию именно с берегов Тихого океана и высот Гималая»³⁶. «Создание правильной русско-азиатской политики составляет самую жизненную необходимость для России. Наше положение в Европе зависит от нашего положения в Азии, а не наоборот», — отмечал еще один «восточник», журналист влиятельной газеты «Новое время» С.Н. Сыромятников³⁷. Наконец, самый, пожалуй, яркий из «восточников», востоковед, философ, поэт и публицист князь Э.Э. Ухтомский подчеркивал значение для России Забайкалья, которое «является ключом к сердцу Азии, авангардом русской цивилизации на границе “Желтого Востока”»³⁸. На взглядах Ухтомского необходимо остановиться подробнее, так как в них нашла наиболее полное выражение на рубеже XIX–XX в. система воззрений, подчеркивавших связь России с Азией и непосредственно сказавшихся на восприятии российским обществом буддизма и политики по отношению к нему.

Всецело разделявший представления о том, что Россия должна максимально расширить сферу своего внешнеполитического влияния и что возможности для этого создает деятельность в Азии, прежде всего на Дальнем Востоке, Ухтомский полагал, что основу для этого обеспечит опора на российских буддистов, являющихся, с его точки зрения, верными подданными «белого царя». Наличие у последователей учения Будды трансграничных религиозных связей воспринималось князем не как угроза, а как возможность реализации масштабных внешнеполитических начинаний. Он подчеркивал важность того обстоятельства, что «у России есть сотни тысяч подданных-буддистов, за ними колыхается целое море единоверных кочевников, сибирские инородцы находятся в непрерывном общении с Тибетом». «Восточносибирские инородцы-ламаиты, — отмечал князь, — год от году приобретают все большее и большее влияние в различных центрах Тибета и eo ipso (в силу одного этого. — Авт.) являются важными проводниками Царского имени и обаяния в заповедных и недоступных странах, которые нельзя не считать сердцем Азии»³⁹.

Политика ограничения связей российских последователей Будды с зарубежными единоверцами, проводившаяся Петербургом с начала XVIII в., была, по мнению Ухтомского, крупнейшей ошиб-

³⁶ За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С. 56.

³⁷ Репников А.В. С.Н. Сыромятников: штрихи к портрету // Интеллигенция и мир. 2010. № 3. С. 101.

³⁸ Цит. по: Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 78.

³⁹ Ухтомский Э.Э. Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. Конец XIX века. СПб., 1904. С. 73, 115–116.

кой, не позволившей реализовать открывавшиеся в то время перед империей геополитические перспективы. С точки зрения «восточника», Россия в эпоху Петра I имела возможность установить контроль над Тибетом, воспользовавшись разразившимися в то время в священной стране северных буддистов смутами и опираясь на российских ламаитов. «Будь наша внешняя политика дальновиднее на Востоке, — писал князь, — мы, при помощи сотен тысяч подданных-ламаитов, зная, в каком хаотическом состоянии находится глубь Азии, без труда могли склонить на свою сторону кочевников, которые ненавидели китайцев, и, опираясь на них, с авторитетом заявить о себе в Лхасе». Открывалась, по мнению Ухтомского, возможность для России подчинения и всей Поднебесной империи, которая находилась с XVII в. под властью чуждой массе населения маньчжурской династии Цин⁴⁰. Все эти вполне реальные, с точки зрения князя, перспективы не были реализованы из-за излишней робости и бюрократической зашоренности властей. Теперь, в конце XIX в., подобный подход стал совершенно неуместен. Эпоха ставила перед страной новые, глобальные задачи, и взгляды, проповедовавшиеся «восточниками», должны были помочь эти задачи решить.

Разумеется, для того, чтобы иметь возможность опереться на буддистов в реализации своих внешнеполитических замыслов, власти должны были нормализовать свои отношения с данной этноконфессиональной группой, и Ухтомский последовательно выступал за меры в этом духе. Во второй половине 1880-х гг., будучи чиновником Департамента духовных дел иностранных исповеданий, он был направлен в командировку в Забайкалье, и в итоге резко выступил против действий церковных властей по отношению к буддистам, рекомендовал смягчить проводимую ими политику. Князь отвергал претензии, предъявлявшиеся к буддизму консервативно настроенными администраторами. Согласно имевшимся у него сведениям, факты притеснений христиан со стороны лам и родоплеменных властей не подтверждались. Сила ламаизма, по мнению Ухтомского, определялась его духовным влиянием, подвижничеством большей части буддистского духовенства, и введение новых административных ограничений никак не могло изменить данную ситуацию. «Буддизм на окраине заметно шагнул вперед, и представляется мне ныне во всеоружии своего эфемерного по существу, но, несмотря на это, знаменательного значения», — отмечал князь. Разумеется, Ухтомский не отрицал желательности сближения народов Сибири с христианством и русской культурой, но считал, что наилучшим

⁴⁰ Там же. С. 57–58.

образом эта цель будет достигнута на добровольных началах, без принуждения. Буряты готовы «самостоятельно осуществлять правительственные цели, ведущие к постепенному, безболезненному обрусению», — отмечал князь⁴¹.

Опираясь на свой растущий служебный вес, связи в верхах, «восточник» настойчиво стремился к осуществлению своих взглядов. Следует отметить, что в последнее десятилетие XIX в. для него в этом отношении открылись широкие возможности. Как известный знаток Востока, Ухтомский был приглашен сопровождать в 1890–1891 гг. наследника престола, будущего Николая II, в путешествии, которое проходило по странам Азии, охватывая в том числе регионы распространения буддизма (Индию, Цейлон, Сиам, Вьетнам, Китай, Японию). Князь сумел привить своему высокопоставленному подопечному интерес и симпатию к восточной религии⁴². В свою очередь, сближение с цесаревичем, который в 1894 г. стал императором, существенно способствовало усилению политического влияния аристократа-публициста. В 1896 г. по распоряжению Николая II Ухтомский был назначен главным редактором одной из крупнейших российских газет «Санкт-Петербургские ведомости», которая под его руководством стала одним из рупоров идей «восточничества», в том числе обоснования необходимости терпимости по отношению к буддистам, активного использования этой этноконфессиональной группы в контексте международной деятельности государства.

Подобная перегруппировка сил в верхах не могла не оказать влияния на вероисповедную политику властей. Конкретные аспекты этого влияния нуждаются в дополнительном изучении. Но, видимо, не было случайностью заметное изменение отношения администрации к буддистам в 1890-е гг. Возможно, следует считать преувеличением утверждение церковного автора о том, что с начала десятилетия «высшая гражданская власть губернии в лице генерал-губернаторов и губернаторов совершенно прекратила свое содействие в деле привлечения бурят к принятию крещения»⁴³. Однако очевидно, что действия администрации в данной сфере претерпели определенную корректировку.

Постепенно положение буддистов в России улучшалось, чему в значительной степени способствовало и провозглашение в 1905 г.

⁴¹ Ухтомский Э.Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб.: Синодальная типография, 1892. С. 40, 18.

⁴² См.: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. М., 2004. С. 444–445.

⁴³ Церковь и русификация бурято-монгол при царизме // Красный архив. 1932. Т. 4 (53) С. 119. Доклад архиепископа Иркутского Серафима (Мещерякова) товарищу обер-прокурора Синода П.С. Даманскому от 6 октября 1913 г.

свободы совести (дарование подданным права свободно выбирать религию, а конфессиональным организациям — проповедовать свое учение). Символическим отражением возросшей роли и укрепившегося положения восточной религии стало возведение в 1909–1913 гг. в Петербурге буддийского храма. Необходимость этого со стороны последователей учения Будды обосновывалась тем, что «вести о строительстве в столице Российской империи буддийского храма-монастыря, проникнув на Восток, могли бы усилить прорусские настроения среди верующей массы монголов и тибетцев». Власти благосклонно отнеслись к подобным аргументам. Что касается массы буддистов, то возведение храма действительно произвело на них большое впечатление и укрепило в их среде веру в то, что их религия пребывает под покровительством «белого царя» (в том числе и потому, что храм был воздвигнут вблизи Елагина острова, где находилась одна из загородных резиденций Николая II)⁴⁴.

В целом, если говорить об опоре на буддизм во внешней политике, то это направление деятельности, занимавшее столь большое место в воззрениях Ухтомского и других «восточников», получило достаточно широкое развитие в 1890-е — 1900-е гг., в том числе по отношению к священной земле северных буддистов Тибету. Имело влияние и то, что в последнее десятилетие XIX в. одним из главных советников главы северных буддистов Далай-Ламы стал российский подданный, бурят Агван Доржиев, последовательно выступавший за сближение Тибета с Россией. Воззрения Доржиева как нельзя лучше соответствовали представлениям «восточников» о том, какую роль последователи учения Будды должны сыграть в процессе укрепления внешнеполитического влияния России. Благодаря содействию Ухтомского и Бадмаева советник Далай-Ламы в ходе своих визитов в Петербург был дважды принят Николаем II (в 1898 и 1900 гг.), вел переговоры с высокопоставленными российскими сановниками. В российских правительственных кругах в то время обсуждались планы укрепления связи с Тибетом, оказания ему дипломатической и даже военной помощи против усилившегося в то время натиска со стороны Англии. В район Тибета был направлен ряд экспедиций с научными и военно-разведывательными целями, а в 1901 г. в китайской провинции Сычуань (г. Дацзанлу) учреждено российское консульство для постоянных сношений с горной страной⁴⁵.

Наряду с Тибетом, внимание властей на рубеже XIX–XX вв. привлекала еще одна страна, население которой традиционно испове-

⁴⁴ Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006. С. 168–169.

⁴⁵ Там же. С. 78–105.

давало буддизм, — Сиа́м (Таиланд). Николай II, познакомившийся с Си́амом в ходе своего путешествия по странам Востока, завязал тесные связи с местной правящей династией, а после воцарения оказывал азиатскому государству дипломатическую поддержку в его противостоянии с европейскими державами, прежде всего с Францией⁴⁶. За помощью к России обращалась и буддистская Монголия, являвшаяся, как и Тибет, вассалом цинского Китая и сильно своей зависимостью тяготившаяся. В 1900 г. монгольские князья и верхушка ламского духовенства направили тайное посольство в Петербург, надеясь получить помощь в борьбе против Китая. Следует заметить, что за оказание такой поддержки (в скрытой форме) еще в 1890-е гг. выступал Бадмаев, располагавший обширными связями в верхах монгольского общества⁴⁷. Россия заняла в данном вопросе осторожную позицию. Открыто не выступая против Китая, она отдельными экономическими и дипломатическими мерами содействовала стремлению Монголии к независимости, попутно укрепляя в регионе свое влияние⁴⁸.

В целом развитие внешнеполитической ситуации на рубеже XIX–XX в. до известной степени оправдывало представления о важности для России дальневосточного региона и значительной роли религиозного (буддийского) компонента для этой сферы деятельности. Опора на религиозные начала действительно в определенной мере способствовала продвижению внешнеполитических интересов России. Разумеется, не на всех направлениях в развитии связей с буддийским миром империя оказалась одинаково успешной. В силу чисто территориальной отдаленности не удалось оказать действительную помощь Тибету, который с 1907 г. попал в сферу влияния Англии. Сиа́м постепенно переориентировался на контакты с западными странами и Японией. Взаимодействие же с Монголией привело к достаточно позитивным результатам как для России, так и для этой страны. Когда в Китае в результате Синьхайской революции 1911 г. была свергнута династия Цин и Монголия заявила о своей независимости, именно Россия помогла молодой стране, не допустив вторжения сюда китайских войск. Хотя формально Монголия осталась

⁴⁶ Мельниченко Б.Н. Россия и Сиа́м (Таиланд) // История России: Россия и Восток. СПб., 2002. С. 649–668.

⁴⁷ Подав записку по этому вопросу Александру III, Бадмаев сумел получить от казны ссуду на основание в Забайкалье торгового дома, который под прикрытием коммерческих операций вел среди монголов и китайцев агитацию за присоединение к России. См.: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008. С. 86–87.

⁴⁸ Попов А.В. Россия и Монголия в XVII — начале XX в. // История России: Россия и Восток. С. 626–628.

частью Китая, благодаря поддержке «империи царей» она получила широкие права, которые на практике позволяли ей действовать как самостоятельное государство. По словам А.В. Попова, фактически эта автономия «не предполагала какой-либо действенной юрисдикции китайских властей» над монгольской территорией⁴⁹. Активная поддержка, которую Россия оказала Монголии, в немалой степени определялась достаточно широко распространенными в российском обществе симпатиями к азиатской стране. В консервативно-монархических, религиозно настроенных кругах эти симпатии, возможно, подкреплялись и тем обстоятельством, что главой Монголии после провозглашения ее автономии стал не кто иной, как местный буддийский первоиерарх — Джебдзун Дамба-хутухта VIII.

Подводя итог, необходимо отметить, что выдвижение «ламайского вопроса» на одно из важных мест в российских общественных дискуссиях и правительственной политике конца XIX и начала XX в. явилось результатом воздействия целого ряда внутривластных и международных процессов. На протяжении всего XIX столетия неуклонно возрастало экономическое значение восточносибирского и дальневосточного регионов, их роль во внешней политике России. В этих условиях все более актуальным становился вопрос о принципах взаимодействия с проживающими здесь народами и исповедуемыми ими религиями. У значительной части русского общества, прежде всего в миссионерских кругах, наличие в Предбайкалье и Забайкалье значительного количества последователей буддизма (ламаизма) — древнейшей из мировых религий, имевшей устойчивую организацию и располагавшую большим количеством последователей — вызывало настороженность, опасения, стремление свести влияние буддизма к минимуму. Однако в российских верхах были представлены и иные идейные течения, доказывавшие необходимость проведения примирительной политики по отношению к этой религии.

Рубеж XIX–XX вв. был отмечен активной деятельностью «восточников» — примечательного общественного движения, представители которого высказывали самую, пожалуй, высокую оценку восточной религии. Идейные установки и деятельность князя Ухтомского и его единомышленников оказали заметное влияние на целый ряд важных аспектов внешней и внутренней политики России, способствовали улучшению общественного положения буддистов. Религиозный компонент начал играть заметную роль во взаимодействии «империи царей» со странами и регионами, население

⁴⁹ Там же. С. 630–639.

которых исповедовало буддизм. Падение монархии и утверждение власти большевиков в России прервали развитие процессов, определявших общественно-политическую и религиозную жизнь страны в последние предреволюционные десятилетия, и надолго превратили буддизм, как и другие религии, из партнера государства в объект правительственных репрессий. В настоящее время, когда между государством и религиями восстанавливаются кооперационные отношения, необходимо обращение к историческому опыту реализации данных отношений во всем многообразии их аспектов.

References

Amogolonova D.D. *Buddizm v Buryatii: rossiyskoye gosudarstvo i konfitsional'naya konkurentsia* [Buddhism in Buryatia: The Russian State and Confessional Competition] // *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East]. Vol. 26. Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura, 2015. P. 5–40.

Andreev A.I. *Tibet v politike tsarskoy, sovetskoy i postsovetskoy Rossii* [Tibet in the Policy of Tsarist, Soviet, and Post-Soviet Russia]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 464 p.

Boulger D.Ch. *The Life of Yakoob Beg; Athalik Ghazi and Badoulet; Ameer of Kashgar*. London: W.H. Allen and Co, 1878. IX, 344 p.

Hundley H.S. Defending the Periphery: Tsarist Management of Buriat Buddhism // *Russian Review*. 2010. April. Vol. 69. P. 231–250.

Lukoyanov I.V. “*Ne otstat' ot derzhav...*” *Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX — nachale XX vv.* [“Not to Fall Behind the Powers...” Russia in the Far East in the Late 19th and Early 20th Centuries]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. 664 p.

Melnichenko B.N. *Rossiya i Siam (Tailand)* [Russia and Siam (Thailand)] // *Istoriya Rossii: Rossiya i Vostok* [History of Russia: Russia and the East] / Compiled by Yu.A. Sandulov. Saint Petersburg: Leksikon, 2002. P. 643–662.

Mezhuev B.V. *Modelirovaniye ponyatiya “natsional'nyy interes” na primere dal'nevostochnoy politiki Rossii kontsa XIX — nachala XX v.* [Modeling the Concept of “National Interest”: A Case Study of Russian Far Eastern Policy in the Late 19th and Early 20th Centuries] // *Polis*. 1999. N 1. P. 26–39.

Nilus E.Kh. *Istoricheskiy obzor Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi* [Historical Review of the Chinese Eastern Railway]. Vol. 1. 1896–1923. Harbin: Tipografiya Kitaysko-vostochnoy zheleznoy dorogi i tovarishchestva “Ozo”, 1923. XIX, 690 p.

Popov A.V. *Rossiya i Mongoliya v XVII — nachale XX v.* [Russia and Mongolia from the 17th through the Early 20th Century] // *Istoriya Rossii: Rossiya i Vostok* [History of Russia: Russia and the East] / Compiled by Yu.A. Sandulov. Saint Petersburg: Leksikon, 2002. P. 575–639.

Repnikov A.V. S.N. *Syromyatnikov: shtrikhi k portretu* [S.N. Syromyatnikov: Sketches for a Portrait] // *Intelligentsiya i mir*. 2010. N 3. P. 91–110.

Romanov B.A. *Ocherki diplomaticheskoy istorii rusko-yaponskoy voyny* [Essays on the Diplomatic History of the Russo-Japanese War]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955. 496 p.

Schimmelpenninck van der Oye D. *Navstrechu Voskhodyashchemu solntsu. Kak imperskoye mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voyne s Yaponiyey* [Towards the Rising

Sun: How Imperial Myth-Making Led Russia to War with Japan]. M.: NLO, 2009. 421 p.

Shumakher P.V. *K istorii priobreteniya Amura. Snosheniya s Kitayem s 1848 po 1869 god* [On the History of the Acquisition of the Amur. Relations with China from 1848 to 1869] // *Russkiy arkhiv*. 1878. Issue 11. P. 257–342.

Suvorov V.V. *Vostochnichestvo. Kul'turno-istoricheskaya kontseptsiya i imperskaya ideologiya* [Orientalism. Cultural-Historical Concept and Imperial Ideology]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta, 2015. 107 p.

Terent'ev M.A. *Istoriya zavoyevaniya Sredney Azii* [History of the Conquest of Central Asia]. Saint Petersburg: Tipolitografiya V.V. Komarova, 1906. Vol. 2. XII, 547 p.; Vol. 3. XI, 496 p.

Tsyrempilov N.V. *Buddizm i imperiya. Buryatskaya buddiyskaya obshchina v Rossii (XVIII — nachalo XX v.)* [Buddhism and Empire. The Buryat Buddhist Community in Russia (From the 18th through the Early 20th Century)]. Ulan-Ude: SO RAN, 2013. 338 p.

Wortman R. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of Power. Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy]. Vol. II. Moscow: OGI, 2004. 796 p.

Поступила в редакцию
15 января 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-67-93

О.А. Гаврилова

**БЛОКАДНЫЙ «РАЦИОН»: ОСОБЕННОСТИ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ ЛЕНИНГРАДА
В 1942–1943 гг.**

O.A. Gavrilova

**BLOCKADE RATIONS: FEATURES OF PUBLIC
CATERING IN LENINGRAD IN 1942–1943**

Аннотация. Блокада Ленинграда, начавшаяся в сентябре 1941 г., существенно ограничила продовольственное снабжение города и заставила партийное и советское руководство принимать чрезвычайные меры по спасению гражданского населения от голода. Введение нормированного распределения продуктов частично переориентировало людей на получение продовольствия в системе общественного питания, имевшего в первые месяцы блокады ряд льгот на выдачу продуктов без зачета установленных норм. Затем сеть столовых стала основой для лечебного питания, а весной 1942 г. на предприятиях Ленглавресторана распространяется новая форма поддержки трудоспособного населения — рационное, или обязательное трехразовое горячее питание. В статье анализируются особенности функционирования столовых рационного питания: их распространенность, ассортимент продуктов, качество обслуживания посетителей. Данная проблема не получила освещения в историографии, хотя тема продовольственного обеспечения населения является одной из основных в изучении блокады Ленинграда. Введение в научный оборот комплекса архивных ма-

Гаврилова Ольга Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Gavrilova Olga Aleksandrovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern History of Russia, Institute of History, Saint Petersburg State University

o.gavrilova@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-0372-1714

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00305 «Продовольственное обеспечение блокадного Ленинграда: организация производства, практики распределения, память»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00305 “Food Supply in Besieged Leningrad: Organization of Production, Distribution Practices, Memory”).

териалов, использование новейших публикаций документов партийных и хозяйственных городских структур позволили впервые рассмотреть планомерную трансформацию системы общественного питания, призванную обеспечить равномерное, достаточное для поддержания жизнедеятельности и трудоспособности населения продовольственное снабжение через систему прикрепления к столовым. Особое внимание уделено рассмотрению взаимодействия различных ведомств, ответственных за продовольственное снабжение предприятий общественного питания. Выявлены объективные сложности, которые сводили на нет усилия по улучшению обслуживания, повышению вкусовых качеств пищи и разнообразия меню. Изучены предложения по возможной модернизации рационного питания в части создания комбинированной продовольственной карточки, которая могла бы как использоваться в столовой, так и отовариваться в магазинах. В конечном итоге многообразие задач, стоявших перед системой общественного питания, заставило руководство города поставить на союзном уровне вопрос об организации при исполкоме Ленгорсовета отдела общественного питания. Таким образом, рационное питание стало фундаментом для создания отдельной сферы городского хозяйства.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, продовольственное снабжение, система общественного питания, рационное питание, столовые, продовольственные карточки.

Abstract. The Siege of Leningrad, which began in September 1941, drastically restricted the city's food supply, forcing Soviet leadership to implement extraordinary measures to prevent mass starvation. The introduction of rationed food distribution partially shifted people's reliance toward the public catering system, which, in the early months of the blockade, offered certain advantages by distributing food without strictly following the established norms. Over time, these dining halls became the cornerstone of therapeutic nutrition. By the spring of 1942, a new form of support was introduced in the *Lenglavrestoran* establishments for the working population: three mandatory daily hot meals, known as compulsory or rationed nutrition. This article examines the functioning of these rationed dining halls, focusing on their prevalence, available products, and service quality. Despite the importance of food supply in understanding the Leningrad blockade, this topic has been largely overlooked in historiography. Drawing on a collection of archival materials and newly published documents from city party and economic structures, this study offers the first systematic analysis of the transformation of the public catering system. This system was designed to ensure sufficient and equitable food distribution to sustain the population's health and productivity through a network of dining halls. The article pays special attention to the interactions between various departments responsible for food supply in public catering establishments. It also identifies the objective challenges that hampered efforts to improve service quality, enhance food standards, and diversify menus. Proposals to modernize rationed nutrition, such as introducing a combined food card that could be used in both dining halls and stores, are explored as well. Ultimately, the growing responsibilities of the public catering system led city leaders to propose the establishment of a dedicated Public Catering Department within the Leningrad City Executive Committee at the national level. In this way,

rationed nutrition became a foundational element in the creation of a distinct sector within the city's economy.

Keywords: Siege of Leningrad, food supply, public catering system, rationed nutrition, dining halls, food cards.

* * *

Продовольственное снабжение населения Ленинграда в контексте нормированного распределения продуктов, работы пищевой промышленности, функционирования торговой сети и системы общественного питания стало одной из основных историографических проблем истории обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны¹ и продолжает вызывать неизменный исследовательский интерес². Как заметил один из современных литературоведов, анализируя блокадные тексты, в них легко определяется повышенное внимание к наполнению лексем «пища» и «еда». В известном смысле это можно считать определенной фетишизацией продовольственных продуктов, вызванной непрекращающимся чувством голода: «еда» остается чистой процессуальностью («чувство еды», т.е. ощущение от поедания пищи), в то время как пища становится объектом желания, необходимой предпосылкой для возможности есть за

¹ Карасев А.В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959; Ковальчук В.М. 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. СПб., 2005; Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. М., 2017; Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. Изд. 6-е, испр. и доп. Л., 1985; Пянкевич В.Л. Люди жили слухами: неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014; Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде: в 3 кн. Кн. третья: Январь 1943 — январь 1944. СПб., 2017; Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. СПб., 2023; и др.

² Гаврилова О.А. «Блокадные банкеты»: к истории нормированного снабжения Ленинграда в 1942 г. // Путь России и судьба историка. Сер. «Труды исторического факультета СПбГУ». Вып. 21. СПб., 2015. С. 415–420; Она же. «Пиво же им выдается потому, что в известной степени является продуктом питания»: о производстве и потреблении пива в блокадном Ленинграде // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3. С. 60–81; Гаврилова О.А., Ходяков М.В. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 44–65; Ломагин Н.А. Крутом вода, а рыбы нет: к вопросу об обеспечении Ленинграда местными ресурсами в период блокады, 1941–1944 гг. // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 101–129; Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 году // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8–21; Твердюкова Е.Д. Продовольственное снабжение и смертность в психиатрических больницах Ленинграда в годы блокады (1941–1944) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 7 (32). С. 1–7; Она же. Работа лечебно-питательных стационаров в Ленинграде (январь–апрель 1942 г.) // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11. С. 116–126; Ходяков М.В. Иерархия продовольственного снабжения в блокадном Ленинграде // Российская история. 2019. № 3. С. 163–166; Он же. Кондитерское производство в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 812–839.

еду³. Этому легко найти подтверждение в известном дневнике ученого-востоковеда А.Н. Болдырева, который, упоминая объявления о выдаче нормированных продуктов, которые подписывались в годы блокады заведующим отдела торговли Ленгорисполкома И.А. Андренко, называет его «Отцом Пищи», а получение дополнительных продуктов питания фиксирует как «праздник Пищи»⁴.

Сегодня мы знаем о фатальном просчете ленинградского руководства, не замечавшего катастрофической опасности продовольствием города, где проживало более двух миллионов человек. По словам одного из самых авторитетных историков блокады Г.Л. Соболева, бремя ответственности за их судьбу лежало именно на Смольном. В свою очередь Е.Д. Твердюкова, признавая неоспоримым этот факт, подчеркивает, что снабжение Ленинграда всегда являлось дотационным, о чем власти были прекрасно осведомлены, и лишь нежелание сделать реалистичные выводы из кризиса снабжения, охватившего город в 1939–1940 гг. во время войны с Финляндией, привело к тому, что в нем в принципе не создавалось ни серьезных запасов, ни условий для долгосрочного складирования продовольствия⁵.

Исследования трагедии ленинградской блокады зачастую сосредоточены на мероприятиях и действиях руководства Ленинграда, которые предшествовали смертному времени, на решениях, которые принимались в условиях нарастающего голода, когда предсказать развитие событий и даже представить весь их ужас было невозможно, — на первой блокадной зиме. И хотя голод, обусловленный осадой и проблемами снабжения, сумели обуздать, но цена промедления оказалась трагически высокой. Власть лихорадочно искала способы сохранить трудоспособное население, надеясь поставить под контроль процессы питания. К весне 1942 г. сложился примерный план действий, призванных снизить последствия голодания. Он был направлен на сокращение численности проживающих в городе людей путем их эвакуации, проведение огородных кампаний и витаминизации питания, использование лечебных методов оздоровления населения и главное — введение новой системы продовольственного обеспечения, учитывающей психологические особенности голодающего человека (не дать возможность съесть всё полученное продо-

³ Кукуй И. Еда и пища в блокадном тексте (На примере дневника П. Зальцмана) // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband. 86. 2015. S. 119–130.

⁴ Болдырев А.Н. Осадная Запись (Блокадный дневник) / Подгот. к печати В.С. Гарбузова и И.М. Стеблин-Каменский. СПб., 1998. С. 249, 273 и др.

⁵ Твердюкова Е.Д. Проживая историю // Российская история. 2019. № 3. С. 154–157.

вольствие сразу). Городские власти сделали ставку на общественное питание и после удачного, с их точки зрения, опыта стационаров лечебного питания решили переориентировать население на так называемый рацион, а точнее — организовать трехразовый прием пищи в столовых с зачетом нормированных по карточкам продуктов.

Подводя некоторый итог этим преобразованиям в конце 1942 г., секретарь ЛГК ВКП(б) А.А. Кузнецов подчеркивал, что в Ленинграде еще в 1930-е гг. после известного Постановления ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения общественного питания» от 19 августа 1931 г. была создана материальная база для максимального охвата населения, а затем вполне успешно, с его точки зрения, велась борьба со злоупотреблениями, за рост качества обслуживания и оснащенности предприятий общепита⁶. В городе в предвоенные годы с целью высвобождения трудовых ресурсов уже пытались превратить столовые в альтернативу домашней кухне⁷. В годы блокады ситуация не изменилась, усугубившись трудностями военного времени. Однако, по мнению С.В. Ярова, уроки блокадной зимы усвоили не только простые ленинградцы, приобретшие бесценный опыт выживания в нечеловеческих условиях, но и власти: гибель тысяч людей, не сумевших удержаться и разделить свой паек равномерно, происходила на глазах у всех⁸.

Таким образом, речь в статье пойдет о проблеме, находящейся на стыке сфер снабжения, общественного питания и нормированного распределения продовольствия, каковым оказалось рационное питание в Ленинграде в период от его введения в мае 1942 г. до полного снятия блокады в 1944 г.

По словам руководителя отдела торговли Ленгорисполкома И.А. Андреенко, «система общественного питания Ленинграда за военный период коренным образом перестраивала свою работу и применяла разнообразные формы и содержание обслуживания питанием населения, причем большинство этих форм применялись здесь как совершенно новые мероприятия, направленные на улучшение обслуживания населения города общественным питанием»⁹. Сеть

⁶ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / Отв. сост. К.А. Болдовский. Ч. II. Март — декабрь 1942 г. СПб., 2020. С. 645–646.

⁷ Твердюкова Е.Д. «Преступления без жертв»: уголовно-правовая охрана советской торговли (на материалах предвоенного Ленинграда). СПб., 2010. С. 135.

⁸ Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. СПб., 2023. С. 89.

⁹ Отчет городского отдела торговли о работе с июня по сентябрь 1943 г. (12 октября 1943 г.) // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. II. С. 137.

предприятий общепита составляла на 1 июля 1941 г. 1372 единицы и затем претерпевала сокращения и качественные изменения. С первых дней войны было организовано питание для мобилизованных, призванных в ряды Народного ополчения, эвакуируемых, граждан, участвующих в строительстве оборонительных рубежей, и т.п. После введения карточной системы на основные продукты питания приток в столовые резко увеличился. С ухудшением продовольственного снабжения города и появлением ослабленного недоеданием населения было организовано лечебное питание в стационарах при фабриках и заводах, а также по районам в 105 столовых по повышенным нормам питания. Стационары функционировали с 1 января до 1 мая 1942 г. и обслужили 60 тыс. человек. С апреля 1942 г. создавалась сеть столовых усиленного или повышенного питания (89 закрытых и 64 открытых)¹⁰. В них также кормили по специально утвержденным повышенным нормам. К 1 июля 1942 г. через них прошли 234 тыс. чел. Затем на базе лучших столовых усиленного питания были организованы диетические столовые.

Так как городские предприятия общественного питания действовали в условиях карточной системы, то важным обстоятельством в годы блокады становятся правила зачета норм питания по продовольственным карточкам в случае отоваривания их в столовой. С 18 июля 1941 г. в столовых закрытого типа при фабриках, заводах и учреждениях (за исключением столовых особого списка) хлеб отпускался со 100-процентным зачетом норм карточки и мясо — с 50-процентным зачетом нормы (только с 11 сентября 1941 г. стали отпускать мясные блюда с вырезкой талонов на мясо со 100-процентным зачетом)¹¹. Все прочие продукты отпускались без зачета норм карточки. Все открытые предприятия общепита (столовые и рестораны) были переведены на торговлю по коммерческим ценам. Отпуск блюд производился без вырезки талонов из продкарточки. Буфеты при заводских столовых также торговали без вырезки — и хлебом, и кондитерскими изделиями, и бутербродами. С 22 сентября 1941 г. во всех предприятиях общественного питания (за исключением 15 коммерческих ресторанов) была введена продажа через буфеты по нормальным ценам с вырезкой соответствующих талонов из продкарточки хлеба, хлебобулочных изделий, масло животного, колбасных изделий, мяса и кондитерских изделий. Далее с 1 октября 1941 г. стали вырезать талоны на крупу, сначала за 50% зачета, а затем с 11 ноября 1941 г. — за 100%. При этом в столовых закрытого

¹⁰ Там же. С. 266.

¹¹ Там же. С. 267.

типа сохранялся порядок расходования жиров, сахара и кондитерских изделий без вырезки талонов. Тогда же (11 ноября) прекращена коммерческая продажа товаров в столовых и ресторанах. С этого же времени установлены твердые нормы раскладок нормированных продовольственных товаров на изготовление блюд из мяса, крупы, макарон, овощей и расход сахара на горячие напитки. С 1 декабря 1941 г. введен 100-процентный зачет в счет норм продкарточек по сахару, кондитерским изделиям и жирам. С 11 февраля 1942 г. был введен порядок отпуска блюд в предприятиях общественного питания с зачетом 100% по хлебу, мясу, жирам и сахару, а по крупе и макаронам для всех групп населения, питающихся в столовых, 50% вырезки талонов из продкарточек. Разрешен расход жиров в размере 5 г на 1 блюдо без зачета в счет норм. Этот порядок отпуска питания в столовых сохранялся на протяжении всей блокады¹².

В конце апреля 1942 г. проводилась регистрация продовольственных карточек, о результатах которой зам. зав. отдела общественного питания, торговли и пищевой промышленности ГК ВКП(б) И.Г. Стожилов составил на имя секретаря ГК ВКП(б) А.А. Кузнецова справку, в которой сообщал, что из 1591,0 тыс. выданных ранее комплектов было перерегистрировано 1225,7 тыс. Разницу в 353,1 тыс. комплектов образовал следующий контингент: те, кто сдал карточки 1) в столовые Ленглавресторана (котловое питание и рацион) — 87,3 тыс., 2) в столовые, не входящие в систему Ленглавресторана (Управление продторгами, спецторг, военторг КБФ, трансторгпит Ленинградской железной дороги, трансторпит Октябрьской железной дороги) — 19,8 тыс., 3) в больницы — 32,2 тыс., 4) в стационары — 10,6 тыс., 5) в детсады и очаги — 30,2 тыс., 6) ясли — 13,0 тыс., 7) эвакуировались и умерли — 160,0 тыс. Еще 12,2 тыс. — это незаконно полученные и непредъявленные по каким-то другим причинам¹³. Одновременно на рассмотрение секретаря ГК ВКП(б) А.А. Жданова была представлена справка, подготовленная отделом пищевой промышленности за подписью зав. отделом Клеменчука и начальника Главного Управления ленинградских столовых, ресторанов и кафе (Ленглавресторан) А.Я. Фельдмана, в которой предлагались меры, необходимые для расширения системы общественного питания в Ленинграде.

Документ был разработан в связи с поставленной А.А. Ждановым задачей к 15 июня 1942 г. поднять охват дневным рационом в системе общественного питания до 500 тыс. чел. В справке отмеча-

¹² Там же. С. 268.

¹³ Ленинград в осаде: Сб. док. о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 / [Отв. ред. А. Р. Дзенискевич]. СПб., 1995. С. 234.

лось, что к маю из 951,3 тыс. чел., которые обслуживались в системе Ленглавресторана, лишь 152 тыс. находились на полном питании. При этом в систему входили 1438 предприятий с общим числом посадочных мест 140 тыс. Очевидно, что для выполнения поставленной руководством города задачи сеть столовых должна была быть существенно расширена, обеспечена оборудованием, инвентарем, обученными кадрами. Авторы справки обращали внимание на недостаточность столовых открытого типа, т.е. расположенных не на предприятиях и в учреждениях, и неравномерность их распределения по районам. Для решения вопроса необходимо было организовать 270 новых предприятий общественного питания, в число которых входили буфеты, детские и дежурные столовые. Обеспечить это количество предполагалось за счет торговых помещений сокращаемой торговой сети. Для осуществления трехразового питания и повышения питательной ценности ежедневного рациона, с точки зрения составителей, требовалось привлечение дополнительных ненормированных продовольственных ресурсов, что позволило бы поднять общую дневную калорийность рабочим до 2267 ккал., служащим — 1807,46 ккал., иждивенцам — 1575,9 ккал., детям — 1749,5 ккал. Нужду в квалифицированных кадрах предлагалось удовлетворить за счет выдвижения лучших работников общественного питания, срочной подготовки и переподготовки в учебной сети Ленглавресторана, ФЗУ, техникуме и привлечения на работу в систему общественного питания домашних хозяек. Директорами же назначить людей, проверенных на практической работе, из числа работников партийно-советского, хозяйственного и комсомольского актива¹⁴.

В июне 1942 г. бюро Ленинградского горкома ВКП(б) принимает решение о переводе значительных контингентов населения на трехразовый «правильный» режим питания. Начальнику Ленглавресторана Фельдману совместно с райкомами ВКП(б) и исполкомами райсоветов депутатов трудящихся к 15 июля 1942 г. предписывалось дополнительно охватить 200 тыс. чел. рационным питанием, из них к 5 июня — 50 тыс., к 1 июля — 75 тыс. и к 15 июля — еще 75 тыс. Были определены количественные показатели по районам. Так, самое большое число подлежащих охвату рационным питанием оказалось в Красногвардейском районе — 18 тыс. чел., а наименьшие цифры пришлось на Василеостровский район — 9 тыс., Кировский район — 7 тыс. и Колпино — 1 тыс. чел.¹⁵

¹⁴ Там же. С. 237.

¹⁵ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. II. С. 243–244.

Для обеспечения возможности использовать рационное питание к 15 июля предполагалось открыть дополнительно к существующей сети для рационного питания 60 столовых и 50 буфетов с отпуском обедов на дом. Должны были быть организованы столовые и буфеты для детей и дежурные столовые для обслуживания рабочих и служащих в нерабочее время.

Городские власти установили, что снабжение столовых, обслуживающих население рационным питанием, должно происходить в основном за счет товарных фондов, причитающихся столовающимся по карточкам, которые должны быть сданы при прикреплении. Дополнительно к этим фондам было разрешено Ленглавресторану ежемесячно расходовать следующее количество продукции (в тоннах), получаемой от своих подсобных хозяйств: мяса — 10, рыбы — 20, овощей — 400, за счет организации сбора дикорастущих трав и корней — 40, клюквы — 20.

Также по указанию Военного Совета Ленинградского фронта для столовых рационного питания сверх фондов, причитающихся по карточкам, предполагалось выделение следующего количество продуктов ежемесячно (в тоннах):

- а) нормированных: муки пшеничной — 1, жиров — 38, сахара — 5;
- б) ненормированных: сахарина — 0,25, сои-бобов — 180, казеина — 10, сухофруктов — 60, сухого киселя — 5, яичного белка — 2, дрожжей белковых — 15, кофе натурального — 6, муки картофельной — 22, мучных сметок — 10, желатина — 2,6.

Для материального оснащения вновь открываемых предприятий общественного питания необходимы были тарелки, вилки, черпаки, мойки для посуды, котлы, противни и пр., соответствующие поручения по изготовлению и передаче на баланс были даны руководителям специализированных предприятий отдела местной промышленности.

Наконец, самое важное: работники столовых, партийный и советский актив, профсоюзные организации должны были популяризировать открытие столовых рационного питания, режим питания в них и его преимущество перед питанием в домашних условиях¹⁶.

Грядущее реформирование системы общественного питания заставило внести изменения в работу карточной системы. Решением исполкома Ленгорсовета от 15 мая 1942 г. для столоующихся, переходящих на рационное питание, вводился новый тип продовольствен-

¹⁶ Там же. С. 243–244;

ной карточки «Карточка для столовой». Ими могли воспользоваться все категории населения (рабочие, служащие, иждивенцы и дети) в соответствии с утвержденными нормами продовольственных товаров¹⁷.

Таблица 1

Карточки для столовой

Категории карточек	Товары (в граммах)				
	хлеб	мясо	крупа	сахар	жиры
Карточка для рабочих	150, 200, 150	50	20	50	10
Карточка для служащих	100, 200, 100	50	20	50	5 и 10
Карточка для иждивенцев	75, 150, 75	50	10, 20	50	5
Карточка для детей	75, 150, 75	50	20	50	5 и 10

В карточке предусматривалось необходимое количество разовых талонов для сладких блюд, а также для всякого рода дополнительных блюд, изготавливаемых из сырья, полученного сверх нормированных фондов. Был установлен обязательный порядок, в соответствии с которым получившие карточки для столовых никаких других продовольственных карточек не получали¹⁸. Городскому Управлению по учету и выдаче карточек было разрешено выдать населению 500 тыс. таких бланков (для рабочих — 250 тыс., служащих — 100 тыс., иждивенцев — 100 тыс., детей — 50 тыс.). Однако такой стремительный переход на трехразовое питание в столовых не мог быть достигнут в месячный срок, население не спешило отказываться от возможности самообеспечения в привычных магазинах. С 1 июля 1942 г. вводились новые правила выдачи продовольственных карточек населению. Специальная инструкция была разработана для тех, кто переходил на рационное питание¹⁹. Выдачу карточек осуществляли предприятия, учреждения или счетные конторы РЖУ на основе установленных правил и по заявлению желающих в адрес администрации предприятия или учреждения, а в домохозяйствах управдому. Те формировали специальные списки, которые передавались в участковые бюро по учету и выдаче карточек. Перемена карточки для столовой на продовольственные карточки без важной причины в течение текущего месяца не разрешалась. Вырезка тало-

¹⁷ Там же; ЦГА СПб. Ф. 873. Оп. 1. Д. 61. Л. 45.

¹⁸ Там же. Л. 46.

¹⁹ Там же. Л. 71; Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. № 13. 1942. 18 июля. С. 12–13.

нов из вновь выдаваемой карточки производилась согласно инструкции «о порядке вырезки талонов из продовольственных карточек». Количество талонов, подлежащих вырезке, исчислялось из средней дневной нормы, установленной для соответствующей категории карточек²⁰.

Расширение сети общественного питания и настоятельное вовлечение широких кругов населения в его орбиту заставляло городские власти прислушиваться к жалобам на злоупотребления служебным положением руководящих и рядовых работников столовых. Одним из обсуждавшихся на бюро ЛГК в конце июля 1942 г. стал вопрос «О практике подбора и изучения кадров в предприятиях общественного питания»²¹. Выступавшие Смирнов и Лазутин пеняли руководству Ленглавресторана и директорам трестов столовых на то, что они не уделяли должного внимания подбору кадров, а райкомы ВКП(б) и исполкомы районных Советов слабо следили за составом лиц, принимаемых на работу в предприятия общественного питания. В результате чего в столовые пробрались случайные люди с преднамеренной целью поживиться за счет «общего котла». Требуя изменения сложившегося положения с кадрами, постановлением бюро ЛГК Фельдман обязывался восстановить до 10 августа учет материально-ответственных лиц, а также установить при приеме работников в столовые порядок, исключающий возможности проникновения жуликов, растратчиков и лиц, уволенных из торговой системы за злоупотребления; специалистов стороннего профиля перенаправить в соответствующие отрасли и укрепить отделы кадров трестов столовых «проверенными, способными, знающими общественное питание работниками»²².

В августе 1942 г. был установлен специальный порядок реализации овощей и зелени. В столовых общего пользования Ленглавресторана и других торговых организациях они расходовались в счет норм по крупе. При этом в столовых лечебного и рационального питания — без погашения талонов из продовольственных карточек²³.

Сведения о меню рациональных столовых в дневниках ленинградцев появляются летом—осенью 1942 г. Подросток 17 лет (рабочая карточка) записывал 8 июля: «Завтракал на рациионе, свои щи и запеканка — как вчера. В обед тоже щи и котлета ... Ужин взял домой — овсяная каша 320 гр., дома ел щи из гороховой травы (стебли) и каша

²⁰ Там же. Л. 75.

²¹ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. II. С. 384.

²² Там же. С. 385.

²³ ЦГА СПб. Ф. 873. Оп. 4. Д. 4. Л. 123.

с соевым молоком (получила мама) и чай с хлебом и конфетами бимбом (сегодня получили по 300 гр. в столовой)»²⁴. В те же дни он получал в столовой лапшу, рыбную котлету с картошкой, пшеничную и пшеничную каши, селедки, шпротовые запеканки, компот. Молодая женщина 33 лет фиксировала: «Иждивенческий рацион состоит из стакана соевого молока на завтрак, тарелки жидкого горохового супа и 50 гр. ливерной колбасы на обед и стакана киселя и соевого биточка на ужин (другой раз — это не биточек, а 40 гр. каши). Собираем на огородах крапиву и лебеду, варим щи»²⁵. Дневник Веры Берхман 53 лет стал свидетелем ее радостей и горестей, связанных с питанием. 30 августа она благодарила Бога за неожиданный сюрприз: «Поехала на завод взять хоть хлеба на весь день, т.к. на рацион не попала. И что же! Мне дали не только хлеба ½ кило, притом белого, а налили еще целую банку настоящего кофе и выдали по талончику из кухни завтрак: пшеничную кашу с кусочком масла», а уже 2 сентября сокрушалась: «Рацион никуда не гожд, часто вовремя нет хлеба. В какие-либо ½ часа расхватывается дежурное блюдо, и его заменяют “чем-то”»²⁶.

Недоволен питанием на рационе был и рабочий Иван Фирсенков, 49 лет. Так, 18 сентября он пожаловался в дневнике: «Населению сверх месячных норм выдали по 200 гр. сухофруктов, объявлена выдача тоже сверх норм — какао по 100 гр. Но нам, питающимся на рационе в столовых, неизвестно когда будет произведена выдача этих продуктов. Молоко за август месяц только теперь выдают. Чай, спички, уксус и перец за август месяц до сих пор многие еще не получили, не получил и лично я. Населению в сентябре уже выдано молоко по 1 литру, ну а у нас об этом еще все молчат, вероятно, только к концу месяца выдадут его. В общем, нет заботы о снабжении людей продуктами, все идет на самотек»²⁷. Елизавета Крайская записала в дневнике 17 октября: «Я на рационе, т. е. карточки сданы и меня питают в заводе три раза в день, от завтрака к обеду, от обеда к ужину и к постели ... Но я сейчас не голодна, правда и не сыта, а жить можно на этом рационе, если бы меньше воровали наши граммы, то и совсем было бы ничего. Вот он, этот рацион: В 8 ч. утра завтрак: каша 200 иногда 300 гр., не густая, “цыпленки тоже хотят жить”, и развлекают ее водой. Зелень или щи, 10 гр. масла и чай или кофе,

²⁴ Никитин И. Блокадный дневник / Сост. Н.Ю. Бринюк, Ю.Л. Буянова. СПб., 2021. С. 160.

²⁵ Левина Э. Дневник. 12 января 1942 — 23 июля 1944 // Человек в блокаде: Новые свидетельства / Отв. ред. В.М. Ковальчук. СПб., 2008.

²⁶ Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской / Сост. Н. Соколовская. СПб., 2014. С. 132, 137.

²⁷ Фирсенков И. Семь блокадных тетрадей. СПб., 2014. Цит по: Прожито. — URL: <https://corpus.prozhito.org/note/100531> (дата обращения 02.02.2024)

иногда добавляют сою, так называемые “шроты”. Обед: щи или суп. Котлета рыбная или мясная, или колбаса кровяная (раньше кот мой не ел) с кашей гр. 50–80 и компот, иногда соя. Ужин: зелень или щи, зелень — это тушенная хряпа. Каша 200 гр., масла 10 гр., иногда масло заменяют 20 гр. сыра или шпика, чай или кофе»²⁸. Тем не менее, появление рационных столовых многие жители блокадного Ленинграда восприняли как возможность улучшить свое снабжение и упростить процесс получения продуктов. Л.В. Шапорина записывала в дневнике в ноябре 1942 г.: «как благодетельны рационные столовые с их растягиванием еды на целый день»²⁹.

Осенью 1942 г. Контрольно-инспекторским сектором Отдела торговли Ленгорисполкома была произведена проверка столовых рационного питания (осмотру подверглись 35 столовых по разным районам города), по результатам которой в ноябре была составлена для руководства отдела Справка о рационном питании³⁰. Первое, на что обращали внимание составители, это то, что новая форма снабжения населения имела ряд преимуществ, которые несомненно способствовали правильному и равномерному получению горячей пищи, росту производительности труда, максимальному использованию времени для работы по укреплению обороны города. При этом в ходе реализации нововведений Ленглавресторан допустил ряд крупных просчетов, а именно, не организовал точный учет контингентов, своевременное снабжение столовых дополнительными продуктами, не проработал и не довел до столовых нормы расхода продуктов по рационному питанию на одного человека, не сумел разнообразить меню. Авторы справки также сформулировали действующие недостатки рационной карточки. Во-первых, нарушался основной принцип рациона — равномерное получение питания трудящимися: во всех проверенных столовых отпуск обедов по рационной карточке производился в неограниченном количестве, исходя из декадного количества талонов. Количество отпускаемых обедов в столовых увеличивалось в дни наличия в меню более питательных блюд (мясных, крупяных) по сравнению с днями, когда в меню шли рыбные или овощные блюда. Важным был вопрос получения хлеба. Хлебные талоны при карточке регулировали трехразовое получение хлеба и создавали сложности для тех, кто по тем или иным об-

²⁸ Блокадные будни в дневниках А.П. Крайского и Е.П. Крайской // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год / Отв. ред. Т. С. Царькова, Н. А. Прозорова. СПб., 2015. С. 19–137. С. 98.

²⁹ Шапорина Л.В. Дневник / Вступ. статья, подгот. текста, коммент. В.Н. Сажина. М., 2017. С. 377.

³⁰ ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 194. Л. 198–204.

стоятельствам хотел выкупить всю дневную норму. Отдел торговли сформулировал свои предложения по изменению действующего положения, среди которых — замена рационной карточки специальной абонементной книжкой и выделение самостоятельной хлебной карточки, чтобы иметь возможность выкупать хлеб в любом магазине и столовой³¹.

В связи с сокращением населения города вследствие мобилизации, эвакуации, повышенной смертности, а также с переориентацией городских властей на систему общественного питания для более удобного контроля процессов снабжения и повышения трудоспособности населения требовалось проинспектировать организации торгового обслуживания города с учетом сложившейся обстановки. Решением бюро ЛГК от 5 августа 1942 г. в отношении торгового обслуживания населения г. Ленинграда, Колпино и Кронштадта было установлено четкое количество торговых организаций, в числе которых вошли 1427 столовых³².

Таким образом, трансформация сети предприятий общественного питания проходила форсированными темпами с сопутствующими сложностями военного времени и вызывала недовольство населения, тем более сильное, чем меньше было у людей возможностей отказаться от рациона. Особенно это касалось рабочих ленинградских предприятий. Жалобы и недовольство последних даже стали предметом обсуждения на заседаниях бюро ЛГК. А.А. Кузнецов обрушился с критикой на работу партбюро судостроительного завода им. Марти и минного завода № 77, которое не смогло защитить рабочих от произвола работников столовой: «Наши товарищи на заводе наблюдали такую жуткую картину: из-за отсутствия в обеденном зале столов и стульев рабочие ели стоя, при этом котелок с супом, хлеб и ложку они держали в руках, а имеющиеся у них пакеты и головные уборы зажимали между ног. За такое «обслуживание» рабочие посылали в адрес администрации завода и столовой «крепкие словечки». Я бы на месте рабочих вам бы набил по морде, заступился бы за них, и не считал бы это бунтом»³³. Т.е. проблемы оборудования, обвеса и обворовывания столоующихся не была секретом для городского руководства, также подчеркивалась разница в качестве обслуживания рабочих и руководящего звена.

Подтверждение распространенности такого положения дел находим в дневнике инженера-судостроителя В.Ф. Чекризова, рабо-

³¹ Там же. Л. 203.

³² Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. II. С. 464.

³³ Там же. С. 638.

тающего на заводе «Судомех». В январе 1943 г. он отмечал скудость рационального питания: «Весь месяц на рационе. Чувствую, как слабею с каждым днем. ... Если не попаду в другую столовую, придется менять одежду на хлеб и крупу. ... Дирекция меня жмет. Очевидно, рассчитывает донять меня питанием, не пуская в привилегированную столовую завода»³⁴. После того, как 1 февраля его перевели в столовую начальников цехов, он записал: «Прекрасно кормят. Качество довоенное и количество вполне удовлетворительное. Стоимость сносная. В общей столовой такие цены на значительно худший обед. ... Никто не проверяет цены. Не придают им никакого значения, а ведь многие не имеют денег на рацион»³⁵. Любопытно и еще одно его наблюдение. Он подметил в своем дневнике, что при общем преобладании в городе женского населения, в столовых, особенно в руководящем составе, большое количество мужчин: «Интересно, мужчины полностью отсутствуют на работах: оборонных, в домоуправлениях, банях и т.д. Мало их осталось на заводах и фабриках. Но в столовых они сохранились полностью. Читаешь в газетах: [должности] руков[одящего] повара, повара и директора столовых — почти все мужчины, а ведь там-то как раз они безболезненнее всего могли быть заменены женщинами <...> Директор столовой, руководящий повар — теперь власть имущий и держит в своих руках даже районных руководящих работников. Все каша. А руководящим еще и мяса хочется»³⁶.

В информационной сводке на имя секретарей ЛГК ВКП(б) Жданова, Кузнецова, Капустина, Маханова в октябре 1942 г. сообщалось: «Многочисленные сигналы, поступающие из районов, свидетельствуют о том, что многие столовые на предприятиях города работают безобразно плохо. ... из-за неорганизованности и массовых хищений рабочие не получают полностью того, что им положено по нормам. ... в рабочей столовой завода “Электросила” в пищу попадает песок. При употреблении в пищу песок хрустит на зубах и вызывает кишечные заболевания. В столовой завода им. Воскова суп подается загрязненный землей от плохо промытой зелени. В котле с супом (столовая I ГЭС) не так давно были обнаружены битые стекла, а 25 октября в бочке с квашеной ботвой был найден обломок лезвия безопасной бритвы»³⁷. Также повсеместно отмечались грязь, скученность, отсутствие посуды, беспорядок и неорганизованность,

³⁴ Чекризов В.Ф. Дневник блокадного времени // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 8. СПб., 2004. С. 131.

³⁵ Там же. С. 133.

³⁶ Там же. С. 125.

³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5762. Л. 76.

очереди, не позволяющие утром вовремя начать работу. Впрочем, как заметил С.В. Яров, убогий блокадный быт никуда не исчез, люди оттаивали медленно, и не их вина, что приметы разрухи, физического и духовного угасания изживались мучительно, с неимоверным напряжением, не сразу и не всеми до конца³⁸.

Многие рабочие предприятий не без оснований выражали недовольство произволом, творившимся в отношении вырезки талонов на крупу и масло за овощные блюда. Вызывали раздражение правила, которые устанавливали некоторые тресты столовых, такое, например, когда каждый должен обязательно днем пообедать, или его продукты пропадают. Много жалоб было по поводу «привязанности» к рациону — рабочие, работающие в ночную смену и имеющие выходные дни, вместо нормального отдыха вынуждены были трижды в день тратить время на поездки в столовую и обратно домой. По сообщениям с мест также распространенным явлением было, что директора столовых не выбирали полностью дополнительные продукты: соевое молоко, капустный лист, шроты, объясняя такое положение вещей отсутствием транспорта³⁹.

Хищения, обвес посетителей в рационных столовых стали обычным явлением. «Рационщики» сетовали, что сотрудники столовых «целыми бидонами носят пищу домой», а контроля должного нет. В адрес горкома ВКП(б) поступали бесчисленные жалобы на руководящих поваров и официанток, пользующихся своим положением и употребляющих порции, далеко превышающие вес для столоующихся. Попав на рацион после диетической столовой в январе 1943 г., инженер Чекризов записал в дневнике: «Да, на рационе много хуже диетстоловой. Давно не ел “Хряпы”. Летом она мне казалась хороша. Теперь после диетстоловой кажется прескверной»⁴⁰.

Все это не способствовало распространению рационного питания и достижению, обозначенных в плане горкома цифр. В справке о работе треста столовых Красногвардейского района, обслуживающим преимущественно рабочих и служащих оборонных предприятий в столовых закрытого типа, заявлялось о том, что к 1 декабря 1942 г. в них обслуживалось лишь 38,6 тыс. чел., в том числе на рационе — 4,8 тыс. (12,4%)⁴¹. Подчеркивалось, что рационное питание внедряется слабо, а объяснялось подобное положение дел тем, что со стороны руководства треста не было уделено этому доста-

³⁸ Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. С. 90.

³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5762. Л. 76 об.

⁴⁰ Чекризов В. Ф. Дневник блокадного времени. С. 129.

⁴¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 81. Л. 12.

точно внимания. Подчас рационное и общее питание не разграничивали, ассортимент для общего питания был представлен более широкий⁴².

Таким образом, сложившаяся ситуация требовала принятия широкомасштабной программы по реформированию общественного питания в Ленинграде. На бюро ЛГК ВКП(б) в ноябре 1942 г. состоялись прения, лейтмотивом которых стали слова начальника Ленглавресторана Фельдмана: «Нужно охватить рационным питанием абсолютное большинство населения города»⁴³. Для реализации этой первейшей задачи, по словам зав. отделом общественного питания, торговли и пищевой промышленности ЛГК ВКП(б) П.Г. Лазутина, необходимо было поставить дело так, чтобы у столовой было преимущество. В ходе обмена мнениями первыми в ряду проблем стали повышение качества пищи и культуры обслуживания контингентов, состоящих на рациионе в столовых. При этом Кузнецов, требуя от начальника Ленглавресторана результатов, заявлял: «Когда у нас $\frac{3}{4}$ всего населения питается в столовых, мы не имеем права проходить мимо дела общественного питания, мы не можем ограничиваться только тем, что отовариваем карточки. Если встанем на этот путь, то опять он получит продукты на неделю, в два-три дня их скушает, а потом останется один хлеб и чай. Отсюда — ослабление организма, дистрофия и т. д. <...> Хотя Фельдмана и хвалят, но я считаю, что с общественным питанием дело обстоит плохо»⁴⁴.

Основными недостатками были признаны низкое качество приготовления пищи, антисанитарное состояние помещений столовых, отсутствие посуды и скудное меню, грубое, неуважительное обслуживание и, наконец, воровство и обвешивание при слабом контроле со стороны партийного актива, профсоюзов и общественности, т.е. кадровая проблема.

Важной оказалась также проблема увеличения контингента столоующихся. Горком еще весной определил не только общую цифру охвата их рационом, но и распределение по районам. Провал в достижениях этих показателей вынуждал искать причины отказа населения от возможности прикрепления к столовым. Так, секретарь ЛГК ВКП(б) Г.Ф. Бадаев на том же обсуждении негодовал: «Получить продукты у Фельдмана — дело сложное. Если не прикрепилсь к столовой, вы не можете получить обеда. А не прикрепляются потому, что у Фельдмана выдают не все то, что выдают в магазинах. В мага-

⁴² Там же. Л. 16.

⁴³ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. II. С. 647.

⁴⁴ Там же. С. 646.

зине рабочий получит масло сливочное, а в столовых ему подадут блюдо на кокосовом жире, в магазине он получит мыло, а в столовой нет <...> Тов. Фельдман, почему не выдаете продукты, если они в городе есть?»⁴⁵

Итогом дискуссии стало создание комиссии в составе П.Г. Лазутина, Г.Ф. Бадаева, И.Г. Стожилова, А.И. Фельдмана, Н.А. Манакова, П.Ф. Казакова, Денисовой, И.А. Андреевко для подготовки проекта постановления «Об улучшении дела общественного питания в городе», который и будет принят исполкомом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся и бюро горкома ВКП(б) 19 декабря 1942 г.⁴⁶ Подробный перечень мер и взаимодействие таких структур, как Ленглавресторан, отдел торговли исполкома Ленгорсовета, Горздравотдел, отдел местной промышленности исполкома Ленгорсовета, уполномоченных Госплана СССР и ВЦСПС и некоторых других должны были увеличить охват населения рационным питанием и довести его к 1 января 1943 г. до установленных ранее показателей в 200 тыс. человек. Устанавливалась личная ответственность директоров предприятий и руководителей учреждений за постановку питания рабочих и служащих, от них требовалось принятие решительных мер к установлению порядка в столовых и обеспечения условий для культурного обслуживания потребителей и приготовления доброкачественной пищи⁴⁷.

В области улучшения обслуживания прикрепленных к рационным столовым устанавливался режим питания, обеспечивающий потребителю в дневном трехразовом рационе ежедневно 4 горячих блюда в ассортименте, стакан горячего кофе, не менее одного стакана чая и одно сладкое блюдо. Вводился контроль разнообразия и улучшения вкусовых качеств приготовляемой в столовой пищи, обязательной становилась витаминизация столующихся посредством широкой продажи во всех столовых хвойного настоя с содержанием витамина «С», организовывались при районных трестах базы по снабжению их сырьем и полуфабрикатами, устранялись проблемы с качеством обслуживания, создавались кипяточные, решались вопросы оснащенности инвентарем и посудой. Так, например, Горздравотдел должен был организовать оказание помощи поварам в освоении элементарных знаний по физиологии питания и наладить работу лабораторий горздравотдела по химическому контролю за

⁴⁵ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. II. С. 648.

⁴⁶ Там же. С. 810–814.

⁴⁷ Там же. С. 813.

качеством пищи и руководству работой ведомственных пищевых лабораторий.

Для рабочих, перевыполняющих нормы выработки, вводилось преимущественное дополнительное питание (среди добавочных продуктов питания были сухофрукты, какао, пиво, соленые грибы). Для покрытия этих потребностей устанавливался продовольственный фонд, выделением которого ведал Военный Совет Ленинградского фронта.

Таблица 2

**Ассортимент блюд столовых рационального питания
(на месяц — 31 день)⁴⁸**

Наименование блюд	Оборачиваемость блюд в течение месяца			
	Для рабочих	Для служащих	Для иждивенцев	Для детей
Щи, борщи и овощные супы	22	24	27	27
Супы комбинированные	9	7	4	4
Мясо-рыбные блюда кусковые с овощным гарниром	5	2	2	2
Мясо-рыбные блюда рубленые с гарниром	27	21	11	11
Крупяные блюда (каши, биточки, запеканки)	21	10	12	16
Блюда из шрота с крупой и казеином	2	2	2	2
Блюда из шрота	–	–	23	–
Блюда из шрота с крупой	9	21	11	24
Блюда из крупы и дрожжей	9	9	9	9
Блюда из шрота и овощей	–	7	12	–
Блюда из овощей	5	3	–	16
Блюда из крупы и овощей	12	15	8	10
Студень	3	3	3	3
Всего	124	124	124	124

⁴⁸ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. II. С. 814.

В деле улучшения общественного питания насущным оставалась проблема кадров как в смысле организации производственного обучения поваров и руководящих кадров, так и ликвидации текучести среди работников при общем сокращении штатного состава на 20%. Для усиления контроля при районных трестах столовых должны были быть созданы инспекторские группы в составе 2–3 инспекторов на район, а при главке организован инспекторский отдел. С другой стороны, столовые также должны были оказаться под пристальным контролем со стороны вновь создаваемых комиссий по общественному питанию при фабзавместкомсах.

В 23 июля 1943 г. городским отделом торговли на имя Лазутина были представлены сведения о плановых контингентах гражданского населения Ленинграда на август. Из 564 232 человек, получающих карточки, рационным питанием должны были воспользоваться 210 тыс., отоварить карточки в магазинах — 311 630, разницу составили находившиеся на котловом довольствии, усиленном диетическом питании и некоторые другие категории. Около 50 тыс. сверх — это бескарточный контингент. Сеть предприятий общепита на 1 июля 1943 г. составила 1201 единицу. Сокращение сети было произведено исключительно за счет буфетов и закусовых⁴⁹.

В марте на бюро ЛГК ВКП(б) обсуждали планирование продовольственного снабжения в городе. Отметим, что все руководители, ответственные в той или иной мере за общественное питание, старались переложить вину за пробуксовку декабрьского постановления друг на друга. Так, Андреенко и Фельдман подверглись нападкам со стороны зам. зав. отделом торговли и общественного питания ГК ВКП(б) И. Г. Стожилова. Он указывал, что выявленные недостатки снабжения столовых обусловлены бюрократическим стилем работы горторготдела ЛГИ и Ленглавресторана. Главным виновником сложившегося положения был, с его точки зрения зав. торготделом исполкома Ленсовета Андреенко, который усвоил неправильный стиль руководства: «Он очень много верит в силу своих приказов и распоряжений, но очень мало делает для того, чтобы проверить, как проводятся они в жизнь. <...> Т. Андреенко не знает действительно положения дела, которым руководит. Начальник Ленглавресторана т. Фельдман плохо руководил участком снабжения столовых и передоверил его второстепенным лицам»⁵⁰.

⁴⁹ Там же. С. 267.

⁵⁰ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. III. С. 144.

Стенограмма не зафиксировала того, что говорили обвиняемые в свою защиту. Фельдман лишь высказал предложение о создании сектора общественного питания при отделе торговли и использовании опыта Москвы в отоваривании продовольственных карточек⁵¹.

Выступал также председатель Ленгорисполкома П.С. Попков. Его распределение виновников носит на себе черты ведомственности. На первом месте оказался Лазутин, а наиболее серьезные претензии были предъявлены уже Стожилову: «Вы что, хотите снять с себя ответственность? Вы отвечаете больше всех! Вы — партийный глаз, Вы — партийная совесть. Вам городской комитет партии поручил контролировать этот участок, а Вы никому ничего не говорите, не контролируете»⁵². Секретарь горкома ВКП(б) Я.Ф. Капустин поддержал обвинения, хотя и высказывался в целом мягче: «Надо Андреенку сказать в последний раз. Я еще весной 1942 г. говорил: появляйся на заводах, тебя знают только по подписи. Если бы посмотрел столовые, магазины, ты бы иначе работал. Ты бывший партийный работник. ... Не такой уж Вы заскорузлый бюрократ, который верит в бумажки, как во что-то святое»⁵³.

В принятом по итогам обсуждения постановлении Андреенку и Фельдману был объявлен выговор, а Стожилову было указано на манкирование им обязанностей по контролю за своевременным выполнением постановления Ленгорисполкома и бюро горкома ВКП(б) от 19 декабря 1942 г. «Об улучшении дела общественного питания в городе». Горторготдел, Ленглавресторан и Управление продторгами должны были упорядочить снабжение, с тем чтобы его хватало не только для удовлетворения потребностей фактического контингента, но и на образование переходящих запасов.

Для устранения одного из главных недостатков рационального питания, вызывающего постоянные жалобы населения, а именно невозможности выкупать часть продуктов в магазинах, Управлению по учету и выдаче продовольственных карточек поручалось подготовить проект введения комбинированных продовольственных карточек, в которых одна часть талонов действительна только в магазинах, а другая — в столовых. На райкомы ВКП(б) и исполкомы райсоветов возлагался контроль за состоянием продовольственного снабжения столовых, закрытых учреждений и магазинов чтобы не допускать перебоев в снабжении этих предприятий.

⁵¹ Там же. С. 148.

⁵² Там же. С. 150.

⁵³ Там же. С. 151.

В Справке к проекту о введении с 1 мая 1943 г. комбинированных продовольственных карточек для пользования ими в магазинах и столовых по группам населения в пределах установленных месячных норм устанавливалось прикрепление к столовым лишь по столовым карточкам с запрещением производить отпуск питания из них по магазинным продкарточкам⁵⁴. Этому же проекту посвящена докладная записка Управления продкарточек, в которой было внесено предложение ввести комбинированную карточку только для лиц, получающих продовольствие по нормам рабочих и служащих, так как установленные нормы только этих категорий позволяли разделить карточку на две части. Т.е. должны были появиться карточки трех типов — только для магазина, для магазина и столовой, для столовой рационная⁵⁵.

При некоторых положительных моментах, связанных с введением таких карточек, а именно — с возможностью более правильного планирования и размещения продовольственных фондов между торговлей и общественным питанием, начальник Управления по выдаче продовольственных и промтоварных карточек С.А. Трифонов считал, что удобства, которые имели трудящиеся при действующих карточках, при введении комбинированной в большей степени упразднились бы⁵⁶.

В августе на бюро горкома вновь пришлось обсуждать проблемы общественного питания, поводом стал Отчет Смольнинского РК ВКП(б) о состоянии общественного питания в районе. Как сообщалось, в районе были проведены мероприятия, которые позволили в соответствии с декабрьским постановлением ЛГК ВКП(б) улучшить дело общественного питания, увеличив охват населения рационным питанием. Теперь в центре внимания оказались проблема кадрового обеспечения, низкий уровень организационной работы треста столовых, слабость руководства политическим воспитанием работников общественного питания со стороны парторганизаций и руководителей предприятий и учреждений района.

В ходе прений был сделан вывод о невозможности силами отдела торговли решить поставленные задачи и необходимости выделить при исполкоме отдел общественного питания. Также не по силам это оказалось и Ленглавресторану. Кузнецов высказался следующим образом: «До войны Фельдман справлялся с работой, когда все было хорошо. А когда начались трудности, когда от государственной тор-

⁵⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 81. Л. 28.

⁵⁵ Там же. Л. 33.

⁵⁶ Там же.

говли перешли к нормированию и когда основным средством питания населения стали столовые, здесь стало очень много недостатков. В том ли дело, что Фельдман стал хуже работать? Нет. Фельдман стареется. Но дело в том, что ему одному дело общественного питания не поднять. 800 столовых»⁵⁷.

В результате Постановлением бюро ЛГК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. было принято решение об организации при Ленгорисполкоме и при исполкомах районных Советов отделов общественного питания. Решение подлежало внесению на утверждение ЦК ВКП(б) и СНК СССР⁵⁸. На основе этого постановления хозяйственные и профсоюзные организации проводили контроль и оценку качества работы предприятий общественного питания по всем городским районам, используя для этой цели показатели социалистического соревнования работников общественного питания. О промежуточных итогах можно судить из данных информационной справки на имя секретарей ЛГК ВКП(б) Кузнецова и Капустина. По состоянию на 1 ноября было аттестовано 769 столовых из имеющихся 837, не аттестовано 68 столовых ОРСов из общего количества их — 126. Результаты сведены в следующую таблицу⁵⁹.

Таблица 3

Аттестация столовых

№ пп	Наименование организации	Общее кол-во столовых	В том числе		
			хор.	посред.	отстающих
1	Ленглавресторан	543	207	287	49
2	Упр. продторгами	13	8	4	1
3	Военторг ЛФ	60	33	25	2
4	Военторг КБФ	36	18	14	4
5	ДОРУРС	43	18	16	9
6	Спецторг	16	8	8	–
7	ОРСы и пром. предприятия	58	14	32	12
	Всего	769	306	386	77
В % к общему числу аттестованных столовых			39,7	50,2	10,1

⁵⁷ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. III. С. 594.

⁵⁸ Там же. С. 591.

⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 157. Л. 70.

В документе сообщалось об основном недостатке этой оценки: применение показателей бухгалтерско-статистического учета, а именно — данных о товарообороте, издержках производства и т.п., при отсутствии показателей качества обслуживания потребителей (качество пищи, быстрота обслуживания, наличие посуды, санитарное состояние помещения). Поэтому отдел общественного питания, торговли и пищевой промышленности ЛГК ВКП(б) собрал также оценки работы столовых со стороны райкомов ВКП(б) по состоянию на 15 ноября 1943 г. Райкомы проверили 523 столовые из имеющихся 837. Как правило, райкомы аттестовали столовые районных трестов и частично столовые ОРСов. Из этого числа 239, или 45,7% получили хорошую оценку, 199 столовых, или 38% получили удовлетворительную и 85, или 16,3% получили неудовлетворительную оценку⁶⁰. При этом авторы справки считали, что приведенная выше характеристика говорит о том, что работа большинства столовых в 1943 г. улучшилась, а число отстающих уменьшилось. Однако не всегда та или иная оценка соответствовала реальности. Так, в справке о руководстве Дзержинского РК ВКП(б) общественным питанием и торговлей в районе от 18 ноября 1943 г. сообщалось, что это руководство осуществлялось плохо⁶¹. Качественную оценку работы столовых и выявление отстающих райком не производил, передоверив эту работу тресту столовых. В свою очередь, трест также поверхностно подошел к оценке, по причине чего в разряд хороших попали отстающие столовые. Так получилось, поскольку трест свое внимание обратил на рост товарооборота и даже перевыполнил заданные показатели. При этом по качеству пищи и культуре обслуживания столовые треста никак не могли быть в передовиках. В отстающих столовых помещения не отапливались, люди вынуждены были принимать пищу в верхней одежде, отсутствовали столовые приборы и посуда. Такое положение привело к тому, что в Дзержинском районе контингент рационального питания неуклонно снижался.

27 декабря 1943 г. было принято Постановление СНК СССР «О мерах улучшения общественного питания в г. Ленинграде», которое разрешило Ленгорисполкому организовать отдел общественного питания во главе с заместителем председателя Ленгорисполкома⁶². При райсоветах организовывались районные инспекции общественного питания в составе 3–5 инспекторов во главе с начальником инспекции. В ведении отдела оказывались столовые и другие предпри-

⁶⁰ Там же. Л. 71.

⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 157. Л. 66.

⁶² Там же. Л. 126.

ятия общественного питания, находящиеся прежде в подчинении трестов, торгов и ОРСов.

Отдел должен был осуществлять надзор за санитарным состоянием предприятий общепита, разрабатывать мероприятия по дальнейшему развитию и улучшению работы, заниматься подготовкой кадров работников и руководить научно-исследовательской работой. Отдел получил право штрафовать директоров столовых и работников трестов за приготовление недоброкачественной пищи, за порчу инвентаря, оборудования, за антисанитарное состояние. Важным пунктом стало решение об организации в Ленинграде учебного комбината по подготовке кадров общественного питания.

Шагом, завершающим длительный этап реформирования системы общественного питания в блокадном Ленинграде, стала организация отдела общественного питания исполкома Ленгорсовета и инспекций по общественному питанию при райисполкомах г. Ленинграда, Колпино и Кронштадта. Он был образован в соответствии с вышеупомянутым постановлением СНК СССР 5 января 1944 г.⁶³ Заведующим и одновременно заместителем председателя исполкома Ленгорсовета был назначен И.Г. Стожилов.

Таким образом, усилия городских властей, признавших в годы блокады рациональное питание наиболее полезной формой общественного питания для спасения населения в условиях крайне ограниченных продовольственных ресурсов, привели к укреплению самой системы, повышению ее востребованности у населения, а в целом — к созданию отдельной сферы городского хозяйства. Однако само рациональное питание, выполнив ту роль, которая на него была возложена в трудные годы блокады, постепенно стало уменьшаться в объемах. В конъюнктурном отчете по работе предприятий общественного питания за апрель 1944 г. указаны контингенты питающихся по карточкам. Из выданных в апреле 425 517 продовольственных карточек, 228 149 было магазинных, 135 247 рациональных для столовых⁶⁴.

Тем не менее, подводя итог состояния общественного питания за первое полугодие 1944 г. и.о. заведующего Отдела общественного питания Ленгорисполкома отметила, что наиболее развитой и рациональной формой обслуживания населения была система рационального питания⁶⁵. Она создала возможность правильно и целесообразно распределять ограниченную продовольственную норму на протяжении рабочего дня. Превращение Ленинграда в военный

⁶³ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. III. С. 1011.

⁶⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 195. Л. 30.

⁶⁵ Там же. Л. 67.

город и почти поголовное привлечение взрослого населения к труду и обороне создало предпосылки дальнейшего развития различных видов трехразового питания в столовых.

References

Gavrilova O.A. *“Blokadnyye bankety”*: k istorii normirovannogo snabzheniya Leningrada v 1942 g. [“Blockade Banquets”: On the History of Rationed Supply in Leningrad in 1942] // *Put’ Rossii i sud’ba istorika (k 80-letiyu professora V.A. Kutuzova): sbornik statey* [The Path of Russia and the Historian’s Fate (On the 80th Anniversary of Professor V.A. Kutuzov): Collection of Articles]. Saint Petersburg: Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2015. P. 415–420 (Trudy istoricheskogo fakul’teta SPbGU. Issue 21).

Gavrilova O.A. *“Pivo zhe im vydayetsya potomu, chto v izvestnoy stepeni yavlyayetsya produktom pitaniya”*: o proizvodstve i potreblenii piva v blokadnom Leningrade [“They Are Given Beer because It Is, to Some Extent, a Food Product”: On the Production and Consumption of Beer in Blockaded Leningrad] // *Peterburgskiy istoricheskij zhurnal*. 2017. N 3. P. 60–81.

Gavrilova O.A., Khodyakov M.V. *Izgotovleniye prodovol’stvennykh kartochek v blokadnom Leningrade. 1941–1943 gg.* [The Production of Ration Cards in Blockaded Leningrad, 1941–1943] // *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2016. N 2. P. 44–65.

Karasev A.V. *Leningradtsy v gody blokady. 1941–1943* [Leningraders during the Blockade. 1941–1943]. Moscow: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1959. 315 p.

Khodyakov M.V. *Iyerarkhiya prodovol’stvennogo snabzheniya v blokadnom Leningrade* [The Hierarchy of Food Supply in Blockaded Leningrad] // *Rossiyskaya istoriya*. 2019. N 3. P. 163–166.

Khodyakov M.V. *Konditerskoye proizvodstvo v blokadnom Leningrade. 1941–1943 gg.* [Confectionery Production in Blockaded Leningrad. 1941–1943] // *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2022. Vol. 12. N 4. P. 812–839.

Kovalchuk V.M. *900 dney blokady. Leningrad 1941–1944* [900 Days of the Blockade. Leningrad 1941–1944]. Saint Petersburg: DB, 2005. 234 s.

Kukuy I. *Yeda i pishcha v blokadnom tekste (na primere dnevnika P. Zal’tsmama)* [Food and Nutrition in the Blockade Text (Based on the Diary of P. Zaltsman)] // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband. Bd. 86. 2015. S. 119–130.

Lomagin N.A. *Krugom voda, a ryby net: k voprosu ob obespechenii Leningrada mestnymi resursami v period blokady, 1941–1944 gg.* [Water Everywhere, but No Fish: On the Issue of Leningrad’s Supply with Local Resources during the Blockade, 1941–1944] // *Peterburgskiy istoricheskij zhurnal*. 2021. N 2. P. 101–129.

Lomagin N.A. *V tiskakh goloda. Blokada Leningrada v dokumentakh germanskikh spetssluzhb, NKVD i pis’makh leningradtsev* [In the Grip of Hunger. The Blockade of Leningrad in Documents of German Special Services, the NKVD, and Letters of Leningraders]. Moscow: Yauza-katalog, 2017. 489 p.

Pavlov D.V. *Leningrad v blokade* [Leningrad under Siege]. 6th ed., revised and expanded. Leningrad: Lenizdat, 1985. 238 p.

Pyankevich V.L. *Lyudi zhili slukhami: neformal’noye kommunikativnoye prostranstvo blokadnogo Leningrada* [People Lived by Rumors: Informal Communication Space in Blockaded Leningrad]. Saint Petersburg: Vladimir Dal’, 2014. 478 p.

Sobolev G.L. *Leningrad v bor'be za vyzhivaniye v blockade* [Leningrad in the Struggle for Survival in the Blockade]. In 3 vols. Vol. 3: January 1943 — January 1944. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2017. 748 p.

Sobolev G.L., Khodyakov M.V. *Prodovol'stvennaya komissiya Voyennogo Soveta Leningradskogo fronta v 1942 godu* [The Food Commission of the Military Council of the Leningrad Front in 1942] // *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2016. N 1. P. 8–21.

Tverdyukova E.D. “*Prestupleniya bez zhertv*”: *ugolovno-pravovaya okhrana sovetskoy trgovli (na materialakh predvoyennogo Leningrada)* [“Crimes without Victims”: Criminal-Legal Protection of Soviet Trade (Based on Materials from Pre-War Leningrad)]. Saint Petersburg: Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2010. 298 p.

Tverdyukova E.D. *Prodovol'stvennoye snabzheniye i smertnost' v psikiatricheskikh bol'nitsakh Leningrada v gody blokady (1941–1944)* [Food Supply and Mortality in Psychiatric Hospitals of Leningrad during the Blockade (1941–1944)] // *Uchenyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. N 7 (32). P. 1–6.

Tverdyukova E.D. *Prozhivaya istoriyu* [Living through History] // *Rossiyskaya istoriya*. 2019. N 3. P. 154–157.

Tverdyukova E.D. *Rabota lechebno-pitatel'nykh statsionarov v Leningrade (yanvar'–aprel' 1942 g.)* [The Work of Therapeutic Nutritional Hospitals in Leningrad (January–April 1942)] // *Genesis: istoricheskiye issledovaniya*. 2020. N 11. P. 116–126.

Yarov S.V. *Povsednevnyaya zhizn' blokadnogo Leningrada* [Everyday Life in Blockaded Leningrad]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2023. 304 p.

Поступила в редакцию
3 декабря 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-94-109

Е.А. Поправко

**ТЫЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРЫМСКОЙ ОПЕРАЦИИ
1944 г. В ДОКУМЕНТАХ 4-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА,
ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ И МЕМУАРАХ
УЧАСТНИКОВ**

E.A. Popravko

**LOGISTICS OF THE CRIMEAN OPERATION 1944
IN THE DOCUMENTS OF THE 4th UKRAINIAN FRONT,
THE SEPARATE COASTAL ARMY, AND THE PARTICIPANTS'
MEMOIRS**

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема, не нашедшая пока достаточного отражения в историографии, — тыловое обеспечение Крымской наступательной операции 1944 г. Координация деятельности органов Тыла во фронтовом и армейском звене, своевременное выделение резервов и маневрирование силами и средствами, задействованными в обеспечении наступающих войск, координация работы довольствующих структур и предприятий промышленности — эти и многие другие задачи возлагались на Тыл Красной армии, начальником которого с 1 августа 1941 г. был генерал А.В. Хрулёв. На ход обеспечения и проведения операции в Крыму большое влияние оказали сложные природно-климатические и ландшафтно-географические условия полуострова. Главной проблемой (как и во многих операциях Великой Отечественной войны) стало транспортное и дорожное обеспечение, что потребовало от руководства Тылом специфической расстановки приоритетов: четкого определения, какие грузы должны доставляться в первую очередь, а какие заготавливаться из местных ресурсов. На подготовительном этапе операции участвовавшие в ней части тренировались в штурмовых действиях, следуя за огненным валом, на спе-

Поправко Елена Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва, Санкт-Петербург

Popravko Elena Aleksandrovna, Doctor in History, Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, A.V. Khrulev Military Academy of Logistics

elena_popravko@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0188-1295

циально оборудованных полигонах, имитирующих немецкие укрепления. В тяжелейшей погодной обстановке приходилось искать нестандартные решения проблем тылового обеспечения. Его особенностью (и одновременно маркером имевшихся проблем) стало использование боевых (нетыловых) частей для организации подвоза — кавалерийской дивизии на 4-м Украинском фронте и Азовской военной флотилии — в интересах Отдельной Приморской армии. По инициативе начальника Тыла Черноморского флота ВМФ СССР генерала М.Ф. Куманина впервые на Черноморском флоте (и в масштабах ВМФ СССР) были сформированы автотранспортные батальоны, что позволило создать подвижные группировки сил и средств Тыла флота (флотилии), применявшиеся для материального, технического и медицинского обеспечения передовых сил, продвигавшихся за приморскими армиями фронтов. Этот опыт был использован в последующих операциях Великой Отечественной войны и войны с Японией.

Ключевые слова: Крымский полуостров, Тыл Красной армии, Тыл ВМФ СССР, материальное (тыловое) обеспечение, 4-й Украинский фронт, Отдельная Приморская армия, Черноморский флот, Азовская флотилия.

Abstract. This article explores an underrepresented aspect in historiography: the logistics of the 1944 Crimean offensive operation. Key logistical challenges included the coordination of rear services at the front and army levels, the timely allocation and maneuvering of reserves and resources to support the advancing troops, and the synchronization of supply systems with industrial enterprises. These responsibilities fell under the command of General A. V. Khrulev, who had led the Red Army's logistics operations since 1 August 1941. The peninsula's complex natural and geographic conditions significantly influenced the course of the operation. Transportation and road maintenance were major logistical hurdles, requiring the logistics command to prioritize shipments and rely on local resources where possible. During the preparatory phase of the operation, the participating units refined their assault tactics by practicing behind a rolling barrage on specially constructed training grounds that replicated German fortifications. Harsh weather conditions forced logistical teams to find unconventional solutions. A distinctive feature of this operation, and at the same time an indicator of its problems, was the use of combat units for logistical purposes — for example, a cavalry division attached to the 4th Ukrainian Front and the Azov Military Flotilla, which supported the Separate Coastal Army. For the first time in the Black Sea Fleet and in the USSR Navy, General M.F. Kumanin, head of logistics for the Black Sea Fleet of the USSR Navy, pioneered the creation of motorized transport battalions. This innovation enabled the formation of mobile logistical groups, which provided material, technical, and medical support to advancing forces. This approach, first implemented in Crimea, was later adapted for other operations during the Great Patriotic War and the war with Japan.

Keywords: Crimean Peninsula, Logistics of the Red Army, Logistics of the USSR Navy, logistical support, 4th Ukrainian Front, Separate Coastal Army, Black Sea Fleet, Azov Flotilla.

1944 — год «десяти сталинских ударов», в ходе которых была полностью освобождена территория СССР и начался освободительный поход Красной армии в Европу, год долгожданного открытия второго фронта, стремительного распада фашистского блока и перехода ряда союзников и сателлитов Германии на сторону Антигитлеровской коалиции. В стратегических наступательных операциях 1944 г., следовавших одна за другой, а часто и «пересекавшихся» по срокам проведения, участвовали (и подлежали практически одновременному обеспечению) 13 фронтов. Численность Красной армии к 1 января 1944 г. возросла до 11 084 086 чел. и достигла своего максимума¹. Координация деятельности органов Тыла во фронтовом и армейском звене, своевременное выделение резервов и маневрирование силами и средствами, задействованными в обеспечении наступающих войск; помощь фронтам и армиям, а иногда и другим наркоматам (ВМФ СССР или НКВД, последнему подчинялись внутренние войска, на которые не только возлагались задачи по охране Тыла Красной армии, но из которых в период войны часто формировались стрелковые дивизии); координация работы довольствующих структур и предприятий промышленности, также помощь местным органам власти в восстановлении разрушенной экономики СССР — эти задачи возлагались на Тыл Красной армии, начальником которого с 1 августа 1941 г. был А.В. Хрулёв (7 ноября 1943 г. присвоено воинское звание генерал армии).

Крымская операция 1944 г. (8 апреля — 12 мая) оказалась обделена вниманием историков. На фоне «десяти сталинских ударов» она оказалась всего лишь «одной из» — не самой крупной, не самой яркой по своим стратегическим и оперативным решениям. «Крымская весна» 2014 г. актуализировала исследование событий Великой Отечественной войны на полуострове. Но материальное обеспечение Крымской операции мало отражено в историографии, в том числе в трудах по истории Тыла Вооруженных Сил СССР.

В книге «Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне» упоминались только объемы перевозок для 4-го Украинского фронта за январь — апрель 1944 г. (12 158 вагонов) и фамилия начальника Тыла фронта генерала И.М. Логинова².

¹ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь: Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андронников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. М., 2010. С. 39–40

² Тыл Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне / Под общ. ред. генерала армии С. К. Куркоткина. М., 1977. С. 132.

Генерал-лейтенант интендантской службы И.М. Логинов возглавил Тыл 4-го Украинского фронта с 27 апреля 1944 г. (т.е. уже в ходе операции), сменив на этом посту генерал-лейтенанта Н.П. Анисимова; начальником Штаба Управления Тыла 4-го Украинского фронта был гвардии полковник С.Ф. Кузьмичёв; начальником Тыла Отдельной Приморской армии с 16 марта 1944 г. был генерал-майор А.М. Пламеневский; начальником Штаба Управления Тыла Отдельной Приморской армии был генерал-майор интендантской службы Н.А. Никулин³.

В интересах обеспечения Отдельной Приморской армии задействовалась Азовская военная флотилия, в оперативном отношении подчиненная Черноморскому флоту. Заместителем командующего, начальником Тыла Черноморского флота ВМФ СССР был генерал-лейтенант береговой службы М.Ф. Куманин⁴.

В монографии «Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне» отмечена «значительная помощь в проведении весеннего сева», которую Тыл 4-го Украинского фронта оказывал колхозам и совхозам Правобережной Украины (что совпадает с периодом подготовки и проведения Крымской операции). Дается и общий итог: «... в апреле освободили Крым. В результате победы ... в Крыму коренным образом изменилась стратегическая обстановка на юге страны»⁵.

В книге третьей «Истории Тыла Российских Вооруженных Сил (XVIII–XX вв.)» упоминаются рекордные сроки операции — 35 дней,

³ См.: Анисимов Николай Петрович // Память народа. — URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero84312034> (дата обращения 19.02.2024); Логинов Иван Михайлович // Память народа. — URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-nagrada_kartoteka1377579603 (дата обращения 19.02.2024); Логинов Иван Михайлович // Память народа. — URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero125270107> (дата обращения 19.02.2024); Кузьмичев Сергей Федорович // Память народа. — URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie1564252606 (дата обращения 19.02.2024); Кузьмичев Сергей Федорович // Память народа. — URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie46554438 (дата обращения 19.02.2024); Кузьмичев Сергей Федорович // Память народа. — URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero123913932> (дата обращения 19.02.2024); Пламеневский Александр Михайлович // Память народа. — URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero124896454> (дата обращения 19.02.2024); Никулин Николай Александрович // Память народа. — URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero123911246> (дата обращения 19.02.2024).

⁴ Куманин Михаил Федорович // Память народа. — URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_predstavlenie8047148 (дата обращения 19.02.2024); Куманин М.Ф. Отправляем в поход корабли. М., 1962. С. 87–88; Герои материально-технического обеспечения. История и география подвига: историко-географический справочник / Гл. ред. А.В. Топоров, науч. ред. Е.А. Поправко, сост. Е.А. Поправко, В.Я. Серба, Е.Р. Дубровин, И.Р. Дубровин, А.П. Спириин. СПб., 2021. С. 226–230.

⁵ Тыл Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне. С. 132, 133.

задействованные в операции силы («войска 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии во взаимодействии с Черноморским флотом»)⁶.

В третьем томе военно-исторического очерка «Операции Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» «по традиции» данные о численности задействованных сил фронта, армии и флота приводятся без учета «тыловых частей и частей боевого обеспечения»⁷.

Цель данной статьи — восполнить пробелы в историографии Крымской операции 1944 г., охарактеризовав особенности ее материального (тылового) обеспечения.

Начало подготовки операции в литературе относят к началу февраля 1944 г., ориентируясь на то, что 6 февраля маршал Советского Союза А.М. Василевский (в тот период — начальник Генерального штаба) и Военный Совет 4-го Украинского фронта представили в Ставке Верховного Главнокомандующего (СВГК) «соображения относительно проведения Крымской операции», где срок ее начала определялся 18–19 февраля 1944 г.⁸ При этом традиционно отмечается, что сроки операции всё время переносились, то в связи с ходом операции по освобождению Правобережной Украины, то из-за плохих метеорологических условий («частые дожди, снегопады и метели, также штормы на Азовском море»)⁹.

В документах, исходящих от командиров тактического и оперативно-тактического уровня (например, в «Описании боевого пути 54 ск 2 гв. А[рмии] 4 Украинского фронта», подписанного начальником Штаба корпуса гвардии полковником Пугаевым и начальником оперативного отдела Штаба 54 стрелкового корпуса гвардии полковником Майоровым), информация о том, когда же началась подготовка к операции, выглядит так: «На основании шифртелеграммы

⁶ История Тыла Российских Вооружённых Сил (XVIII–XX вв.) / Под общ. ред. генерал-полковника В.И. Исакова. Кн. III: Тыл Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. СПб., 2000. С. 342–354.

⁷ Операции Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Военно-исторический очерк) / Отв. ред. генерал-лейтенант С.П. Платонов. Т. III: Операции Советских Вооруженных сил в период решающих побед (январь — декабрь 1944 г.). М., 1958. С. 182, 183.

⁸ Крым, 1944: документы и материалы / Под общ. ред. С.Н. Ткаченко. Феодосия, 2017. С. 15–16.

⁹ Там же. С. 187–188; Рунов В.А., Зайцев Л.А. Битва за Крым, 1941–1945: от разгрома до триумфа. М., 2014. С. 233; Цепкалова А. А. Крымская стратегическая наступательная операция 1944 г. // Сражения Великой Отечественной. 2024. 7 апреля. — URL: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=11914544@cmsArticle (дата обращения 19.02.2024).

Военного Совета 51 Армии 21. 2. 44 г. за № 766/Ш и шифртелеграммы Военного Совета 2 Гв. А. за № 802/Ш, 54 стр. корпус в полном составе с 22.00 23. 2. 44 г. вошел в состав 2 Гв. Армии. С этого периода началась усиленная подготовка войск к наступательным действиям. В тылу были построены опорные пункты по типу немецких, и части второго эшелона, чередуясь с частями первой линии, тренировались день и ночь в штурме этих опорных пунктов»¹⁰.

Гвардии генерал-майор (с 16 мая 1944 г. генерал-лейтенант) артиллерии, начальник артиллерии 2-й гвардейской армии И.С. Стрельбицкий утверждал, что причиной тренировок была потребность «научить пехоту и минометчиков взаимодействовать», так как «впервые для поддержки атаки пехоты мы решили подготовить минометный огневой вал. Под прикрытием мощного огневого вала стрелковые полки должны были подняться на штурм Перекопа. Но солдаты, особенно из молодого пополнения, порой робко и неумело применялись к огневому валу». Для решения возникшей проблемы «в десяти километрах от передовых позиций саперы успели подготовить учебный полигон. С большой точностью они под руководством генерала Брынзова воспроизвели копию перекопских позиций противника и первых его трех траншей. ... Пехотный батальон под прикрытием минометного огневого вала по несколько раз атаковал траншеи “противника”. Постепенно взаимодействие было налажено, пехотинцы стали уверенно бежать за перемещающимися разрывами мин. К концу учения произошел прискорбный случай: огневой вал задел наступавших, и несколько человек получили ранения. Произошло это потому, что некоторые мины не дошли до цели, так как при стрельбе использовались отсыревшие заряды. Немедленно было отдано распоряжение тщательно просушить все заряды»¹¹.

Однако об аналогичных работах по строительству имитационных объектов и тренировках будущего штурма сообщает и Журнал боевых действий 87 стрелковой дивизии 1 гвардейского стрелкового корпуса 51 армии от 30 апреля 1944 г.¹², что говорит о том, что огненные валы в 1944 г. уже не были каким-то «ноу хау» 2-й гвардейской армии. На основании этого же документа мы можем судить об обеспеченности частей 87 стрелковой дивизии материальными средствами к началу операции (в журнале приведены данные на 2 апреля 1944 г., представленные в табл. 1).

¹⁰ ЦАМО. Ф. 942. Оп. 1. Д. 326. Л. 111.

¹¹ *Стрельбицкий И.С.* Штурм. М., 1965. С. 154–155.

¹² ЦАМО. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 56. Л. 5 об.

**Обеспеченность материальными средствами 87 стрелковой дивизии
1 гвардейского стрелкового корпуса 51 армии на 2 апреля 1944 г.¹³**

Боеприпасы		
№ п.п.	Вид	Количество (в боекомплектах)
1	122 мм гаубичных	2,7
2	76 мм выстрелов ДА	2,3
3	76 мм выстрелов ПА	3,1
4	45 мм выстрелов	2,1
5	122 мм мин	3,0
6	82 мм мин	3,3
7	50 мм мин	0,2
8	Противотанковых гранат	2,0
9	Ручных гранат	1,8
10	ПТР патрон	1,7
11	Винтовочных патрон	1,9
Продовольствие и табак		
№ п.п.	Вид	Количество (в суточаках)
1	Мука для хлеба	2,6
2	Хлеб	2,9
3	Сухари	3,3
4	Крупа разная	3,1
5	Рыба разная	0,3
6	Консервы мясные	0,9
7	Жиры животные	16,3
8	Сахар	1,0
9	Табак	0,3
ГСМ		
№ п.п.	Вид	Количество (в заправках)
1	Автобензин	2,0
2	Автол	2,0
Фураж		
№ п.п.	Вид	Количество (в суточаках)
1	Зерно-фураж	0,2
2	Сено	0,5

¹³ Составлена автором по: ЦАМО. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 56. Л. 3 об.

На ход подготовки операции, определение сроков ее начала и на работу тыла существенное влияние оказывал погодный фактор. Маршал Советского Союза А.М. Василевский (в документах значился под псевдонимом «Александров») описывал в донесении в Ставку ВГК личные впечатления от посещения района будущего наступления 4 марта 1944 г.: «Прошедший вчера и сегодня дождь окончательно вывел из рабочего состояния дороги. Весь автотранспорт стоит на дорогах в грязи, с трудом работают лишь тракторы ... При таком состоянии дорог начинать операцию нельзя, не сумеем за продвигающимися войсками подать не только пушки и снаряды, но даже продовольствие и кухни. К тому же переправы на Сиваше, разрушенные штормом в последних числах февраля, восстановлением из-за подвоза лесоматериалов задерживаются»¹⁴.

Не все командиры, в том числе высшие, вполне осознали к началу операции специфику местных условий. Так, гвардии генерал-майор артиллерии, начальник артиллерии 2-й гвардейской армии И.С. Стрельбицкий впоследствии в мемуарах описал такой эпизод, озаглавив его «Опасный промах»: «Во время подготовки к штурму Турецкого вала нам предстояло на открытой местности развернуть около 25 артиллерийских полков и бригаду гвардейских минометов. ... Перемещение частей тоже оказалось весьма сложным делом. Наступила весенняя распутица. Дороги развезло. Поручив контроль за передвижением полков начальнику штаба подполковнику Кацу, я продолжал руководить разведкой и планированием артиллерийского обеспечения наступления, переезжая из одного корпуса в другой. Как-то поздно ночью Кац позвонил мне и доложил, что сотни орудий застряли на дорогах в грязи.

Командующий армией, узнав об этом, метал громы и молнии. ... Действительно, мы недооценили трудности передвижения частей, плохо организовали марш и поэтому запаздывали с выходом в новый позиционный район. В первые двое суток некоторые артиллерийские полки прошли всего сорок километров и — что самое страшное — сожгли всё горючее. Оставалось всего несколько дней до штурма, а предстояло еще преодолеть полтораста километров непролазной грязи. ... С главного поста воздушного наблюдения, оповещения и связи сообщают, что самолеты бомбят две артиллерийские колонны, застрявшие без горючего. ... Оказывается, Кац своевременно, еще за двое суток, послал заявку начальнику Управления Тыла о срочном подвозе горючего артиллерийским полкам. Но в последнюю минуту член Военного совета по Тылу полковник Алек-

¹⁴ Цит. по: Операции Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 187–188.

сандров отправил горючее в другие части. Он, конечно, мог не знать о нашем кризисном положении, а Кац не проявил настойчивости.

На вырубку застрявшей в грязи артиллерии мы взяли больше половины тракторов в других частях, остававшихся на прежних огневых позициях. Все офицеры штаба выехали в части, находившиеся на марше. Полковник Александров быстро направил артчастям остатки горючего»¹⁵.

Находясь в непростых погодных условиях, 4-й Украинский фронт уже при подготовке к операции вынужден был искать «нестандартные решения» проблем тылового обеспечения. К числу таковых, несомненно, относится использование в феврале 1944 г. кавалерийской дивизии для подвоза материальных средств: «... в части снабжения огнеприпасами и продовольствием вследствие наступившей распутицы. Дороги и грунт оказались настолько размокшими, что автотранспорт совершенно остановился. На пределе возможности работал гусеничный и гужевой транспорт. Для того, чтобы обеспечить войскам, ... самый минимум огнеприпасов, для их подвоза была использована целая кавалерийская дивизия, которая в течение 8–10 дней транспортировала огнеприпасы на вьюках»¹⁶.

Но вьючный транспорт не решал всего комплекса проблем, связанных с подвозом и состоянием дорожной сети, как и при проведении других операций потребовалась постройка мостов и переправ. В Отчете Штаба бронетанковых и механизированных войск 51-й армии «об обстоятельствах сосредоточения бронетехники на плацдарме на Сиваше в марте — апреле 1944 г.» указывалось, что «с момента форсирования СИВАША частями армии, встал вопрос о постройке переправ, так как снабжение войск на Крымском плацдарме при помощи надувных лодок и вьючным способом не могло в полной мере обеспечить их потребности в боеприпасах и продовольствии, и главное, при существующем положении, невозможно было переправить артиллерию, в особенности тяжелую. В связи с этим была построена переправа № 2 (мост), состоящая из двух звеньев: 1-ое звено между мысом юж. Зентюп–первый и о. Русский, представляет из себя деревянный балочный мост на рамных опорах, упрощенной конструкции, грузоподъемностью 16 тонн, длиной 1 950 погонных метров, шириной проезжей части 3,3 метра. 2-ое звено представляет из себя гать (насыпь) от о. Русский к сев. побережью Крыма, длиной 1000 п/м шириной проезжей части 5 метров. Гать устроена

¹⁵ Стрельбицкий И.С. Указ. соч. С. 151–153.

¹⁶ ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 673. Л. 3.

на фашинном основании с подсыпкой сверху слоем земли до 70 см толщиной.

Проезжая часть гати улучшена устройством сплошного бревенчатого настила длиной 390 п/м и продольных колеи, на основных участках гати. Грузоподъемность гати до 30 тонн в сухую погоду.

Мост строился с расчетом на эксплуатационную погрузку 16 тонн и вполне соответствовал для пропуска артиллерии и автогужевого транспорта.

В период эксплуатации переправы № 2 (мост) была построена переправа № 1 с целью разгрузки переправы № 2 от встречного потока движения.

Переправа № 1 состояла из подъездов (земляных дамб) сев. участка от КОСА длиной 500 п/м и южного от мыса ЖАН-ГОРА длиной 750 п/м. Подъезды связывались наплавным мостом из понтонного парка ДМП, под загрузку 8–10 тонн длиной 10–40 п/м.

Таким образом вопрос своевременного и полного обеспечения войск, находящихся на Крымском плацдарме, и переправы необходимого количества артиллерии был разрешен.

Существующие переправы при противоположных движения вполне справлялись с этой нагрузкой»¹⁷. Авторы отчета отметили, что по построенным переправам кроме танков и артиллерии переправляли также средства материального обеспечения. Например, в течение 12 суток (8–20 марта) было «переправлено и сосредоточено на Крымском плацдарме по 3 запр. ГСМ, боеприпасов и 10 с/дач продовольствия»¹⁸.

8 марта 1944 г. начальник Тыла 4-го Украинского фронта генерал-лейтенант Н.П. Анисимов издал директиву № УТ/009, согласно которой «воздушные перевозки материальных средств войскам фронта при необходимости будут осуществляться самолетами “По-2” и “Дуглас” с посадкой в пунктах доставки и без посадки. Без посадки материальные средства, упакованные в парашютно-десантные мягкие мешки и бензобаки, сбрасываются на парашютах»¹⁹.

Для воинских перевозок, доставки материальных средств войскам Отдельной Приморской армии использовалась Азовская военная флотилия²⁰.

По инициативе начальника Тыла Черноморского флота ВМФ СССР генерал-лейтенанта береговой службы М.Ф. Куманина впер-

¹⁷ Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 2017. С. 338–339.

¹⁸ Там же. С. 342.

¹⁹ Крым, 1944: документы и материалы. С. 49.

²⁰ Операции Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 197.

вые на Черноморском флоте (и в масштабах ВМФ СССР) были сформированы автотранспортные батальоны, что позволило создать подвижные группировки сил и средств Тыла флота (флотилии), применявшиеся для материального, технического и медицинского обеспечения передовых сил, продвигавшихся за приморскими армиями фронтов. Группировки включали объединенный головной склад Тыла флота, перевалочную базу, автотранспортный батальон, подвижную авторембазу и др. части и учреждения, в совокупности выполнявшие функции подвижных баз Тыла флотов (флотилий). Произошел переход к подвижным формам организации Тыла флота. В последующих операциях Великой Отечественной и советско-японской войн опыт Черноморского флота был заимствован Дунайской военной флотилией, Балтийским, Северным и Тихоокеанским флотами. Автотранспортные батальоны сыграли важную роль в обеспечении передовых сил флота на завершающем этапе Второй мировой войны в наступательных операциях на приморских направлениях²¹.

Степень инновационности решения генерал-лейтенанта береговой службы М.Ф. Куманина («Странно звучит: флотский тыл — и на колесах!») становится понятной из описания в его мемуарах трудностей реализации этой идеи. Командующий Черноморским флотом адмирал Л.А. Владимирский согласился ходатайствовать о выделении машин («двести пятьдесят на первый случай») «без особой охоты». Нарком ВМФ СССР Н.А. Кузнецов сначала отказал, но, когда Куманин проявил настойчивость («Заявил ему прямо: не будет машин — не ручаюсь за успех десанта в Крыму»), решил переложить решение вопроса на Наркомат обороны: «Я позвоню Андрею Васильевичу Хрулёву, начальнику Тыла Советской Армии. Попрошу его выделить машины». Хотя машин не хватало и Тылу Красной армии, его руководитель поддержал инициативу тыловиков-черноморцев: «Хрулёв выделяет нам двести пятьдесят машин. Посылайте за ними своих шоферов». Был спешно объявлен набор водителей: «Все моряки, хоть раз в жизни державшие в руках “баранку”, собираются в полуэкипаже. Через несколько дней учебы они отправляются за машинами. Итак, в нашем распоряжении два полнокровных автотранспортных батальона»²².

О роли этих формирований при подготовке и в ходе операции автор идеи отозвался так: «Грузы поступали по железной дороге до станций Варенниковская и Вышестеблевекая и морем до порта Анапа. Отсюда они машинами доставлялись к пунктам сосредото-

²¹ Герои материально-технического обеспечения. С. 230.

²² Куманин М.Ф. Указ. соч. С. 87–96.

чения десанта. Подвозить грузы морем не удалось. Послали мы из Новороссийска в Тамань три груженных сейнера. В Керченском проливе они попали под вражеский огонь. Одно судно подорвалось на mine, второе было повреждено снарядом и выбросилось на берег, третье вернулось в базу.

Вся тяжесть перевозок легла на автотранспорт. Вереницы машин днем и ночью двигались от железнодорожных станций к побережью. За несколько дней они перевезли тысячи тонн грузов»²³. В ходе операции, когда «связь высадившихся в Крыму войск с Большой землей осуществлялась кораблями», «в обеспечении боевых действий флота и десантных войск значительную роль сыграли созданные нами подвижные тылы»²⁴.

В директиве начальника Тыла 4-го Украинского фронта № 0017 от 15 апреля 1944 г. напоминалось: «Тыловые части и учреждения армий, а также и имущество вводить в Крым только крайне необходимое, подвозить войскам только боеприпасы, горючее и колониальные продукты. Имеющиеся на территории Крыма местные средства широко использовать, особенно зерно и продфураж. Все виды запасов, оставшиеся на исходных позициях и в полосе наступления, собрать и немедленно начать вывоз их к линии ж. д. Имея в виду, что после ликвидации в Крыму остатков противника, войска фронта будут из Крыма выведены»²⁵.

Уже в ходе операции нехватка определенных ресурсов имела отрицательные последствия: после прорыва обороны противника и «в ходе преследования войска 51-й армии и 19-го танкового корпуса подвергались активному воздействию вражеской авиации, что не только вызывало потери в личном составе и материальной части, но и снижало общий темп преследования. К концу дня 13 апреля 19-й танковый корпус имел только 68 танков и 12 самоходных орудий. Наша штурмовая авиация из-за ограниченности запасов горючего не смогла широко развернуть борьбу с вражеской авиацией»²⁶. В докладе командира 19-го танкового корпуса командующему бронетанковыми и механизированными войсками 4-го Украинского фронта о боевых действиях корпуса с 11 апреля по 12 мая 1944 г. (составленном 29 мая 1944 г.) вообще указывалось: «Авиация противника непрерывно бомбардировала и штурмовала боевые порядки

²³ Куманин М.Ф. Указ. соч. С. 90.

²⁴ Там же. С. 91.

²⁵ Крым, 1944: документы и материалы. С. 54.

²⁶ Операции Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. С. 196.

частей группами по 20–30 самолетов. Прикрытия танков авиацией не было»²⁷.

Проблемы тылового обеспечения были связаны и с получением пополнения — люди прибывали, но без необходимых материальных средств. Так, в «Донесении о планировании и обеспечении боеприпасами войск 51 армии в период подготовки операции и наступления с плацдарма на Сиваше», составленном 9 мая 1944 г., но описывавшем состояние по этому виду обеспечения в двух периодах — с 22 февраля по 7 апреля и с 7 апреля по 15 апреля, — отмечалось: «Планирование и обеспечение б/п воинских частей и соединении армии исходило из требований армии пополнению запасов воинских частей в соответствии с установленным планом снабжения.

В результате планированного снабжения в феврале месяце воинские части, входящие в состав 51 армии, были обеспечены до установленной нормы, но в конце февраля месяца произошло большое изменение состава армии, что явно отразилось и на обеспечении армии боеприпасами, так как прибывшие с 25.2 по 1.3.1944 г. воинские части имели очень низкую обеспеченность б/п в редких случаях достигающей 0,5 б/к.

Исходя из этого в марте месяце была проведена большая работа по снабжению в/частей армии и доведение их обеспеченности до 3,5 б/к и арм. складов до 0,5 б/к. В результате выполнения плана обеспеченность частей по арт. выстрелам и минам выросла до 3,5 б/к.

Поступление б/п шло главным образом с фронтовых баз (фронтным транспортом).

Следует отметить, что создание второго ПААС'а (полевой армейский артиллерийский склад. — П.Е.), организация отделений ПААС'а вблизи боевых порядков, — сыграло большую роль в своевременном обеспечении в/частей б/п, — которое происходило все время независимо от погоды»²⁸.

За периоды с 22 февраля по 7 апреля и с 7 апреля по 15 апреля, согласно донесению, из фронтовых баз и армейских складов доставили воинским частям и соединениям 51 армии боеприпасов в количестве, обеспечившим армию по артиллерийским выстрелам и минам «в основном, до 3,5 б/к.» (см. таблицу 2).

Некоторые задачи тылового обеспечения решались по ходу развития операции, в том числе с использованием местных ресурсов. Так, в составленной 10 мая «Итоговой сводке обобщенного опыта боевых действий 279-й стрелковой дивизии за апрель 1944 г.» от-

²⁷ Крым, 1944: документы и материалы. С. 27.

²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 84. Л. 243.

мечалось: «12 апреля личный состав частей дивизии был посажен на машины и брошен в прорыв к Симферополю; собственно части были преобразованы в мотопехоту.

Таблица 2

**Доставка боеприпасов войскам 51 армии
с 22 февраля до 15 апреля 1944 г.²⁹**

№ п.п.	Наименование боеприпасов	Доставлено боеприпасов			
		22 февраля — 7 апреля		7 апреля — 15 апреля	
		в штуках	в б/к	в штуках	в б/к
1	Выстрелы 37-мм, автоматическая зенитная пушка обр. 1939 г.		4,1	10 290	0,5
2	Выстрелы 45-мм ПТП обр. 1932/1934 г.	149 119	2,0	17 720	0,3
3	Выстрелы 57-мм ПТП ЗИС-2	525	–	–	–
4	Выстрелы 76 мм, полковая пушка обр. 1927 г.	26 825	1,8	8 155	0,5
5	Выстрелы 76 мм, дивизионная пушка обр. 1902/1930 г.	115 850	2,2	28 155	0,6
6	Выстрелы 85 мм, танковая пушка ЗИС-С-53 обр. 1942 г.	19 880	3,9	1 720	0,3
7	Выстрелы 122 мм, гаубица М-30 обр. 1938 г.	29 468	2,7	2 592	0,3
8	Выстрелы 152 мм, гаубица-пушка МЛ-20 обр. 1937 г.	6 392	3,0	140	–
9	Выстрелы 152 мм, гаубица обр. 1909/1930 г.	2 783	3,5	35	–
10	Выстрелы 203 мм, гаубица Б-4 обр. 1931 г.	1 122	1,2	–	–
11	50 мм мины	30 026	1,1	4 116	0,1
12	82 мм мины	136 520	2,0	72 200	1,1
13	120 мм мины	73 923	2,6	24 426	0,9

Быстрое продвижение вперед и большой некомплект автотранспорта не позволили поднять весь имеющийся груз. Было взято в

²⁹ Составлено автором по: ЦАМО РФ. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 84. Л. 243.

первую очередь необходимое: продовольствие — две суточные дачи и горюче-смазочные материалы.

Тылы дивизии двигались вслед за передовыми частями. В Чирик-2 на второй же день была развернута полевая хлебопекарня, созданы запасы муки, консервов, сухарей. Благодаря выброшенной армейской летучке части перебоев в питании не имели.

По мере продвижения частей систематически проходила военно-экономическая разведка. Так, например, в Симферополе было взято трофейного бензина 8–6 тонн, в Бахчисарае — ячменя 130 тонн, продовольственного зерна 40 тонн и пшеница 30 тонн. Освоены перерабатывающие предприятия: две мельницы, две крупорушки; в Бахчисарае с целью рационального использования средств был развернут полевой автохлебозавод. ... Тылы дивизии с задачей по обеспечению войск вполне справились, не допустив перебоев ни в одном из видов снабжения; тем самым обеспечили выполнение боевой задачи, поставленной перед частями дивизии»³⁰.

Анализ состояния тылового обеспечения Крымской операции свидетельствует о накопленном к 1944 г. боевом опыте. Именно это позволило в целом решить проблемы снабжения в настолько сложном по природно-климатическим и ландшафтно-географическим условиям регионе, как Крымский полуостров. Главными проблемами (как и во многих операциях Великой Отечественной) стали транспорт и дороги, что потребовало от руководства Тылом специфической расстановки приоритетов: четкого определения, какие грузы доставлять в первую очередь, а какие вообще не доставлять с «Большой земли» и заготавливать исключительно из местных ресурсов. Особенностью тылового обеспечения (и одновременно маркером имевшихся проблем) стало использование боевых (нетыловых) частей для решения проблем подвоза — кавалерийской дивизии на 4-м Украинском фронте и Азовской военной флотилии в интересах Отдельной Приморской армии.

References

Geroi material'no-tekhnicheskogo obespecheniya. Istoriya i geografiya podviga: istoriko-geograficheskiy spravochnik [Heroes of Logistical Support. History and Geography of Feats: Historical-Geographical Reference Book] / Ed. by A.V. Toporov, E.A. Popravko; compiled by E.A. Popravko, V.Ya. Serba, E.R. Dubrovin et al. Saint Petersburg: VAMTO, 2021. 447 p.

Istoriya Tyla Rossiyskikh Vooruzhennykh Sil (XVIII–XX vv.) [History of the Logistics of the Russian Armed Forces (From the 18th through the 20th Century)] / Ed. by Colonel-General V.I. Isakov. Vol. III. *Tyl Krasnoy Armii v gody Velikoy Otechestvennoy*

³⁰ Крым, 1944: документы и материалы. С. 38.

voyny 1941–1945 gg. [The Logistics of the Red Army during the Great Patriotic War, 1941–1945]. Saint Petersburg: VATT, 2000. 550 p.

Krym v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. [Crimea in the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow: Yauza-katalog, 2017. 400 p.

Operatsii Sovetskikh Vooruzhennykh Sil v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. (Voenno-istoricheskii ocherk) [Operations of the Soviet Armed Forces during the Great Patriotic War, 1941–1945 (Military Historical Essay)] / Ed. by Lieutenant-General S.P. Platonov. Vol. III. *Operatsii Sovetskikh Vooruzhennykh Sil v period reshayushchikh pobed (yanvar'–dekabr' 1944 g.)* [Operations of the Soviet Armed Forces during the Period of Decisive Victories (January–December 1944)]. Moscow: Voenizdat, 1958. 840 p.

Runov V.A., Zaytsev L.A. *Bitva za Krym, 1941–1945: ot razgroma do triumfa* [Battle for Crimea, 1941–1945: from Defeat to Triumph]. Moscow: Yauza-Press, 2014. 384 p.

Strelbitskiy I.S. *Shturm* [Assault]. Moscow: Voenizdat, 1965. 250 p.

Tsepkalova A.A. *Krymskaya strategicheskaya nastupatel'naya operatsiya 1944 g.* [Crimean Strategic Offensive Operation, 1944] // *Srazheniya Velikoy Otechestvennoy* [Battles of the Great Patriotic War]. 7 April 2024. — URL: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=11914544@cmsArticle

Tyl Sovetskikh Vooruzhennykh Sil v Velikoy Otechestvennoy voyne [The Rear of the Soviet Armed Forces during the Great Patriotic War] / Ed. by Army General S.K. Kurkotkin. Moscow: Voenizdat, 1977. 559 p.

Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter': noveysheye spravochnoye izdaniye [The Great Patriotic War without Secrecy. The Book of Losses: The Latest Reference Edition] / Ed. by G.F. Krivosheyev, V.M. Andronnikov, P.D. Burikov, V.V. Gurkin. Moscow: Veche, 2010. 384 p.

Поступила в редакцию
25 февраля 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-110-126

К 90-летию исторического факультета МГУ

**Н.В. Козлова, Л.П. Горюшкина, М.В. Калинин, А.В. Лаушкин,
Т.А. Матасова, А.Е. Тарасов, Д.А. Хитров, О.Д. Шемякина**

**ЖИЗНЬ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ ДО НАЧАЛА XIX
ВЕКА В 1960–1980-е гг. ПО ПРОТОКОЛАМ ЕЕ ЗАСЕДАНИЙ**

**N.V. Kozlova, L.P. Goryushkina, M.V. Kalinin, A.V. Laushkin,
T.A. Matasova, A.E. Tarasov, D.A. Khitrov, O.D. Shemiakina**

**THE DEPARTMENT OF RUSSIAN HISTORY
UP TO THE BEGINNING OF THE NINETEENTH
CENTURY FROM THE 1960s THROUGH THE 1980s,
ACCORDING TO ITS MEETING MINUTES**

Аннотация. В статье рассматривается научная и учебная жизнь одной из старейших кафедр исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — кафедры истории СССР периода феодализма (ныне — кафедра истории России до начала XIX века) в 1960–1980-х гг. Основой для статьи стал кафедральный архив, содержащий протоколы заседаний и другие материалы, который был систематизирован, описан и изучен сотрудниками кафедры в рамках подготовки к 90-летию исторического факультета. Кафедра в указанные годы представляла собой большой (около 20 сотру-

Козлова Наталья Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kozlova Natalia Vadimovna, Doctor in History, Professor, Head, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

feodal.msu@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4607-4668

Горюшкина Людмила Павловна, старший преподаватель кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Goryushkina Ludmila Pavlovna, Senior Lecturer, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

alae@mail.ru

ORCID: 0009-0004-2033-1365

ников), активно работающий коллектив: она обеспечивала чтение множества курсов, вела активную методическую работу, на ее заседаниях регулярно делались научные доклады, обсуждались диссертации аспирантов и соискателей. Деятельность кафедры характеризовалась широким сотрудничеством с различными научными учреждениями, архивами и музеями, наличием широких международных связей, в том числе большим числом иностранных стажеров как из стран социалистического лагеря, так и из стран Западной Европы и Америки. Будучи одной из ключевых выпускающих кафедр факультета, кафедра феодализма уделяла огромное внимание работе с дипломниками и аспирантами. Из ее стен вышел целый ряд известных современных ученых, работающих в ведущих научных учреждениях. Работавшие в эти годы профессора кафедры М.Т. Белявский, Н.Б. Голикова, А.Д. Горский, Л.В. Милов, Г.А. Новицкий, А.М. Сахаров создали большие научные школы, которые и в настоящее время играют важнейшую роль в развитии исторической науки. В статье характеризуется работа кафедры по оптимизации учебного процесса, затрагивается сюжет о том, как решались кадровые вопросы. Показано, что кафедра жила активной, полнокровной жизнью, а ее заседания отличались демократичным и конструктивным настроем. Творческая атмосфера учебной и научной деятельности, в которую включались аспиранты и молодые преподаватели, способствовала их профессиональному росту и восприятию университетских традиций.

Ключевые слова: исторический факультет МГУ, кафедра истории СССР периода феодализма, М.Т. Белявский, А.Д. Горский, Н.Б. Голикова, А.М. Сахаров, Л.В. Милов, Л.Г. Кислягина, университетские традиции.

Калинин Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник лаборатории истории культуры исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kalinin Mikhail Vladimirovich, PhD Candidate in History, Junior Researcher, Laboratory of Cultural History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
mixail.k179@gmail.com
ORCID: 0009-0004-8451-3184

Лаушкин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Laushkin Alexey Vladimirovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
laushkin@list.ru
ORCID: 0000-0002-2899-9958

Матасова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Matasova Tatiana Aleksandrovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
tamatt2009@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9433-5068

Abstract. This article examines the scientific and educational life of the Department of USSR History in the Feudal Period (now the Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century), one of the oldest departments at the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, from the 1960s through the 1980s. It is based on the department's archive, which contains meeting minutes and other materials, which were systematized and studied by the department's staff in preparation for the 90th anniversary of the Faculty of History. During these years, the department consisted of a large and active team of about 20 employees, delivering numerous courses, conducting active methodological work, regularly presenting scientific reports at meetings, and discussing dissertations of graduate students and PhD candidates. The department's activities were marked by extensive collaboration with various scientific institutions, archives, and museums, as well as having wide international connections, including a significant number of foreign visiting scholars from socialist countries, Western Europe and America. As one of the key graduating departments of the faculty, the Department of Feudalism paid great attention to working with undergraduate and graduate students. Many prominent modern scholars, now working in leading scientific institutions, emerged from its ranks. Professors of the department during these years — M.T. Belyavskiy, N.B. Golikova, A.D. Gorskiy, L.V. Milov, G.A. Novitskiy, and A.M. Sakharov — created large scientific schools, which continue to play an essential role in the development of historical science today. The article also characterizes the department's efforts to optimize the educational process and addresses how personnel issues were resolved. It highlights that the department led a vibrant, dynamic, and full-blooded life, with its meetings marked by a

Тарасов Аркадий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Tarasov Arkady Evgenievich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
arckady.tarasov@yandex.ru
ORCID: 0009-0002-5667-4111

Хитров Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Khitrov Dmitry Alekseevich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
dkh@bk.ru
ORCID: 0000-0002-4540-942X

Шемякина Ольга Дмитриевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Shemiakina Olga Dmitrievna, PhD Candidate in History, Researcher, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
shemyakinx3@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5527-5341

democratic and constructive atmosphere. The creative educational and scientific activity fostered professional growth and integration of young teachers and graduate students into university environment.

Keywords: Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Department of USSR History in the Feudal Period, M.T. Belyavskiy, A.D. Gorskiy, N.B. Golikova, A.M. Sakharov, L.V. Milov, L.G. Kislyagina, university traditions.

* * *

16 мая 2024 г. исполнилось 90 лет важному событию в истории исторического образования в стране. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» возобновилось преподавание гражданской истории, прерванное реорганизацией всей системы школьного и университетского образования в стране в конце 1920-х — начале 1930-х гг. В целях подготовки квалифицированных специалистов по истории в Московском и Ленинградском университетах были образованы исторические факультеты как самостоятельные учебно-научные подразделения¹. Коллектив кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ в ознаменование 90-летнего юбилея родного факультета и 70-летия трех кафедр отечественной истории (2023 г.) предлагает вниманию читателей некоторые наблюдения над деятельностью и жизнью кафедры за несколько десятилетий с 1960-х до конца 1980-х гг.

В 2023 г. кафедры отечественной истории отметили свой 70-летний юбилей, ведя счет от 1953 г., когда из единой кафедры истории СССР выделились три кафедры по периодам феодализма, капитализма и советского времени. Однако, если вспомнить, что изучение отечественной истории в Московском университете началось практически с момента его основания, причем понятно, что во второй половине XVIII в. это была история древней и средневековой Руси, то следует признать, что в научном плане истоки кафедры истории России до начала XIX века (до 1992 г. — кафедра истории СССР периода феодализма) восходят к гораздо более раннему времени. В институциональном плане при университете в разные годы существовали разные структуры, в рамках которых решались задачи развития исторических и филологических наук в России, в том числе за счет публикации исторических источников. Примером может служить историко-филологическое общество под названием «Вольное российское собрание», действовавшее с 1771 по 1787 г., и публикаторская активность Н.И. Новикова. В 1768 г. в университетской типо-

¹ Правда. 1934. 16 мая; Летопись Московского университета. Исторический факультет. М., 2009. С. 19–20.

графии начала издаваться «История российская с самых древнейших времен» В.Н. Татищева.

Можно сказать, что изучение раннего периода русской истории ведется в Московском университете почти 250 лет. В 1835 г. на историко-филологическом отделении философского факультета была образована самостоятельная кафедра российской истории, которую возглавил Михаил Петрович Погодин (1835–1844), а позднее ею руководили Сергей Михайлович Соловьев (1855–1869) и Василий Осипович Ключевский (1879–1911). Кафедра истории России до начала XIX века в научном и учебном отношении является ее преемницей. В XIX — начале XX в. на кафедре работали такие выдающиеся ученые, как В.О. Ключевский, М.К. Любавский, М.М. Богословский, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер и другие. В XX–XXI вв. лучшие традиции отечественной исторической науки развивали известные специалисты в области истории России: академики Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, Л.В. Милов, член-корреспондент АН РАН Б.Н. Флоря, профессора С.В. Бахрушин, К.В. Базилевич, Б.Б. Кафенгауз, В.И. Лебедев, Г.А. Новицкий, Н.Л. Рубинштейн, В.И. Шунков, Л.В. Черепнин, А.М. Сахаров, М.Т. Белявский, А.Д. Горский, П.П. Епифанов, Н.Б. Голикова, О.М. Рапов, Д.Ю. Арапов, Н.С. Борисов, В.И. Моряков, А.А. Горский, доценты Б.И. Краснобаев, А.К. Леонтьев, Л.Г. Кислягина, В.И. Шульгин, А.С. Орлов, Л.Н. Вдовина, В.И. Кузнецов. В настоящее время на кафедре трудятся профессор Н.В. Козлова (зав. кафедрой), доценты И.П. Кулакова, А.В. Лаушкин, Т.А. Матасова, А.Е. Тарасов, Д.А. Хитров, старшие преподаватели Л.П. Горюшкина, И.А. Кирпичников, В.В. Ткаченко, научный сотрудник О.Д. Шемякина, младший научный сотрудник М.В. Калинин и специалисты по УМР А.В. Носов и Т.К. Шаипов.

Кафедра с 1953 г. отвечает за преподавание важнейшей части курса истории России — периода с древнейших времен до начала XIX в. На протяжении этого тысячелетнего периода происходил процесс формирования и развития российской государственности, закладывались ее цивилизационные особенности и культурно-национальные ценности. Именно лекции и семинары преподавателей кафедры являются для первокурсников истфака первым опытом университетского изучения отечественной истории. Кроме того, кафедра является выпускающей и имеет собственную систему учебных дисциплин для специализирующихся студентов старших курсов. Как будет показано ниже, оба эти направления работы имеют более чем полувекую историю.

На кафедре сохранился обширный, охватывающий период с конца 1960-х гг. до настоящего времени, архив, состоящий в первую

очередь из протоколов заседаний. Традиция ведения таких протоколов восходит еще к дореволюционному времени, однако за более раннее время материалы хранятся в архиве МГУ. В процессе подготовки к юбилею преподаватели и сотрудники нашей кафедры предприняли попытку изучения сохранившихся протоколов заседаний кафедры за 1967–2022 гг. Эта работа проходила в несколько этапов. На первом этапе был составлен реестр протоколов. В него вошли сведения о протоколах каждого проходившего на протяжении 55 лет заседания кафедры с указанием даты, количества листов, характера текста (рукописный, машинописный, компьютерный), наличии приложений к протоколам в виде планов, тезисов/текстов сделанных докладов, обсуждавшихся отчетов, рецензий, выписок из протоколов и других материалов². Всего в реестре учтены 726 протоколов. За 1967–1977 гг. протоколы в основном рукописные, за подписью секретаря кафедры Р.А. Ушаковой. Немногочисленные за этот период машинописные тексты представляют собой перепечатку имеющегося рукописного текста протоколов обсуждения диссертаций за 1969–1972 гг. Начиная с апреля 1977 г. и по 1991 г. включительно все протоколы машинописные, а рукописные тексты единичны. Зато позднее, вплоть до 2019 г., протоколы как правило пишутся от руки без их последующей перепечатки. С 2020 г. протоколы обычно сразу составлялись на компьютере. Наблюдения над характером текста могут стать основой для будущего антропологического анализа работы сотрудников учебно-вспомогательного звена кафедры, а также ее технического обеспечения³.

На втором этапе были оцифрованы тексты всех протоколов⁴. Располагая ими, все сотрудники и преподаватели приступили к изучению протоколов за конкретные годы и составили краткие обзоры материалов по своему периоду⁵. Это стало третьим этапом работы. И, наконец, отдельные обзоры были сведены в общий сводный текст, дающий возможность представить основные направления деятельности и жизни кафедры за несколько десятилетий. Это был еще предварительный рабочий вариант, который в дальнейшем пополнялся наблюдениями и конкретным материалом. В целом протоколы засе-

² Эту трудоемкую работу практически единолично выполнил специалист по учебно-методической работе Тимур Константинович Шаипов. С Реестром протоколов можно познакомиться на кафедральной странице факультетского сайта: URL: <http://www.hist.msu.ru/departments/8813/history/70y/>

³ После бессменной Риммы Алексеевны Ушаковой на кафедре сменилось не менее 5 секретарей.

⁴ В этой работе участвовал ряд студентов бакалавриата и магистратуры кафедры: Н.А. Гвоздева, А.Д. Котова, Л.А. Кулыгин, Е.В. Савченко, А.А. Таскаева.

⁵ К настоящему времени удалось обработать протоколы за 1967–1989 гг.

даний — довольно формальный источник, по ним легко установить внешнюю канву жизни кафедры, но далеко не всегда — внутреннюю суть этой жизни во всей ее полноте и неизбежной противоречивости. Протоколы различаются по полноте и обстоятельности. Они с разной степенью подробности фиксировали выступления и реплики, звучавшие в ходе заседаний. Например, в сравнении с протоколами конца 1960-х — первой половины 1970-х гг., которые полны весьма живых обсуждений самых разных вопросов жизни кафедры и факультета, протоколы за 1979–1981 гг. кажутся более сухими. Имеются и временные пробелы⁶. Но замечательно, что протоколы начали разбирать, когда еще остались те, кто присутствовал на этих заседаниях, и за текстом «сухого и формального» источника слышит биение живого пульса, ощущает дыхание и волнение наших учителей и предшественников. Авторы настоящего обзора как раз и стремились на основе протоколов заседаний кафедры за 1967–1989 гг.⁷ представить не отчет о ее научной и учебной работе, а наиболее важные моменты истории кафедры как университетского живого организма⁸.

Первое, что бросается в глаза, это то, что кафедра в те годы была значительно более многочисленной по числу преподавателей и сотрудников и специализирующихся студентов. В разные годы штатных сотрудников полной номенклатуры должностей от м.н.с. и ассистента до с.н.с., старшего преподавателя и профессора было 18–19 человек, а вместе с преподавателями-совместителями (сотрудниками Института истории АН СССР д.и.н. В.А. Александровым, А.П. Новосельцевым, Я.Н. Щаповым) на кафедре трудились от 20 до 22 человек, что значительно больше нынешнего числа штатных сотрудников кафедры. Больше было и студентов: в отдельные годы на дневном отделении — до 24 чел., а на всех трех отделениях (дневном, вечернем и заочном) — свыше 40 (1980/1981 уч. год). Помимо учебных занятий на историческом факультете преподаватели кафедры вели

⁶ Отсутствуют сведения за март–июнь и октябрь–ноябрь 1988 г., за январь–март 1989 г.

⁷ В этот период заведующими кафедрой были Г.А. Новицкий (1963–1974), А.М. Сахаров (1974–1978), А.Д. Горский (1979–1988); в данной статье не рассматривается период, начавшийся с 1989 г., когда кафедру возглавил Л.В. Милославский. За 1963–1966 гг. протоколы заседаний в кафедральном архиве отсутствуют.

⁸ Кафедральные протоколы, несомненно, отражают не все стороны жизни учебного подразделения факультета. Кафедра, как и исторический факультет в целом, откликалась на те общественно-политические процессы, которые в обозначенные десятилетия происходили в стране, а преподаватели, сотрудники и студенты участвовали в различных мероприятиях, акциях и кампаниях университетского и государственного уровней. Однако изучение этой стороны жизни кафедры предполагает значительное расширение круга источников и заслуживает особого рассмотрения.

занятия на подготовительном отделении (рабфаке) 8 гуманитарных факультетов. Периодически на заседаниях кафедры повторялась мысль, что объем нагрузки только на подготовительном отделении для рабочей молодежи требует дополнительной преподавательской ставки на кафедре.

В рамках своего штатного расписания кафедра как структурное подразделение факультета имела возможность распоряжаться имевшимися у нее ставками. К примеру, на заседании 17 июня 1968 г. решался вопрос об освобождении должности доцента, занимаемой А.Д. Горским, в связи с его переходом на два года на ставку старшего научного сотрудника для завершения докторской диссертации. Обсудив возможную кандидатуру для временного замещения должности доцента, кафедра возбудила ходатайство об определении на нее А.С. Орлова, оканчивавшего аспирантуру в ноябре того же года. В выступлениях А.Д. Горского, П.П. Епифанова, А.М. Сахарова А.С. Орлов характеризовался как «проявивший себя очень способным к научно-исследовательской и научно-педагогической работе», а также обладатель больших организационных способностей, которые проявились в бытность его секретарем комсомольской организации факультета. Кафедра заботливо выращивала свои кадры, обеспечивая преемственность поколений. Их смена происходила постепенно, и почти все доценты и профессора кафедры разных десятилетий начинали свой профессиональный путь в составе коллектива от аспиранта, лаборанта, м.н.с. и ассистента.

Заседания в течение учебного года собирались, исходя из учебной и/или научной необходимости. Жесткой периодичности не было. Например, в 1979/1980 учебном году было 23 заседания, а в 1980/1981 — 18 заседаний. Это означает, что, по общему правилу, коллектив собирался раз в две недели, хотя встречаются и отклонения: месячные перерывы или заседания каждую неделю и даже несколько заседаний на одной неделе. На заседаниях обычно присутствовали аспиранты и стажеры, в том числе иностранные. О последних подробнее будет сказано ниже. На научные доклады приглашались коллеги из других научных и учебных организаций, на отчеты о практиках — студенты и школьные учителя.

Кафедра искала возможности оптимизации учебного процесса. До начала 1970-х гг. каждая просеминарская группа состояла из двух языковых, что в сумме составляло 19–20 человек. 30 июня 1972 г. коллектив поддержал предложение Л.Г. Кислягиной об ограничении числа студентов в семинарской группе 12 студентами. Таким образом, оптимальный размер семинарской группы, существующий в настоящее время, сформировался в результате активности кафед-

ры, из в года в год доказывающей и отстаивающей наиболее целесообразные формы и средства учебной работы.

Другая форма работы уже в рамках специализации — общекафедральный спецсеминар — вырос из существовавших на кафедре нескольких спецсеминаров для специализирующихся студентов. Их тематика объявлялась в начале года и не была связана с работой студентов над их дипломами. На заседании 1 сентября 1972 г. А.С. Орлов предложил реорганизовать спецсеминар в единый, состоящий из лекций преподавателей кафедры по основным направлениям своей специализации. Заведующий кафедрой Г.А. Новицкий поддержал это предложение. Реорганизовать отдельные спецсеминары в единый спецсеминар кафедры предлагала и профессор Н.Б. Голикова (10 апреля 1972 г.). После апробации общекафедрального спецсеминара в 1972/1973 учебном году на дневном отделении он был введен на вечернем и заочном отделениях. В настоящее время такой общекафедральный спецсеминар существует в виде курса «Актуальные проблемы истории России до начала XIX века». Спецсеминары отдельных преподавателей были заботой не только тех, кто ими руководил. Кафедра в целом стремилась держать под своим контролем всех специализирующихся студентов. К примеру, 8 июня 1981 г. на кафедре обсуждался вопрос «О спецсеминарах кафедры», и каждый из руководителей давал краткие характеристики специализирующимся под его руководством студентам. В тот год на 4-м и 5-м курсах на кафедре училось 11 очников, 10 вечерников и 21 заочник. Успехи студентов были неровными — перечень пестрит характеристиками вроде «исчез», «задание не выполнил, курсовую не подал», «не появлялась»; особенно это характерно для группы заочников. Перегруженные преподаватели кафедры (под руководством А.Д. Горского, Л.Г. Кислягиной, В.С. Шульгина, Б.И. Краснобаева над дипломами одновременно работали по 6 человек!) имели мало возможностей для воздействия на отстающих. Сами же заочники далеко не всегда успевали и были способны соответствовать университетским требованиям⁹. Заботой коллектива кафедры была и успеваемость студентов по всем предметам обучения. В целях контроля ежегодно в начале второго семестра на заседания кафедры приглашались старосты групп 3–4 курсов, которые в присутствии всей кафедры отчитывались об итогах зимней сессии.

Ежегодно на кафедре обсуждали итоги педагогической практики студентов в школе. На таких обсуждениях, как правило, присутствовала и давала характеристику работы каждого студента учитель

⁹ Последнее заочное отделение в МГУ перестало существовать в 2012 г. (факультет журналистики).

истории и блестящий методист, выпускница исторического факультета МГУ Бронислава Соломоновна Фридман. На протяжении не одного десятка лет она принимала наших студентов в московской школе № 56 на Кутузовском проспекте и передавала им мастерство школьного учителя. Причем в те годы во время педпрактики студенты не только давали 5–6 уроков, но и проводили внеклассные мероприятия, преимущественно в виде лекций и экскурсий по историческим местам Москвы. Примечательно, что отдельные уроки студентов посещали преподаватели кафедры, а осенью 1971 г. на одном из них присутствовал заведующий кафедрой Г.А. Новицкий. Впрочем, подобное внимание могло быть связано и с необходимостью по окончании обучения давать рекомендации по распределению, в том числе в школы и аспирантуру, включая внешнюю. На обсуждении отчета о педпрактике 1970 г. (протокол от 11.11.1970) М.Т. Белявский, присутствовавший на половине уроков студентов, сделал вывод: «Мы недостаточно учим студентов говорить», подчеркнув, что одним из методов обучения являются учебные экскурсии в музеях.

Немало внимания уделялось принципам приема экзамена по общему курсу. В мае 1970 г. на заседании кафедры профессор М.Т. Белявский заявил, что все лекторы — Б.А. Рыбаков, А.М. Сахаров, Г.А. Новицкий, М.Т. Белявский — принимают его по-разному. Для посещения экзаменов была создана комиссия в составе Н.Б. Голиковой, А.Д. Горского, Л.Г. Кислягиной и Б.И. Краснобаева (протокол от 25 мая 1970 г.). Тема была продолжена на одном из следующих заседаний. В докладе М.Т. Белявского о методике проведения экзаменов на 1-м курсе речь шла о 4-летнем эксперименте — его и А.М. Сахарова — экзаменовывать без билетов и в форме беседы. Эксперимент показал, что экзамен стал «более организованным», позволяющим студентам «отойти от “школярских” привычек сдачи экзаменов», а его результаты — «более объективными». Со стороны студентов, по словам М.Т. Белявского, недовольства и жалоб не поступало. Студенты показали более высокий уровень знаний материалов общего курса и источников (на что положительно повлияла и работа в музеях, вызывавшая у них живой отклик), но по-прежнему слабое знание монографий и карт. После экзамена среди студентов был проведен письменный опрос о том, что понравилось в экзаменах, и об экскурсиях. Многие ответы были для Белявского интересными. В частности: хорошие студенты — за продолжение эксперимента, плохие — за возвращение к билетам. А.М. Сахаров полностью поддержал Михаила Тимофеевича, указав, что «экзамен — часть обучения, и потому беседа со студентом у него на экзамене ведется [без подготовки и]

в присутствии всей группы (15–20 минут беседы и 2 контрольных вопроса в конце). При такой системе можно ставить «отлично» даже «при незнании некоторых фактических деталей». «Тот метод экзамена, который мы приняли, — подвел итог Сахаров, — требует умения студента думать, а это он должен воспринять от лектора». Однако он высказал мнение, что единую систему экзаменов на факультете устанавливать не нужно. Новый формат поддержали Л.Г. Кислягина и Н.Б. Голикова («при такой системе экзамена происходит “размывание середняка”. Такой экзамен больше похож на университетский экзамен»), А.К. Леонтьев (который в такой же манере экзаменует на в/о и з/о), Г.Н. Анпилогов. В целом по вопросу об экзаменах доминировал подход, согласно которому студента нужно спрашивать долго и обстоятельно, «со студентом на экзамене должен быть серьезный разговор» (А.Д. Горский). «На экзамене должен быть разговор по существу, должна быть глубокая беседа. Это не снимает знания фактического материала. Нужен момент анализа уровня мышления. Это на экзамене должно занять место» (А.М. Сахаров).

Знакомство с протоколами показывает, что обсуждение кафедрой итогов учебного года, результатов экзаменов и зачетов было не только формой обмена опытом преподавателей, но и основой для принятия решений, доводимых до соответствующих административных структур своего факультета и деканата тех факультетов, на которых читались курсы. Например, в июне 1975 г. было принято решение о введении на филологическом факультете дополнительного зачета в конце 1-го семестра.

Однако не все обсуждаемые на кафедре организационные вопросы удавалось решить. Так, неоднократно поднимался весьма актуальный и в наши дни сюжет о синхронном преподавании западного и русского средневековья, о возможности изучения студентами русского феодализма на 2-м курсе параллельно со средневековой историей стран Западной Европы. При обсуждении этой проблемы на заседании 12 марта 1973 г. Г.Н. Анпилогов заметил: «Обсуждаем план каждый год, а толку нет». Сложность разрешения этого вопроса, как и сейчас, была связана не только с технической задачей радикального изменения учебного плана, но и с неоднозначным определением в историографии хронологических рамок и границ Средневековья и Нового времени для стран Западной Европы и России.

Представители смежных учреждений приглашались факультетом для чтения спецкурсов — практика, совершенно утраченная позже. Ведущие специалисты из Института истории СССР в 1970-х — начале 1980-х гг. читали спецкурсы по истории внешней политики петровского времени (Л.А. Никифоров), по исто-

рии культуры народов СССР (А.М. Некрасова и Е.Л. Назарова), по проблеме происхождения крепостного права (В.И. Корецкий). Другой активный участник проходившей в те годы дискуссии по этой острой научной проблеме профессор Ленинградского университета Р.Г. Скрынников в период своей стажировки сделал доклад в рамках существовавшего на кафедре научно-студенческого общества.

Острой проблемой была рекомендация в аспирантуру. Специализировавшихся студентов было много (в отдельные годы на д/о до 24 человек, а на всех трех отделениях до 40), а мест в аспирантуру — одно-два. Для некоторых аспирантов пытались обеспечить места в других московских аспирантурах или ходатайствовали перед учебной частью факультета о выделении дополнительных мест (так было осенью 1973 г. с перспективой на следующий год). Выпуск 1974 г. был отмечен как очень сильный, в аспирантуры разных учреждений было рекомендовано: в очную 5 человек, в заочную 3 человека. Таким образом, рекомендация кафедры являлась реальным инструментом выявления и поддержки способных к научной деятельности студентов. Рекомендация не гарантировала поступления в аспирантуру, но являлась необходимым условием подачи заявления для сдачи экзаменов.

Немало внимания уделялось координации методов работы преподавателей разных кафедр, ведущих занятия на 1-м курсе. В частности, сохранился протокол заседания руководителей семинарских групп кафедр истории России и истории древнего мира от 27 мая 1976 г. Его участниками были: В.И. Кузицин, И.Л. Маяк, О.И. Савостьянова, А.А. Вигасин, В.Н. Донченко, А.М. Сахаров, Н.Б. Голикова, А.Д. Горский, Л.Г. Кислягина. Обсуждали принципы проведения просеминарских занятий и общие требования на экзаменах. В числе последних были сформулированы следующие положения: обязательное знание (наряду с фактическим материалом) теоретического материала; умение излагать свои знания, логически мыслить; знание материала, который изучался в течение года на семинарских занятиях, для чего лекторам, принимающим экзамен не в своей группе, иметь на экзаменах планы их семинарских занятий. Повышение требований на экзаменах должно было «поднять роль отличной оценки». Рекомендовалось перекрестное взаимное посещение преподавателями кафедр экзаменов по истории СССР и истории древнего мира.

Обсуждение учебных планов, программ курсов лекций и семинаров, новых спецкурсов и других рабочих материалов являлось частой темой заседаний и воспринималось всеми как необходимое условие обмена опытом преподавания, овладения методикой веде-

ния занятий молодыми сотрудниками, соответствия учебной работы университетскому уровню. Например, на заседании 2 февраля 1973 г. М.Т. Белявский сетовал, что старшее поколение кафедры мало помогает молодым коллегам овладевать «вершинами мастерства», и это было оценено как недостаток работы кафедры в подготовке смены. В том числе он советовал чаще посещать лекции молодых коллег. С пристальным вниманием обсуждались темы докладов в семинарах. Эту работу заинтересованно и неформально курировала заместитель заведующего кафедрой Л.Г. Кислягина. Из виду не упускались и занятия на подготовительном отделении МГУ (рабфаке). В отдельные годы обмену опытом преподавания там посвящались специальные заседания. На одном из них (10 декабря 1973 г.) А.С. Орлов предложил напечатать ротапринтным способом его лекции по истории СССР до конца XVIII в. на подготовительном отделении в качестве учебного пособия для поступающих. В 1975 г. кафедра обсудила текст лекций и рекомендовало их к печати. Так родилось широко известное и популярное среди абитуриентов пособие, переиздание которого происходило на протяжении многих лет.

Обращает на себя внимание разнообразие видов учебной работы, которую проводили на первом курсе преподаватели кафедры: наряду с аудиторными занятиями они устраивали для студентов выездные занятия в музеях (ГИМ), организовывали экскурсии в ЦГАДА (РГАДА), сами проводили разнообразные экскурсии по историческим местам Москвы. Весь коллектив кафедры считал экскурсии важнейшим направлением учебной деятельности. Причем экскурсии (как в музеях Москвы, так и на выезде) проводились не по личной инициативе преподавателей (что бывает и ныне), а в рамках учебного процесса и, как можно понять, в учебное время.

Впечатляют маршруты выездных производственных практик, обычно совместных с кафедрой источниковедения: Москва – Котлас – Великий Устюг – Сольвычегодск – Холмогоры – Архангельск – Соловки – Кемь – Петрозаводск – Кижи – Москва (1968 г.) или: Москва – Гороховец – Мстера – Холуй – Палех – Городец – Балахна – Семенов – Горький – Лысково – Болдино – Муром – Касимов – Рязань – Москва (1975 г.). Особую роль в жизни кафедры с 1984 г. играла Соловецкая практика (в разные годы она по-разному обозначена в протоколах: и как архивная, и как музейная, и как производственная).

Видимо, именно в начале 1973/1974 учебного года зарождается архивная практика: в сентябре на кафедре с докладом выступила директор ЦГАДА М.И. Автокротова. Начались систематические экскурсии студентов 1-го курса в этот архив, а в рамках многих спец-

семинаров (Н.Б. Голиковой, А.К. Леонтьева, В.С. Шульгина и др.) закрепились практика написания дипломных работ с использованием архивных документов, прежде всего по фондам РГАДА.

В 1981–1989 гг. кафедра истории СССР периода феодализма была заметным методическим центром исторического образования не только в СССР, но и за его пределами. Издавались разнообразные учебно-методические и учебные пособия для подготовительного отделения МГУ, по проведению всех видов учебных занятий (от семинаров, архивной практики, лекций до приема экзаменов, написания дипломных работ); публиковались исторические материалы для семинарских занятий, учебники и курсы лекций.

Насыщенной и разнообразной была научная жизнь кафедры. Обозначим только ряд направлений. Как и сейчас, на кафедре обсуждались рукописи монографий, индивидуальных и коллективных, проспекты многотомных собственных изданий («Очерки русской культуры XIII–XV вв.». Ч. 1, 2. М., 1969; «Очерки русской культуры XVI века». Ч. 1, 2. М., 1977; «Очерки русской культуры XVII века». Ч. 1, 2. М., 1979; «Очерки русской культуры XVIII века». Ч. 1–4. М., 1985–1990) и изданий академических институтов («История Сибири с древнейших времен до наших дней». В 5 т. Л., 1968–1969; «История крестьянства с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». В 5 т. Т. 1–3. М., 1987–1993), диссертации (от 2 до 10 в год), тематико-экспозиционные планы музеев и выставок.

Особенно интенсивно кафедра в 1980-е гг. сотрудничала с Государственным историческим музеем. Помимо того, что сотрудники кафедры регулярно проводили в залах музея занятия со студентами, они еще и участвовали в подготовке его экспозиций. 1 октября 1979 г. кафедра обсудила тематико-экспозиционный план экспозиции выставки «600-летие Куликовской битвы». Докладчиком выступал заместитель директора ГИМ А.И. Шкурко, а со стороны МГУ этот проект курировал А.С. Орлов. С тем же юбилеем связано издание известного сборника «Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины» (М.: Издательство МГУ, 1983), рукопись которого обсуждалась 26 июня 1981 г. Через год, 20 сентября 1982 г., новую экспозицию ГИМ также обсуждали на кафедре.

С научными докладами систематически выступали аспиранты, сотрудники кафедры, а также приглашенные специалисты, включая проходивших стажировку. Характерной чертой научной жизни кафедры было большое количество докладов аспирантов. Практически все их статьи предварительно заслушивались в качестве докладов. Все обсуждения, судя по протоколам, были длительными,

обстоятельными, высказывались многие преподаватели, каждому докладчику давались советы, звучала критика. Немало из этих докладов рекомендовались к печати в качестве статей. Причем нередко рекомендация происходила не сразу, а после доработки с учетом высказанных замечаний. Чаще всего это касалось докладов аспирантов. Отметим, что выступления сотрудников кафедры на конференциях рассматривались как общекафедральное дело. Так, на конференцию, посвященную 200-летию восстания Е.Т. Пугачева, было решено направить проф. М.Т. Белявского, и при этом его доклад предварительно должен был быть прочитан на кафедре.

Ежегодно на кафедре обсуждали 2–5 (в отдельные учебные годы, например в 1981–1982 — до 10) кандидатских диссертаций аспирантов, соискателей и сотрудников кафедры. Не каждое обсуждение было предзащитой. Были повторные обсуждения, и существовала практика обсуждения отдельных частей диссертации или незавершенного текста всей работы. Это помогало соискателю вовремя обратить внимание на слабые места, и к итоговому обсуждению представить более зрелое исследование (это нашло отражение, например, в протоколе от 3 июля 1968 г.). В мае 1968 г. Л.Г. Кислягина, м.н.с. кафедры, проходила переизбрание на должность и на вопрос, когда будет завершена диссертация, ответила, что работа готова, осталось написать заключение и обсудить две главы на кафедре. Из протоколов складывается впечатление, что практика обсуждения всего текста диссертации сложилась не сразу: в начале 1970-х гг. она уже существовала, но такое обсуждение именовалось предзащитой.

Сотрудники кафедры участвовали в подготовке атласа по истории СССР, для работы над ним в 1985 г. был заключен договор о сотрудничестве между историческим и географическим факультетами МГУ, Институтом истории АН СССР и производственным объединением «Картография» при Совете Министров СССР. 25 февраля 1985 г. атлас обсуждали на кафедре, в заседании принимали участие сотрудники сектора исторической географии Института истории АН СССР во главе с д.и.н. Я.Е. Водарским. С приходом на должность заведующего кафедрой Л.В. Милова сотрудничество с Академией наук активизировалось. На заседании кафедры 26 июня 1989 г. новый заведующий предложил проект создания совместного консорциума по применению ЭВМ для изучения массовых источников по истории России XVII–XVIII вв.

С докладами выступали представители смежных кафедр и учреждений. Регулярно на кафедре делал доклад директор Института археологии АН СССР, академик Б.А. Рыбаков. 11 марта 1980 г. со-

стоялось совместное заседание с кафедрой источниковедения, на котором был заслушан доклад Л.В. Милова «О классовой борьбе крепостного крестьянства в XVII–XVIII вв. (некоторые вопросы теории)». В обсуждении, помимо членов двух кафедр, приняла участие целая плеяда наиболее авторитетных ученых того времени — Н.И. Павленко, В.А. Александров, П.Г. Рындзюнский, Б.Г. Литвак, Е.В. Чистякова, Б.Н. Флоря, О.Г. Буховец. Участники обсуждения подчеркивали своевременность нового обсуждения этой традиционной для советской историографии проблемы, необходимость отхода от жестких социологических схем, характерных для работ более раннего периода.

2 апреля 1988 г. на совместном с кафедрой источниковедения заседании обсуждалась монография Д.П. Маковского «Первая крестьянская война в России». На него были приглашены коллеги из Института истории АН СССР (Н.И. Павленко, В.И. Корецкий), В.В. Мавродин (декан истфака ЛГУ), Ю.Г. Алексеев (Ленинградское отд. ИИ АН). Обсуждение вылилось в острую дискуссию вокруг предложенных автором попыток синхронизировать исторические процессы в странах Западной Европы и России на основе якобы одновременно происходившего в них в XVI в. процесса генезиса капитализма.

Доклады делали и иностранные стажеры кафедры, которых в 1970–1980-х гг. было много. На кафедре стажировались специалисты из ГДР, ПНР, Венгрии, Чехословакии, Италии, Греции, Франции, Англии, Швеции и США, в том числе широко известные впоследствии русисты В. Кивельсон и П. Бушкович (оба из США), В. Водофф (Франция), М. Шиппан (Германия), Ласло В. Молнар (Венгрия), Д. Астутто (Италия), Я. Тиктопулос (Греция), А. Браун (Англия). В 1979–1989 гг. на кафедре было 7 стажеров из США. Стажеры, по общему правилу, в начале своей работы представлялись кафедре и утверждали план стажировки, затем, ближе к ее концу, делали научный доклад и перед отъездом кратко отчитывались об итогах стажировки. 28 апреля 1980 г. с докладом на тему «Развитие религиозной идеологии в России XVII века (по материалам проповедей и сказаний о чудесах)» выступил Пол Бушкович. Автор стремился «посмотреть, как традиционные образы менялись с авторским привнесением в богословские тексты некоторых акцентов». Руководитель стажировки В.С. Шульгин и кафедра высоко оценили итоги 5-месячной стажировки американского исследователя.

Широкими и разнообразными были международные связи. На 1-м курсе учились студенты не только из социалистических государств (ГДР, ЧССР, МНР), но и из Мексики, Португалии, Мали, Ис-

паний и других стран. Еще более разнообразной была география зарубежных поездок преподавателей кафедры для участия в конференциях и чтения лекций. Она включала как страны соцлагеря (Болгария, Польша, ГДР, Югославия, Венгрия, Куба), так и Западной Европы (ФРГ, Франция, Италия, Швеция, Англия), Иран, Японию и другие страны Востока. Зимой 1986 г. доцент кафедры Н.С. Борисов проводил семинарские и лекционные занятия в Индии. А.Д. Сахаров был частым гостем в ГДР с целью совместной работы с немецкими коллегами над созданием учебника по истории СССР для средней школы ГДР, а также чтения лекций в университете Гумбольдта. В этот университет дорога для преподавателей нашей кафедры была проторенной.

Все преподаватели и сотрудники относились к кафедре как к родному дому. В сентябре 1970 г. профессор М.Т. Белявский выступил с докладом «Об оформлении помещения кафедры и некоторых полезных традициях». Решили: всем членам кафедры принести свои книги для хранения на кафедре; составить список всех выпускников, докторов и кандидатов, их биографии и библиографии (ответственный — науч. ред. А.И. Фёдорова); «организовать уют на кафедре» (купить вазы и кашпо для цветов, изготовить тематические картины на стены).

Таким образом, несомненно, что кафедра жила активной, динамичной, полнокровной жизнью. Кипела и научная, и педагогическая, и методическая, и воспитательная работа. Заседания отличались демократичным и конструктивным настроем, сотрудники свободно обсуждали работу и труды друг друга. Кафедра выступала как единый организм, тон в работе которого задавали наиболее авторитетные преподаватели: М.Т. Белявский, А.Д. Горский, Н.Б. Голикова, А.М. Сахаров, Л.В. Милов, Л.Г. Кислягина, А.К. Леонтьев, В.С. Шульгин. Творческая атмосфера учебной и научной деятельности, в которую включались аспиранты и молодые преподаватели, способствовала их профессиональному росту и восприятию традиций университетской жизни.

References

Letopis' Moskovskogo universiteta. Istoricheskiy fakul'tet [Chronicle of Moscow University. Faculty of History] / Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2009. 384 p.

Поступила в редакцию
24 марта 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-127-138

С.В. Орлов

О ФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В МОСКВЕ (1990–2010 гг.)

S.V. Orlov

ON THE FACTOR MODEL FOR STUDYING THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE INFORMATION SOCIETY IN MOSCOW (1990–2010)

Аннотация. Глобальная государственная задача обеспечения гарантированного доступа граждан к информации и знаниям не имеет в современном научном дискурсе единства в понимании процессов информатизации социума. Поиск значимых теоретических оснований требует рассмотрения методологических подходов к изучению информационного общества в их исторической ретроспективе, что позволяет глубже понять сущность изучаемого явления. При всем многообразии имеющихся на сегодняшний день подходов их, несомненно, объединяет то, что повышение роли информации и знаний, производство и широкомасштабное использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в основных сферах жизнедеятельности рассматриваются исследователями как важнейшее условие развития информационного общества на современном этапе. Базовый признак информационного общества характеризуется именно высоким уровнем развития и использования информационно-коммуникационных технологий (уровень информатизации общества). ИКТ являются локомотивом социально-экономического развития, и изучение факторов и закономерностей их развития на примере московского социума позволяет выявить тенденции, влияющие в целом на развитие информационного общества. Рассмотрение становления такового на основании имеющихся исторических фактов и изучения процессов в Москве дают возможность предложить

Орлов Степан Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Orlov Stepan Vladimirovich, PhD Candidate in Economics, Associate Professor, Head, Department of the History of Social Movements and Political Parties, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

s712000@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7117-5447

многомерную факторную модель развития изучаемого объекта, содержащую обобщенные факторы (размерности), характеризующие родственными аспектами (показателями). Имеющийся материал позволяет уверенно говорить о шести типах размерностей, для каждой из которых характерны свои виды показателей. Подробное изучение показателей обобщенных факторов позволяют говорить о региональной неравномерности формирования информационного общества в России. Интересным представляется то, что на протяжении ряда лет группы регионов-лидеров и аутсайдеров остаются устойчиво стабильными. Именно это обстоятельство наглядно подтверждает гипотезу о том, что успех продвижения России к информационному обществу не только детерминирован рядом конкретно-исторических факторов, но и во многом зависит от участия в этом процессе граждан, бизнес-структур, органов власти и местных сообществ, степени их активности, готовности к переходу на использование высоких технологий.

Ключевые слова: информационное общество, информатизация, факторная модель, обобщенные факторы (размерности), информационно-коммуникационные технологии, аспекты (показатели).

Abstract. The global challenge of ensuring citizens' guaranteed access to information and knowledge lacks a unified understanding of the processes of societal informatization in contemporary scientific discourse. To establish meaningful theoretical foundations, it is essential to consider methodological approaches to studying the information society in historical retrospect, as this deepens our understanding of the phenomenon. Despite the variety of current approaches, they all share the view that the growing role of information and knowledge, as well as the production and widespread use of information and communication technologies (ICT) across key sectors of life, are crucial conditions for the development of the information society in the modern era. The hallmark of an information society is its high level of ICT development and usage (the level of societal informatization). ICT is the driving force behind socio-economic progress, and by studying the factors and patterns of its development in the context of Moscow's society, we can identify trends that broadly influence the development of the information society. Analyzing its formation based on historical evidence and specific processes in Moscow allows us to propose a multidimensional factor model, incorporating generalized factors (dimensions) characterized by interconnected aspects (indicators). The data clearly point to six types of dimensions, each defined by its own set of indicators. A detailed examination of these generalized factors reveals regional disparities in the development of the information society across Russia. Notably, for several years, the groups of leading and lagging regions have remained relatively stable. This underscores the hypothesis that Russia's progression toward an information society is not only shaped by specific historical factors but also largely depends on the involvement of citizens, businesses, government agencies, and local communities, as well as their level of engagement and readiness to adopt advanced technologies.

Keywords: information society, informatization, factor model, generalized factors (dimensions), information and communication technologies, aspects (indicators).

Идеи об использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) имеют долгую историю, тем не менее только в 90-х гг. XX века человечество осознало необходимость их широкого внедрения в различные области жизнедеятельности — государственное управление, бизнес, образование, культуру и др.

Поскольку переход человечества на информационную стадию развития на данный момент не завершен, в современной гуманитарной науке не достигнуто теоретико-методологическое единство в вопросах изучения процессов информатизации социума. Тем не менее, обобщение основных подходов и концепций к проблематике информационного общества, получивших распространение в научной литературе, позволяет выделить ряд факторов, влияющих на формирование и развитие информационного общества.

Концепция информационного общества берет начало из теоретических положений об изменении движущих сил развития от производства материальных благ к центральной роли информации и знаний. Она возникла в Японии на рубеже 1960–1970-х гг., а несколько позднее, в 1970–1980-х гг., была конкретизирована и осмыслена американскими и европейскими учеными.

Осмысление феномена информационного общества велось видными зарубежными исследователями, такими как Д. Белл («постиндустриальное общество»); Э. Тоффлер («супериндустриальное информационное общество»); П. Дракер («посткапиталистическое общество»); М. Кастельс («сетевое общество»); М. Маклюэн («электронное общество»), Д. Тапскотт («цифровая экономика»)¹, а также отечественными специалистами Р.Ф. Абдевым, Т.В. Ершовой, И.С. Мелюхиным, Ю.А. Нисневичем, А.И. Ракитовым, Г.Л. Смоляном, Д.С. Черешкиным, Ю.Е. Хохловым и другими, которые в 1990-х гг. включились в научно-теоретический дискурс по данной проблематике.

В целом можно выделить два основных теоретико-методологических подхода к осмыслению сущности информационного общества, в том числе истории его формирования.

¹ Подробнее см.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004; Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 67–100; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; Он же. Галактика интернет. Екатеринбург, 2004; McLuhan M. Understanding media: The Extensions of Man. New York, 1967; Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта. Киев; М., 1999.

Сторонники первого похода (Д. Белл, Т. В. Ершова, М. Кастельс, Е. Масуда, Э. Тоффлер, Ю. Е. Хохлов, Д. С. Черешкин) считают, что информационное общество представляет собой новый этап в развитии человечества.

Представители второго подхода (Т. Стоуньер, М. Маклюэн, А. Турен, П. Дракер) полагают, что информационное общество является результатом информатизации существующего индустриального общества.

Несмотря на различные подходы к определению современного состояния социума все исследователи отмечают, что важнейшим условием развития информационного общества является повышение роли информации и знаний, производство и широкомасштабное использование ИКТ в основных сферах жизнедеятельности.

Таким образом, базовый, системообразующий признак информационного общества характеризуется высоким уровнем развития и использования ИКТ (информатизация).

В доминирующих определениях информационного общества акцентируется внимание на повсеместное использование ИКТ, которые кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни людей. Мировой опыт показывает, что новые технологии, в том числе ИКТ, стали локомотивом социально-экономического развития многих стран, а обеспечение гарантированного доступа граждан к информации и знаниям — одной из главных задач государства.

В этой связи представляется обоснованным прогноз, что основные черты информационного общества, проявившиеся в наиболее развитых странах, при стабильных социально-политических и экономических условиях будут свойственны и России при переходе к информационному обществу. Эта рабочая гипотеза базируется в том числе на предварительных итогах изучения автором истории процессов информатизации в Москве в период с 1990 по 2010 г., которые отражены в научных публикациях².

² См.: Орлов С.В. Исторические аспекты информатизации Контрольно-счетной палаты Москвы (1994–2014 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. № 1. С. 165–177; *Он же*. Региональное законодательство об информатизации как часть законодательной системы Российской Федерации // Информационное общество. 2023. № 1. С. 65–76; *Он же*. Историография крупнейших советских проектов информатизации (ЕГСВЦ, ОГАС, АСПР) // Человеческий капитал. 2022. Т. 1. № 5 (161). С. 34–47; *Он же*. Информационное общество в России в новейшее время: страницы истории // Клио. 2021. № 02 (170). С. 102–111; *Он же*. Этапы становления цифровой экономики: экономическая сущность информации (на примере города Москвы) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 1. С. 108–127; Орлов С.В., Ершова Т.В., Хохлов Ю.Е. Концепция движения Москвы к информационному обществу // Информационное общество. 2000. № 1. С. 27–31.

На протяжении многолетней научной и практической деятельности исследовательской целью было выявление реально действующих факторов, которые стимулировали (объединяли) московский социум в движении к информационному обществу, а также определение степени их влияния. При этом принималось во внимание, что не все факторы в равной степени влияют на процессы информатизации, некоторые в конкретных условиях так и «не наполняются» необходимым содержанием.

При изучении истории формирования информационного общества в Москве предлагается рассматривать многомерную факторную модель развития информационного общества, содержащую *обобщенные факторы (размерности)*, характеризующие родственными *аспектами (показателями)*, которые применяются при конкретно-историческом исследовании процессов развития информационного общества. Подобный подход, ставший доминирующим с начала 2000-х гг., получил дальнейшее развитие в современных методиках оценки уровня развития цифровой экономики³.

Следует особо отметить, что основные размерности факторной модели развития информационного общества связаны не только с производством и уровнем зрелости самих ИКТ или информационно-коммуникационной инфраструктуры, но и с уровнем их использования гражданами, коммерческими организациями, органами государственной власти и местного самоуправления. На сегодняшний день общепризнано, что существенное влияние на развитие информационного общества оказывают такие факторы, как государственная политика, нормативное регулирование, благоприятная деловая среда, развитый человеческий капитал и некоторые другие.

Наличие высоких значений показателей, характеризующих отмеченные факторы, и служат базовыми признаками идентификации и характеристики конкретно-исторической стадии формирования информационного общества.

Как отмечено выше, отличительной особенностью информационного общества является массовое применение ИКТ. Одной из

³ Готовность России к информационному обществу. Оценка возможностей и потребностей широкомасштабного использования информационно-коммуникационных технологий. М., 2001; Готовность России к информационному обществу. Оценка ключевых направлений и факторов электронного развития: аналитический доклад. М., 2004; Анализ текущего состояния развития цифровой экономики в России. М., 2018; Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации. Вашингтон, 2018. — URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/848071539115489168/text/Competing-in-the-Digital-Age-Policy-Implications-for-the-Russian-Federation-Russia-Digital-Economy-Report.txt> (дата обращения 10.03.2024).

размерностей предлагаемой факторной модели является **«ИКТ в домохозяйствах»**, которая характеризуется такими основными показателями, как число ПК на 100 домохозяйств; доля домохозяйств, имеющих мобильный сотовый телефон; доля домохозяйств, имеющих доступ в интернет. Данная размерность демонстрирует проникновение информатизации в быт, повседневную жизнь людей и позволяет судить, насколько она стала более комфортной и продвинутой.

Другая размерность **«Использование ИКТ в бизнесе»** с такими основными показателями, как доля предприятий, имеющих доступ к интернету; доля предприятий, имеющих персональный компьютер и необходимое программное обеспечение, демонстрирует проникновение технологий в бизнес-процессы коммерческих организаций, позволяя им более эффективно организовывать свою работу и быть конкурентоспособными.

Отдельного рассмотрения заслуживают размерности, связанные с социальной сферой и оказывающие непосредственное влияние на жизнь людей. Например, размерность **«Использование ИКТ в сфере здравоохранения»** охватывает применение технологий для целей здравоохранения в самых разных условиях, как внутри, так и за пределами медицинских учреждений (электронное здравоохранение, мобильное здравоохранение и телемедицина и пр.). Наряду с показателями обеспеченности лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ) компьютерами (числом ПК на 100 занятых), широкополосным доступом в интернет (доля подключенных ЛПУ) также применяются показатели использования в ЛПУ систем электронного документооборота (доля ЛПУ, использующих СЭД) или медицинских информационных систем (доля ЛПУ, использующих МИС).

Аналогичные размерности **«Использование ИКТ в образовании»** и **«Использование ИКТ в культуре»** наряду с инфраструктурными показателями обеспеченности организаций образования или культуры компьютерами и доступа в интернет, характеризуются такими показателями, как доля школ, в которых ведется электронный дневник, или доля библиотек (музеев), имеющих электронный каталог.

Размерность **«Использование ИКТ в государственном управлении»** демонстрирует степень информатизации государственного и муниципального управления, что позволяет радикально улучшить качество предоставления государственных и муниципальных услуг и повысить эффективность функционирования органов власти и местного самоуправления. Этот фактор характеризуется прежде

всего показателями, связанными с долями государственных органов и органов местного самоуправления, имеющими доступ в интернет, собственные веб-сайты, другими показателями уровня использования ИКТ, в том числе для обеспечения обратной связи с гражданами через интернет. Следует отметить, что в 1990–2010 гг. Москва стала лидером российской информатизации во многом потому, что активными ее проводниками стали представители городских властей во главе с мэром Москвы Ю.М. Лужковым. Движение к информационному обществу в Москве рассматривалось в качестве одной из приоритетных задач московских властей.

Переходя к другим размерностям, факторной модели развития информационного общества, следует обратить внимание на такой фактор, как **«ИКТ-инфраструктура»**, описываемый такими наблюдаемыми конкретно-историческими показателями, как проникновение сотовой связи (число абонентов на 100 человек населения); число персональных компьютеров на 100 человек населения; число абонентов фиксированного широкополосного доступа в интернет.

Важнейшим фактором развития информационного общества и его предпосылкой является наличие человеческого капитала, т.е. совокупности знаний, способностей и умений членов общества, прежде всего экономически активного населения. Эти свойства человеческого капитала не в меньшей степени, нежели технологии и инфраструктура, определяют результативность жизнедеятельности и функционирования нового типа общества. Размерность **«Человеческий капитал»** характеризуется такими основными показателями, как доля занятого населения, имеющего высшее образование, или число студентов вузов на 1000 человек населения, равно как и показателями численности выпускников по направлениям в сфере ИКТ. По уровню развития человеческого капитала российские регионы значительно отличаются друг от друга. В приоритете оказываются регионы с образованным и обучаемым населением, стремящимся к овладению информационной культурой и новыми технологиями.

Информатизация в немалой степени зависит от уровня производства валового регионального продукта (ВРП), бюджетной обеспеченности и доходов населения или домохозяйств. Совокупность подобных показателей составляет размерность **«Деловая среда»**, характеризующая состояние экономической среды и ее готовности к внедрению ИКТ. К ним также относятся такие показатели, как доходы регионального бюджета на душу населения или ВРП на душу населения.

При этом изучение и анализ вышеперечисленных *факторов (размерностей)*, свидетельствующие о резко возросшей с 1990 до 2010 г. в Москве количественной динамике изменения *аспектов (показателей)*, позволяют делать выводы относительно характера процессов информатизации, а также восприимчивости различных сфер жизнедеятельности московского социума к внедрению ИКТ.

Одним из важнейших факторов, оказывающих существенное влияние на целенаправленное развитие информационного общества, является «**Государственная политика**», проводимая органами власти на национальном уровне (в случае страны) и/или на субнациональном уровне (в случае федеративного государства).

Среди показателей, оценивающих те или иные аспекты проводимой государственной политики, ее эффективность, можно рассматривать наличие и комплексность стратегии развития информационного общества, а также обеспеченной соответствующими ресурсами программы мероприятий по реализации стратегии.

В этом отношении Москва была первой в Российской Федерации, разработавшей и утвердившей в 2001 г. Концепцию движения Москвы к информационному обществу⁴, а вслед за этим начавшей в 2003 г. реализацию многолетней комплексной городской целевой программы «Электронная Москва»⁵. Примечательно, что затраты бюджета столицы на реализацию этой программы в 2003–2008 гг. сопоставимы с расходами на все мероприятия во многом сходной по целям и задачам федеральной программы «Электронная Россия» до 2010 г.⁶

Формирование информационного общества в России связано с региональной неравномерностью этого процесса. По данному срезу видно, что выигрывают территории, где функционирует продвинутый бизнес, в быту люди пользуются всеми благами информационного общества (от персонального компьютера до смартфона), где много студентов, исследователей, научных и образовательных

⁴ Концепция движения Москвы к информационному обществу / Предисл.: С.В. Орлов, Ю. Е. Хохлов. М., 2001.

⁵ Подробнее см.: «Электронная Москва» — городская целевая программа (ГЦП) города Москвы, определяющая состав мероприятий по применению информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в городском управлении и социальной сфере. Утверждена Законом города Москвы от 9 июля 2003 года № 47 «О Городской целевой программе “Электронная Москва”».

⁶ Подробнее см.: «Электронная Россия» — федеральная целевая программа, действовавшая в Российской Федерации в 2002–2010 годах и направленная на внедрение технологий «электронного правительства». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе “Электронная Россия” (2002–2010 годы)».

учреждений. Успехи на пути движения Москвы к информационному обществу в изучаемый период фиксируют многочисленные социологические и экспертные исследования, посвященные тенденциям и закономерностям формирования городского информационного социума.

В частности, Институт развития информационного общества (ИРИО)⁷ с 2001 г. по 2015 г. проводил оценку готовности России и ее регионов к информационному обществу. Результаты исследования отражены в публиковавшемся с 2005 г. Индексе готовности регионов России к информационному обществу⁸. Методология ИРИО направлена на оценку степени и динамики различий между субъектами РФ в информационной сфере. Индекс рассчитывается на основе показателей, характеризующих основные факторы развития информационного общества (человеческий капитал, экономическую среду и ИКТ-инфраструктуру), а также использование ИКТ в шести областях (государственное и муниципальное управление, образование, здравоохранение, бизнес, культура, домохозяйства).

Как показывают данные Индекса готовности российских регионов к информационному обществу, группы регионов-лидеров и аутсайдеров с точки зрения внедрения ИКТ в России достаточно стабильны. Первые места традиционно занимают столицы (Москва и Санкт-Петербург) и богатые ресурсодобывающие регионы (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа). На последних местах находятся республики Северного Кавказа и регионы Сибири. При этом информационное неравенство регионов продолжает оставаться довольно существенным⁹.

В связи с вышеизложенным, подтверждается высказанная автором гипотеза о том, что успех продвижения России к информационному обществу детерминирован не только рядом конкретно-исторических факторов, но и во многом зависит от участия в этом процессе

⁷ Институт развития информационного общества (ИРИО) — независимая исследовательская и сервисная организация, созданная 7 сентября 1998 г.

⁸ Подробнее см.: Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2013–2014. Анализ информационного неравенства субъектов Российской Федерации / Под ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М., 2015; Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2009–2010 / Под ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М., 2011; Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2008–2009 / Под ред. Ю.Е. Хохлова и С.Б. Шапошника. М., 2010; Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2005–2006. М., 2007; Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2004–2005 / Под ред. Т.В. Ершовой, Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М., 2005; и др.

⁹ См., например: Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2009–2010.

граждан, бизнес-структур, органов власти и местных сообществ, от степени готовности российских организаций и граждан к переходу на использование высоких технологий.

В настоящее время процесс движения к информационному обществу однозначно рассматривается в качестве основного драйвера социального, экономического и культурного развития.

Детальное изучение проявления совокупности предлагаемых факторов и условий на конкретно-историческом материале позволяет воссоздать историю формирования национального информационного общества.

References

Abdeyev R.F. *Filosofiya informatsionnoy tsivilizatsii: dialektika progressivnoy linii razvitiya kak gumanisticheskaya filosofiya cheloveka XXI veka* [Philosophy of the Information Civilization: The Dialectics of a Progressive Development Line as a Humane Universal Philosophy for the 21st Century's Man]. Moscow: Gumanitarno-izdatel'skiy tsentr "VLADOS", 1994. 334 p.

Analiz sovremennogo sostoyaniya razvitiya tsifrovoy ekonomiki v Rossii [Analysis of the Current State of Digital Economy Development in Russia]. Moscow: Institut razvitiya informatsionnogo obshchestva, 2018. 166 p.

Bell D. *Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow: Akademia, 2004. 783 p.

Castells M. *Informatsionnyy vek: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society, and Culture]. Moscow: Izdatel'stvo GU VShE, 2000. 608 p.

Castells M. *Internet-galaktika: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society]. Yekaterinburg: U-Faktoria, 2004. 327 p.

Chereshkin D.S. *Problemy obespecheniya kiberbezopasnosti kriticheski vazhnykh ob'yektov natsional'noy infrastruktury* [Issues of Cybersecurity for Critical National Infrastructure Objects] // *Vestnik MFUA*. 2014. N 3. P. 159–166.

Chereshkin D.S., Smolyan G.L. *Setevaya informatsionnaya revolyutsiya* [The Network Information Revolution] // *Informatsionnyye resursy Rossii*. 1997. N 4. P. 15–18.

Drucker P. *Postkapitalisticheskoye obshchestvo* [Post-Capitalist Society] // *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade: antologiya* [The New Post-Industrial Wave in the West: An Anthology]. Moscow: Akademia, 1999. P. 67–100.

Gotovnost' Rossii k informatsionnomu obshchestvu. Otsenka klyuchevykh napravleniy i faktorov elektronnoy razvitiya: analiticheskiy otchet [Russia's Readiness for the Information Society: Assessment of Key Areas and Factors of Electronic Development: Analytical Report] / Ed. by S.B. Shaposhnik, N.V. Brakker, O.N. Vershinskaya et al. Moscow: Institut razvitiya informatsionnogo obshchestva, 2004. 250 p.

Gotovnost' Rossii k informatsionnomu obshchestvu: otsenka vozmozhnostey i potrebnostey shirokomasshtabnogo ispol'zovaniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy [Russia's Readiness for the Information Society: Assessment of Opportunities and Needs for Large-Scale Use of Information and Communication Tech-

- nologies] / Ed. by. O.N. Vershinskaya, V.I. Drozhzhinov, T.V. Ershova et al. Moscow: Institut razvitiya informatsionnogo obshchestva, 2001. 113 p.
- Indeks gotovnosti regionov Rossii k informatsionnomu obshchestvu 2004–2005 gg.* [Index of the Readiness of Russia's Regions for the Information Society 2004–2005] / Ed. by T.V. Ershova, Yu.E. Khokhlova, S.B. Shaposhnik. Moscow: Institut razvitiya informatsionnogo obshchestva, 2005. 223 p.
- Indeks gotovnosti regionov Rossii k informatsionnomu obshchestvu 2005–2006 gg.* [Index of the Readiness of Russia's Regions for the Information Society 2005–2006]. Moscow: Institut razvitiya informatsionnogo obshchestva, 2007. 243 p.
- Indeks gotovnosti regionov Rossii k informatsionnomu obshchestvu 2009–2010: analiz informatsionnogo razryva sub"yektov Rossiyskoy Federatsii* [Index of the Readiness of Russia's Regions for the Information Society 2009–2010: Analysis of Information Inequality in the Constituent Territories of the Russian Federation] / Ed. by T.V. Ershova, Yu.Ye. Khokhlov, S.B. Shaposhnik. Moscow: Institut razvitiya informatsionnogo obshchestva, 2011. 360 s.
- Indeks gotovnosti regionov Rossii k informatsionnomu obshchestvu 2013–2014: analiz informatsionnogo razryva sub"yektov Rossiyskoy Federatsii* [Index of the Readiness of Russia's Regions for the Information Society 2013–2014: Analysis of Information Inequality in the Constituent Territories of the Russian Federation] / Ed. by A.V. Evtushkin, A.M. Elizarov, R.U. Elizarov et al. Moscow: Institut razvitiya informatsionnogo obshchestva, 2015. 536 s.
- Konkurentsia v epokhu tsifrovyykh tekhnologiy: strategicheskiye vyzovy dlya Rossiyskoy Federatsii. Vsemirnyy bank, Washington, okrug Columbia. Litsenziya: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO* [Competing in the Digital Age: Strategic Challenges for the Russian Federation. World Bank, Washington, D.C. License: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO]. — URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/848071539115489168/text/Competing-in-the-Digital-Age-Policy-Implications-for-the-Rossiyskaya-Federatsiya-Rossiya-Tsifrovaya-Ekonomika-Report.txt>
- Masuda Y. *The Information Society as Post-Industrial Society*. Washington: World Future Society, 1983. XIV, 171 p.
- McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. London: Sphere Book, 1967. 381 p.
- Melyukhin I.S. *Informatsionnoye obshchestvo: istoki, problemy, tendentsii razvitiya* [The Information Society: Origins, Problems, and Development Trends]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1999. 206 p.
- Nisnevich Yu.A. *Transformatsiya institutov gosudarstva v usloviyakh postindustrial'nogo tranzita* [Transformations of the State Institution in the Context of Post-Industrial Transition] // *Politia*. 2011. N 2 (61). P. 175–185.
- Orlov S.V. *Etapy stanovleniya tsifrovoy ekonomiki: ekonomicheskaya sushchnost' informatsii (na primere goroda Moskvy)* [Stages of Digital Economy Formation: The Economic Essence of Information (The Moscow City Case)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2021. N 1. P. 108–127.
- Orlov S.V. *Informatsionnoye obshchestvo v Rossii v nashe vremya: stranitsy istorii* [The Information Society in Russia in Recent Times: Pages of History] // *Klio*. 2021. N 2 (170). P. 102–111.
- Orlov S.V. *Istoricheskiye aspekty informatizatsii Kontrol'no-schetnoy palaty Moskvy (1994–2014 gg.)* [Historical Aspects of the Informatization of the Moscow

Audit Chamber (1994–2014)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2023. N 1. P. 165–177.

Orlov S.V. *Istoriografiya krupneyshikh sovetskikh proyektov informatizatsii (YEGSVTS, OGAS, ASPR)* [Historiography of Major Soviet Informatization Projects (EGSVTS, OGAS, ASPR)] // *Chelovecheskiy kapital*. 2022. N 5-1 (161). P. 34–47.

Orlov S.V. *Regional'noye zakonodatel'stvo ob informatizatsii kak chast' zakonodatel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii* [Regional Informatization Legislation as Part of the Legislative System of the Russian Federation] // *Informatsionnoye obshchestvo*. 2023. N 1. P. 65–76.

Orlov S.V., Khokhlov Yu.Ye. *Predisloviye* [Preface] // *Kontseptsiya dvizheniya Moskvyy k informatsionnomu obshchestvu* [A Concept of Moscow's Transition to the Information Society]. Moscow: Institut razvitiya informatsionnogo obshchestva, 2001. 127 p.

Put' Rossii k informatsionnomu obshchestvu: predposylki, indikatory, problemy, osobennosti [Russia's Path to the Information Society: Preconditions, Indicators, Problems, Features] / G.L. Smolyan, D.S. Chereskin, O.N. Vershinskaya et al. Moscow: Institut sistemnogo analiza RAN, 1997. 64 p.

Rakitov A.I. *Informatsiya, nauka, tekhnologii v global'nykh istoricheskikh izmeneniyakh* [Information, Science, Technology in Global Historical Changes]. Moscow: Direkt-Media, 2014. 105 p.

Tapscott D. *Elektronnoye i tsifrovoye obshchestvo: plyusy i minusy epokhi setevogo intellekta* [The Digital Economy: Promise and Peril in The Age of Networked Intelligence]. Moscow: Relf-buk, 1999. 403 p.

Toffler E. *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST, 1999. 784 p.

Touraine A. *The Postindustrial Society: Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society*. New York: Random House, 1971. VIII, 244 p.

Yershova T.V. *Informatsionnoye obshchestvo — eto my!* [The Information Society is Us!]. Moscow: Institut razvitiya informatsionnogo obshchestva, 2008. 510 p.

Поступила в редакцию
14 апреля 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-139-155

Н.Д. Андреев

**АФРИКАНСКИЕ МИГРАНТЫ В АВСТРИИ
В НАЧАЛЕ 2020-х гг.: ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА,
ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ И ОПЫТ
ИХ НАТУРАЛИЗАЦИИ**

N.D. Andreev

**AFRICAN MIGRANTS IN AUSTRIA IN THE EARLY 2020s:
OFFICIAL POLICIES, PERCEPTIONS AND
NATURALIZATION EXPERIENCES**

Аннотация. Миграционный кризис 2010-х гг. в странах Запада получил новый импульс от пандемии COVID-19. В результате действия мигрантов по отстаиванию своих прав в местах их нового проживания приобрели ярко выраженный радикализм. В свою очередь, в принимающих обществах стало усиливаться недовольство миграционной политикой, проводимой руководством западных стран. Вместе с тем расширяются сети общественных инициатив, оказывающих переселенцам помощь в деле их адаптации к новым условиям проживания и в трудоустройстве. В статье характеризуются проявления такого инспирированного пандемией кризиса во взаимоотношениях между мигрантами и принимающим обществом в Австрии в начале 2020-х гг. на примере адаптации африканских мигрантов. Для этого подробно разбирается специфика официальной политики этой страны в отношении мигрантов, которая отличается от позиции, преобладающей в странах Евросоюза. Также приводятся мнения самих мигрантов, представителей академических кругов и правозащитных организаций по поводу того,

Андреев Николай Дмитриевич, младший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН

Andreev Nikolai Dmitrievich, Junior Research Fellow, Centre of Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

nikolai.andreev1613@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5345-5350

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00123 «Трансграничные перемещения населения: ограничения и перспективы международного регулирования в условиях миграционного кризиса»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00123 “Cross-Border Population Movements: Restrictions and Prospects for International Regulation in the Context of a Migration Crisis”).

можно ли считать условия в современной Австрии расистскими в отношении иммигрантов из Африки. Подробно рассматривается деятельность неправительственных организаций — австрийских или созданных в других странах, но при этом связанных с Австрией — по оказанию разнообразной помощи как непосредственно жителям Африки, так и мигрантам из этого континента в Европе (и, в частности, в Австрии). Рассказывается об истории возникновения этих организаций, особенностях их регистрации и встраивания их деятельности в общий контекст активности аналогичных неправительственных структур. Анализируются целевые аудитории, которым адресована работа таких организаций. Оценивается степень вовлечения в их инициативы представителей местных граждан. Делается вывод, что в настоящее время ситуация с африканскими мигрантами в Австрии является типичной для стран всего Евросоюза с точки зрения их претензий к местным властям и автохтонному населению, несмотря на специфические и отличающиеся от преобладающих в ЕС правительственные меры по управлению сообществом мигрантов.

Ключевые слова: Австрия, Африка, Евросоюз, мигранты, миграционная политика, общественные инициативы по адаптации мигрантов.

Abstract. The migration crisis of the 2010s in Western countries was exacerbated by the COVID-19 pandemic, leading to more radical actions by migrants defending their rights in their host countries. At the same time, dissatisfaction with Western governments' migration policies grew among local populations. However, public initiatives aimed at helping migrants adapt to new living conditions and integrate into the labor market also expanded. This article examines the impact of this pandemic-driven crisis on relations between migrants and host societies in Austria in the early 2020s, focusing on the adaptation experiences of African migrants. It explores Austria's official migration policy, highlighting its distinctions from the broader European Union approach. The article features perspectives from migrants, academics, and human rights organizations on whether Austria's treatment of African migrants can be considered racist. It also provides an in-depth analysis of non-governmental organizations (NGOs) — both Austrian and international — that offer assistance to African migrants. The author discusses the origins, registration processes, and integration of these NGOs into the broader network of similar organizations. Additionally, the article examines the target audiences of these organizations and the degree of local citizen involvement in their activities. It concludes that the situation of African migrants in Austria is broadly representative of the challenges faced by migrants across the European Union, despite Austria's distinct governmental measures for managing migrant communities.

Keywords: Austria, Africa, European Union, migrants, migration policy, public initiatives for migrant adaptation.

* * *

В начале 2020-х гг. повсеместно в странах Запада наблюдается обострение проблемы с мигрантами из развивающихся стран, в том

числе африканских. Переселенцы стали более активно и жестко отстаивать свои права и демонстрировать нетерпимость к тем действиям официальных властей принимающих стран и их местных жителей, которые расцениваются мигрантами как попытки ограничивать их возможности или как проявления нетерпимости на национальной или расовой почве. Такая перемена оказалась во многом спровоцированной двумя обстоятельствами. Во-первых, ограничениями, связанными с пандемией COVID-19. Вынужденные карантинные мероприятия могли создавать впечатления сегрегационных действий и вызывать ответную негативную реакцию. Во-вторых, активизировавшимся в 2020 г. и распространившимся практически по всем принимающим мигрантов странам американским движением Black Lives Matter (BLM), которое подало пример агрессивного пересмотра лицами африканского происхождения их прежних коллективных поведенческих стереотипов, проявлявшихся в удовлетворенности декларируемым мультикультурализмом. Это послепандемийное обострение проблемы переселенцев в странах Запада стало своего рода догоняющей волной миграционного кризиса, который завершился в своей острой фазе в конце 2016 — начале 2017 г.¹, поэтому оно стало особенно ощутимым.

На фоне подобных перемен Австрия демонстрирует несколько особую позицию в отношении радикализации мигрантов. Эта позиция сводится к попыткам противодействия такой радикализации, которые предпринимают правящая в настоящее время в стране Австрийская народная партия и ее лидер – федеральный канцлер страны Карл Нехаммер, стремящиеся к ограничению численности въезжающих, в том числе из Африки. Данная установка во многом способствовала электоральному успеху этой партии в конце 2010-х гг. и поддержанию ее довольно высокого рейтинга вплоть до настоящего времени.

Партия и ее руководство продолжают следовать своей установке. В частности, для сокращения количества иммигрантов они настаивают на передаче полномочий по принятию заявлений о предоставлении убежища в третьи страны. Одним из таких буферных государств называется Руанда. Идея состоит в том, чтобы потенциальные беженцы проходили все соответствующие процедуры, не приезжая в Европу (в частности, в Австрию). По словам Нехаммера, введение подобной системы должно привести к тому, что мигранты «больше не смогут скрываться в ЕС или ходатайство-

¹ Горохов С.А., Агафошин М.М., Дмитриев Р.В. Миграционный кризис в регионе Восточной Африки // Восток (Oriens). 2023. № 1. С. 50–62.

вать о предоставлении убежища в нескольких европейских странах одновременно»². В этом вопросе Нехаммер «полностью поддерживает британский путь» и призывает к следованию в русле аналогичной политики Великобритании. В этом вопросе Австрия не одинока: соответствующее предложение поддержали 15 европейских стран. Данный курс и та поддержка, которую он получает, в значительной степени свидетельствуют о постепенном изменении политического ландшафта Европы, в частности — Австрии, являющейся членом Евросоюза и очевидно мыслящей себя частью единой европейской общности³.

Другой шаг — снижение миграционной нагрузки на страну за счет выстраивания отношений между министерствами иностранных дел Австрии и государств, граждане которых наиболее часто в поисках убежища обращаются к австрийской стороне. Так, в июне 2023 г. в Вене состоялась встреча между министром иностранных дел Австрии Александром Шалленбергом и его сомалийским коллегой Абширом Омаром Хурузе (здесь следует отметить, что Австрия является четвертой по привлекательности европейской страной для сомалийских беженцев). Среди прочих вопросов ими обсуждались механизмы противодействия незаконной иммиграции в Австрию. Австрийский министр подчеркивал, что для предотвращения перегрузки европейской системы предоставления убежища страны ЕС должны «иметь возможность последовательно возвращать тех, кто не соответствует требованиям, в страны их происхождения», а также говорил о важности наведения порядка в самом Сомали, хвалил правительство этого государства за успехи в контртеррористической деятельности⁴.

Одной из причин, вызывающих особенное недовольство австрийских властей, является то, что значительное количество прошений о предоставлении убежища поступает от граждан относительно спокойных и стабильных стран, в частности, Туниса. По словам

² *Noyan O.* Austrian Government Wants to Outsource Asylum Procedures to Africa // Euractiv. 2023. September 5. — URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/austrian-government-to-outsource-asylum-procedures-to-africa/> (дата обращения: 17.02.2024).

³ *Sanderson S.* Austria Expresses Wish to Adopt UK-Like Rwanda Policy, Backed by 14 EU Members // Infomigrants.net. 2024. May 22. — URL: <https://www.infomigrants.net/en/post/57246/austria-expresses-wish-to-adopt-uklike-rwanda-policy-backed-by-14-eu-members> (дата обращения: 16.02.2024).

⁴ *Austria and Somalia Intensify Cooperation on Migration and Security in the Horn of Africa* // Vindobona. Vienna International News. 2023. June 22. — URL: <https://www.vindobona.org/article/austria-and-somalia-intensify-cooperation-on-migration-and-security-in-the-horn-of-africa> (дата обращения: 13.02.2024).

министра внутренних дел Австрии Герхарда Карнера, с января по октябрь 2022 г. об убежище попросили 11 400 граждан Туниса (за тот же период 2021 г. их было 328 человек), а на границе Австрии ежедневно останавливаются около сотни тунисцев, пытающихся незаконно въехать в страну⁵.

Нынешняя позиция австрийских властей по отношению к иммигрантам определяется некоторыми исследователями как мигрантофобская. Отмечается, что «определенную роль в этом играет искусное манипулирование социальной памятью, осуществляемое крайне правыми», это подтверждается тем, что, в частности, «церемония вступления новых министров в должность прошла на горе Каленберг, важном историческом символе, связанном с победой над мусульманами в 1683 г.»⁶. Однако речь здесь идет, скорее, о консервативном повороте, становящемся новым политическим трендом Восточной Европы, а не о каком-либо «ультраправом реванше». Складывающийся в последние годы политико-идеологический контур, объединяющий ряд центральноевропейских государств, скорее можно охарактеризовать как правоцентристский, но точно не как ультраправый — таковым он может показаться лишь на фоне популярного в Западной Европе левого радикализма. Можно сказать, что Австрия следует в фарватере, пролагаемом Венгрией Виктора Орбана. Помимо «Меморандума о понимании», заключенного в 2023 г. между Австрией, Венгрией и Сербией, австрийские власти постепенно приходят к согласию и с конкретными мерами по контролю миграции, практикуемыми в Венгрии: в частности, «Вена находится среди тех членов ЕС, которые требуют от Брюсселя наращивать ассигнования на модернизацию пограничной инфраструктуры, включая наблюдение с воздуха и ввод в эксплуатацию нового оборудования»⁷.

С точки зрения миграционного законодательства обращает на себя внимание тот факт, что «Австрия рассматривает все миграционные проблемы единым пакетом взаимосвязанных законов, вступивших в силу в один день, в то время как ФРГ <...> рассматривает каждую проблему по отдельности в законах, принятых в разные

⁵ *Desku A. Austria Blames Migrants from India & North Africa for New Asylum Wave // Schengen News. 2022. December 7. — URL: <https://www.schengenvisainfo.com/news/austria-blames-migrants-from-india-north-africa-for-new-asylum-wave/> (дата обращения: 10.02.2024).*

⁶ *Шницерльман В.А. Мигранты, ксенофобия и социальная память: пример Австрии // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 2. С. 79.*

⁷ *Надеждин А.Е. Миграционные процессы в Австрии: особенности и тренды // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3. № 3. С. 64.*

годы»⁸. Также Австрия предоставляет иностранным выпускникам вузов меньше, чем Германия, времени на поиск работы, для того чтобы иметь возможность остаться в стране (полгода), что свидетельствует о том, что де-факто Австрия не рассматривает себя в качестве классической иммиграционной страны.

Статистика по африканским мигрантам в современной Австрии представляет собой следующую картину. На начало 2021 г. в стране проживали более 36 тыс. лиц с гражданством африканских стран. Первые 10 диаспор по своей численности располагались в последовательности (по убыванию): Нигерия (более 7 тыс.), Сомали, Египет, Тунис, Марокко, Гана, Алжир, Кения, ЮАР, Гамбия (около 700). Из них, кроме четырех стран Арабской Африки, остальные располагаются в разных частях континента: три — на западе, две — на востоке, одна — на юге. Число проживавших в Австрии на тот же самый момент выходцев из Африки было в полтора раза больше — около 57 тыс. человек. Очевидно, что столь значительную дельту составили натурализовавшиеся и получившие гражданство африканцы. Их диаспоры по тому же критерию шли в иной последовательности (также по убыванию): Египет (более 15 тыс.), Нигерия, Сомали, Тунис, ЮАР, Марокко, Гана, Алжир, Эфиопия, Кения (более 1,3 тыс.). По приведенным данным представляется возможным выявить наименее успешно натурализовавшиеся диаспоры (у которых самый незначительный разрыв между числом выходцев вообще и числом сохраняющих гражданство страны происхождения). Из них самой неудачливой оказалась диаспора Алжира, за ней шли переселенцы из Кении и Нигерии. За 40 лет, с начала 1980-х и до начала 2021 г., в Австрии натурализовались более 30,5 тыс. африканцев, из них около 40% составили египтяне, более 15% — нигерийцы, около 10% — тунисцы, более 8% — ганцы. Медленнее всего происходит натурализация сомалийцев. На начало 2020-х гг. их диаспора составляла порядка 20% всех африканских переселенцев с паспортами своих стран, однако с начала 1980-х гг. лишь около 600 сомалийцев получили гражданство Австрии⁹. Однако исходя из доклада сотрудницы Университета Вены А. Штротмер, прочитанного в Институте Африки РАН, на 2017 г. среди африканских граждан, получивших легальное убежище в Австрии, «наименьшее количество беженцев, получивших вид на

⁸ Ягофарова И.Д. Анализ современного состояния миграционных процессов в Германии и Австрии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 1. С. 47.

⁹ Schuller M., Aping S., Klein G. Transnational African Diaspora Engagement in Austria. November 2021. Vienna: Wiener Institut für Internationalen Dialog und Zusammenarbeit / Vienna Institute for International Dialogue and Cooperation, 2021. P. 7–8.

жительность, приходится на Нигерию (1%), наибольшее — на Сомали (46%)»¹⁰.

Вообще же выходцы из Африки появились в Австрии довольно давно. Первые упоминания о них во владениях Габсбургов относятся к XIV в. Как самостоятельная общественная сила африканцы этой страны стали самоорганизовываться в 1960-х гг. с целью обеспечения собственных интересов как этнического меньшинства¹¹.

Позиция австрийских властей встречает резкое неприятие со стороны как сторонников BLM, так и самих мигрантов. Так, американская исследовательница Т. Уильямс в интервью 2020 г. подчеркивала: «Я думаю, что многократное переживание полной иммиграции на этом континенте (в Европе. — Н.А.) сделало меня более осведомленной о моих собственных привилегиях здесь (т.е.: ко мне обычно относятся как к экспату, а не как к иммигранту, учитывая мое гражданство и причину въезда в страну. — Н.А.), и теперь у меня еще более глубокое сочувствие к тем, кто проходит через этот процесс в США». Под процессом, происходящим в США, подразумевается движение BLM. Однако Уильямс также отмечает, что на практике она намного чаще сталкивается с поддержкой, нежели с агрессией. Отвечая на вопрос, почему голос афроавстрийцев слышен все громче, она заявила, что BLM не сугубо американское движение, а «глобальная борьба за само человеческое сознание и человеческое достоинство всех нас»¹².

Австрийские сторонники движения BLM вспоминают случай 1999 г., когда не получивший политического убежища в Австрии нигериец во время принудительной депортации задохнулся из-за того, что был привязан скотчем к сиденью самолета, а его рот был заткнут кляпом, а также гибель африканца в 2003 г. из-за жестокого обращения со стороны полиции. Политолог Фарид Хафез так формулирует установку австрийских адептов BLM: «Движение чернокожих в Австрии родилось в ходе протестов и стремится организовать чернокожих людей для протеста, просвещения и распространения информации, чтобы изменить реалии их жизни в Австрии»¹³.

¹⁰ Торин А. Африканские иммигранты в Австрии: прошлое и настоящее // Международная жизнь / The International Affairs. 12 сентября 2017. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18299> (дата обращения: 17.02.2024).

¹¹ Schuller M., Aping S., Klein G. Op. cit. P. 11.

¹² Fon B., Gladitsch M. 3 Powerful Voices on What It's Like to be Black in Austria That You Should Definitely Listen to // Vienna Würstelstand. 2020. June 26. — URL: <https://viennawurstelstand.com/article/what-is-it-like-to-be-black-in-austria/> (дата обращения: 16.02.2024).

¹³ Hafez F. Black Lives Matter — In Austria Too // Botstiber Institute for Austrian-American Studies. — URL: <https://botstiberbiaas.org/black-lives-matter/> (дата обращения: 15.02.2024).

В другом рассуждении на тему самоощущения и идентичности африканцев в Австрии отмечается, что «чернокожих людей редко считают экспертами по их собственным жизням, особенно когда их жизни находятся под прямым влиянием белых европейцев». Это заключается в том, что австрийцы «пытаются передать опыт мигрантов и цветных людей, никогда не передавая голоса многочисленных мигрантов и цветных людей в Австрии». Поэтому необходимо системно противостоять дегуманизации африканских мигрантов и враждебности в их отношении, а главное — укреплять и воссоздавать их идентичность, отличную от идентичности австрийцев, а не стремиться к тому или иному компромиссу¹⁴.

Об «австрийском расизме» говорят не только публицисты, на эту тему выходят и академические работы. Например, в исследовании, посвященном проявлениям расизма в отношении африканцев в 13 странах Евросоюза, проведенном в 2023 г., показано, что дискриминация по расовому признаку в ЕС шире всего распространена в Германии и Австрии (она занимает второе место). А «с точки зрения дискриминации со стороны полиции Австрия заняла первое место: 53% опрошенных мужчин и 24% женщин (из африканских мигрантов. — Н.А.) заявили, что они были остановлены полицией в течение пяти лет до дня опроса»¹⁵. Школьные учебники Австрии проникнуты «афропессимизмом», т.е. предвзятым изображением Африки как депрессивной территории, а ее жителей — как угнетенных своей безысходностью от малообеспеченности и отсутствия перспектив¹⁶.

Как правило, жалобы африканцев на проявления расизма трудноотделимы от других проблем, с которыми они сталкиваются в стране прибытия, главным образом — материальных. Так, молодые люди из Африки, которые получают в Австрии высшее образование, в качестве главных трудностей называют небольшие стипендии и невозможность найти полноценную легальную работу из-за учебной загруженности. По словам Юсуфа Симбо Диаките, председателя австрийской Организации африканских студентов, «большинство

¹⁴ *Van De Cruze D.* Witness // *blackaustria.com*. 2016. November 9. — URL: <http://blackaustria.com/witness/> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁵ *Kirez T.* Black People in Germany, Austria Particularly Affected by Racism: Study // Anadolu Agency. 2023. October 31. — URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/black-people-in-germany-austria-particularly-affected-by-racism-study/3038975> (дата обращения: 31.02.2024).

¹⁶ *Aping S., Klein G., Maraszto A., Markom Ch., Schuller M., Steinbauer-Holzer A.* Narrative und Repräsentationen von Afrika in aktuellen österreichischen Schulbüchern // *Stichproben. Wiener Zeitschrift für kritische Afrikastudien / Vienna Journal of African Studies*. 2022. Vol. 22. S. 63–92.

[африканских] студентов могут поддерживать себя, лишь работая нелегально». В то же время в цитируемом интервью 2013 г. о каких-либо проблемах, связанных с ксенофобией или неприятием по расовому признаку — как со стороны других студентов и преподавателей, так и со стороны австрийского общества в целом, — вообще не упоминается¹⁷.

Между тем различные общественные антирасистские инициативы свидетельствуют об обратном. Например, согласно отчету правозащитной группы Civil Courage and Anti-Racism Work (ZARA), базирующейся в Вене, в 2022 г. в Австрии зафиксировано 1479 расистских инцидентов, причем «более половины расистских инцидентов, 68%, имели место на онлайн-форумах, в социальных сетях и видеоплатформах», «167 <...> произошли в общественных местах, на улицах, в зонах [дорожного] движения или в парках». Также было отмечено «59 случаев расистского насилия со стороны полиции»¹⁸.

Довольно последовательные антимигрантские шаги современной австрийской элиты имеют под собой не расистские, а сугубо политические основания. Примерно о том же свидетельствует австрийский историк В. Зауэр, изучающий историю присутствия африканцев в своей стране. Одной из наиболее серьезных сегодняшних проблем он называет «структурную дискриминацию», которая возникает из-за постоянного воспроизводства «нормальных» общественно-политических структур¹⁹.

Каковы реальные проблемы африканских мигрантов в Австрии, можно увидеть на примере прибывших в эту страну медицинских работников из стран южнее Сахары, опрошенных в середине 2010-х гг. Для большинства из них решение о миграции не было обусловлено профессионально, а во многом зависело от случайных ситуативных раскладов в их жизни. Некоторые решились на переезд из родных стран, желая улучшить свои карьерные перспективы и материальное положение. Для многих Австрия не стала их первой страной эмиграции. Как правило, основной мотивацией, подталкивавшей к переезду в Австрию, было уже имевшееся партнерство

¹⁷ Life Isn't Easy for African Students in Austria – Kenian Speaks // Mkenya Ujerumani. 2013. December 4. — URL: <https://mkenyaujerumani.de/2013/12/04/life-isnt-easy-for-african-students-in-austria-kenyan-speaks/> (дата обращения: 30.02.2024).

¹⁸ Kiyagan A. More than 1,400 Racist Incidents Reported in Austria Last Year // Anadolu Agency. 2023. March 22. — URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/more-than-1-400-racist-incidents-reported-in-austria-last-year/2852092> (дата обращения: 11.02.2024).

¹⁹ Vec M. Walter Sauers Geschichte der afrikanischen Diaspora in Österreich // Der Standard. 2023. Februar 18. — URL: <https://www.derstandard.de/story/2000143653336/schriftsteller-walter-sauerbestenfalls-exotische-faszination> (дата обращения: 10.02.2024).

с гражданином этой страны. Кто-то был беженцем. Однако почти все въехавшие в Австрию африканские медики сходятся в одном: процесс аккредитации в Австрии для работы по их специальности весьма труден и долог. Серьезным препятствием становится незнание немецкого языка. Наряду с неприятными дискриминационными выпадами в свой адрес они также встречают расположение, и поддержку²⁰. В ежегодном докладе Экспертного совета немецких фондов по интеграции и миграции «Делаем вместе: миграция из Африки в Европу», вышедшем в начале 2020 г. и ссылавшемся на исследование, проведенное в 2014 г., отмечается, что ключевыми мотивациями переезда в Австрию медицинских работников из африканских стран южнее Сахары являются не более высокая зарплата, а открывающиеся возможности повышения квалификации, политическая нестабильность у себя на родине, а также воссоединение с семьями, уже проживающими в стране прибытия²¹.

В Австрии действует несколько общественных организаций, защищающих интересы африканских мигрантов.

Одной из старейших является Африканская женская организация (AWO), созданная в 1996 г. Основные направления ее работы — искоренение калечащих операций, «предотвращение насилия в отношении женщин и девочек, а также позитивная интеграция африканских женщин в Австрии». AWO входит в исполнительный совет Австрийского женского кольца (самой большой в Австрии зонтичной организации женских НПО). Помимо этого, AWO — член Платформы гражданского общества Европейского Союза по борьбе с торговлей людьми и член исполнительного совета Европейского женского лобби²².

Первые шаги «Платформы развития африканской диаспоры в Европе» (ADEPT) были предприняты в начале 2010-х гг., а официальную регистрацию в качестве международной некоммерческой организации она получила в 2017 г. На начало 2020-х гг. ADEPT представляла собой объединение из более чем 200 организаций, а также индивидуальных учредителей африканских диаспор в Европе.

²⁰ Jirovsky E., Hoffmann K., Maier M., Kutalek R. “Why Should I Have Come Here?” — A Qualitative Investigation of Migration Reasons and Experiences of Health Workers from Sub-Saharan Africa in Austria // BMC Health Services Research. 2015. Vol. 15. Article no. 74.

²¹ Gemeinsam gestalten: Migration aus Afrika nach Europa. Jahresgutachten 2020. Berlin: Sachverständigenrat deutscher Stiftungen für Integration und Migration, 2020. S. 68.

²² AWO — African Women’s Organization // End Female Genital Mutilation. European Network. — URL: <https://www.endfgm.eu/members/full-members/awo-african-womens-organization/> (дата обращения: 10.02.2024).

ADEPT является международной организацией, но ее руководство находится в Вене. Организация занимается выстраиванием коммуникаций внутри сообщества африканских мигрантов в Европе, налаживанием отношений с официальными и негосударственными структурами в ЕС, Африке, а также на других континентах, оказанием практической помощи африканским странам.

«Молодежный форум африканской диаспоры в Европе» (ADYFE) стал складываться в 2011 г. Изначально его деятельность была нацелена на улучшение условий жизни обучавшихся в Австрии африканских студентов. Затем его целевая группа расширилась до африканской молодежи во всей Европе, и австрийская проблематика оказалась лишь одним из направлений работы ADYFE. Официальная регистрация форума состоялась в 2018 г. в Вене. Можно выделить три вопроса, которым организация уделяет преимущественное внимание, это трудоустройство африканской молодежи в европейских странах, ее включенность в предпринимательство и участие в различных гражданских инициативах. К началу 2020-х гг. ADYFE имел более 100 филиалов в 41 европейском государстве.

AFRIEUROTEXT — многопрофильная по характеру своей деятельности организация, она появилась в 2014 г., первоначально как культурно-просветительская инициатива на базе одноименного книжного магазина в Вене, который специализируется на продаже литературы по африканской тематике на европейских и африканских языках. Этот книжный магазин превратился в настоящий культурный центр с кафе, помещением для проведения различных мероприятий преимущественно дискуссионного характера. Интересующие AFRIEUROTEXT темы — вопросы, связанные с развитием культуры, а также глобальные проблемы. На доходы от реализации книг и сувениров организация содержит хлебопекарную школу для женщин в Камеруне.

«Организация искусств имени Баната Менди» — сетевая структура, носящая имя суданского борца за независимость и ориентированная на работу с женской аудиторией этой страны. Организация начала свою деятельность в 2020 г. Ее задачей является стимулирование жительниц Судана отстаивать свои права через занятия искусством. Участницы сети обсуждают такие проблемы, как миграция, насилие, дискриминация. Организация является малочисленной: в нее входят всего несколько десятков участниц. Австрия в данном случае является лишь одним из мест переселения африканских женщин, поэтому каких-либо особых интересов, связанных с этой страной, у организации нет. Доходы от проводимых мероприятий она направляет на поддержку сельских местностей Судана.

Организация под названием «Барка Барка» появилась в 2007 г. Она состоит из двух частей: одна из них находится в Вене, другая — в юго-западной части Буркина-Фасо. Венская часть «Барка Барка» первоначально занималась не мигрантами в Австрии, а сбором средств для оказания материальной помощи населению этой африканской страны и организацией информационно-просветительских акций. В 2015 г. в связи с резким усилением потока беженцев из Африки в европейские страны и, в частности, в Австрию деятельность «Барка Барка» скорректировалась. Организация стала заниматься не столько Африкой как таковой, сколько интеграцией прибывавших в Европу переселенцев, в том числе в столице Австрии.

«Черное сообщество Верхней Австрии» появилось в 2005 г. для противодействия расовой дискриминации проживавших в Австрии выходцев из Нигерии. Поводом для его создания стала кончина мигранта из Гамбии в 2005 г. в полицейском отделении в Верхней Австрии. Помимо борьбы с расизмом, организация занимается созданием и популяризацией привлекательного образа Африки и африканцев. «Черное сообщество Верхней Австрии» стремится к налаживанию диалога между африканскими мигрантами и местными жителями Австрии. Таким образом, деятельность этой организации локализована даже не столько национальными границами этого государства, сколько территорией его северной федеральной земли.

Организация «Кьяла» была создана в Граце (федеральная земля Штирия) в начале 2000-х гг. На языке гомала (одном из местных языков Камеруна) это слово означает «главная площадь». Изначально организация занималась оказанием помощи африканским мигрантам, которые проживали в Граце. Впоследствии она также стала реализовывать проекты по социальной поддержке в самом Камеруне. Австрийское направление работы организации более разработанное. Кроме проведения консультаций для мигрантов и оказания им различной помощи, это еще проведение ежегодного Африканского фестиваля в Граце, создание в этом городе африканской медиатеки и организация в нем общественного питания для мигрантов.

Организация «Гарасайд — помощь развитию сомалийцев» появилась в Австрии в 2016 г. конкретно — для помощи сомалийским детям в получении ими образования. Правда, численность получателей такой помощи в этой африканской стране невелика и составляет всего несколько десятков человек. Помимо проживающих в Австрии сомалийцев, в деятельности организации принимают участие турецкие студенты, а также ее представители в Сомали. Регулярное присутствие в этой стране членов организации позволяет поддерживать постоянный контакт между ее руководством в Австрии и получате-

лями помощи в Сомали. Таким образом, адресат «Гарасаида» — это именно жители Сомали в самой этой стране, а не приехавшие в Австрию мигранты.

Организацию «Интегрируем африканскую культуру» (INAC) в 2015 г. создала проживающая в Австрии уроженка Ганы. INAC имеет два места регистрации — г. Линц в Верхней Австрии и Гану. Сначала организация занималась созданием новых рабочих мест в агросекторе африканских стран, главным образом в Нигерии и Гане. Затем внимание стало также уделяться обучению местного населения этих стран сельскохозяйственным специальностям. Африканскими мигрантами в Австрии INAC не занимается, однако использует одно из местоположений своей регистрации для консолидации ресурсов африканцев, проживающих в этой стране и занимающихся бизнесом, для оказания помощи населению Нигерии и Ганы.

«Радио Африка ТВ» (RATV) было создано в 1997 г. как сугубо медийная структура. Поначалу организация работала на аудиторию, состоявшую из африканских переселенцев в Австрии, и стремилась своей информационной политикой оказывать им поддержку и способствовать их интеграции в единое сообщество. С 2015 г. деятельность RATV значительно расширилась. В Австрии медиакомпания стала не только ориентироваться на африканских мигрантов, но и поддерживать проекты, в принципе связанные с этим континентом и рассчитанные в том числе на местных жителей страны. Помимо этого, RATV занимается изданием печатной периодической продукции и оказанием консалтинговых услуг в африканских странах.

«Сахель Тироль» — это ассоциация по оказанию поддержки мигрантам из региона Сахель, проживающим в этой федеральной земле Австрии, а также по развитию сотрудничества между обеими территориями. Она была создана в Инсбруке в 2006 г. Ассоциация также работает с африканскими мигрантами в остальных частях Австрии и в государствах ЕС. Ее целевыми группами являются женщины, университетские преподаватели и студенты, занимающиеся художественным творчеством, фермеры, сотрудники учреждений социальной сферы и здравоохранения. Организация уделяет много внимания культурно-просветительским проектам, направленным на преодоление расистских настроений в австрийском обществе, и пропаганде мультикультурализма.

Идея создания организации «Зеленое золото для вашего благополучия» (SaWaShea) появилась в 2013 г. Тогда ее будущая основательница приехала из Австрии в Кот-д'Ивуар, где она родилась, для налаживания контактов с кооперативами, выпускавшими масло ши. Затем эта продукция была сертифицирована в венском Университе-

те сельского хозяйства. Регистрация SaWaShea состоялась в 2019 г. в Кот-д'Ивуаре. Организация представляет собой предприятие, оказывающее посреднические услуги производителям масла ши. SaWaShea добивается того, чтобы производители масла получили возможность самостоятельно его реализовывать на европейских рынках. Непосредственно с африканскими мигрантами в Австрии организация не работает.

Организация «Женщины за мир» представляет собой социальную сеть (другое ее название — «Сеть женщин диаспоры за мир»). Она стала формироваться в качестве группы мессенджера WhatsApp во второй половине 2010-х гг. Эта сеть объединяет уроженок стран Африканского Рога (Сомали, Судана, Эритреи, Эфиопии, Южного Судана). Часть пользовательниц проживает в Европе, в том числе в Австрии, другая часть остается в своих странах. Тематика проводимых социальной сетью мероприятий сводится к обсуждению острых конфликтных ситуаций в странах Африканского Рога и в целом на континенте. Африканские мигранты не являются специальной целевой группой, с которой работает организация²³.

Помимо перечисленных выше организаций в Австрии действуют еще 5 неправительственных структур, которые работают исключительно в пределах этой страны или Европы.

FreshVibes является радиопередачей, выходящей раз в месяц начиная с 2019 г. Адресат передачи — это не только африканские мигранты, но и местные граждане Австрии. Радиопередача активно пропагандирует антирасистские взгляды. Спектр обсуждаемых тем довольно широк — это политика, история, разнообразные вопросы культуры. Во время электоральных кампаний FreshVibes активно включается в предвыборную борьбу, информирует своих слушателей о том, насколько ее участникам близки ценности мультикультурализма и каковы их практические шаги по противодействию расизму. Во время выборов в ЕС в передаче опрашивались африканские мигранты на предмет того, как они воспринимают Евросоюз.

Организация «SETI — продвижение талантливых женщин» создана в 2019 г. На амхарском языке, государственном языке Эфиопии, слово *seti* означает «женщина». Основательница организации родилась в Сенегале, затем находилась в Кот-д'Ивуаре, а в последние годы проживает в австрийской столице. Основная деятельность SETI сводится к проведению мероприятий, способствующих профессиональному росту женщин, причем как уже сформировавшихся в качестве специалистов, так и молодых, являющихся студентками. Профессио-

²³ Schuller M., Aping S., Klein G. Op. cit. P. 16, 18, 20, 22–24, 26, 28–33.

нальный рост в данном случае понимается и как получение рабочего места, и как обучение, и как приобщение к предпринимательству.

Подкаст «Сахар, мед, черный чай» создан в 2020 г. Он представляет собой группу жителей Вены африканского происхождения, которые занимаются продвижением их талантливых соотечественников, желающих выступить на сцене, главным образом петь. Вместе с тем этот проект не нацелен исключительно на выстраивание сценических карьер. С аудиторией подкаста ведется работа в том числе просветительского характера путем организации бесед с представителями африканского сообщества Вены, причем не только с теми, кому удалось стать известным, но и с простыми людьми, которые рассказывают свои истории жизни, делятся собственными взглядами на актуальные темы.

Организация «Танака Грац» появилась в 2020 г. в столице федеральной земли Штирия. На языке шона, являющемся языком большинства населения Зимбабве, слово *tanaka* означает «хорошие времена, наступившие после тяжелой битвы, после серьезных лишений или невыносимых трудностей». Создательницы организации — три женщины: уроженка Нигерии, австрийка из Граца с корнями из Ганы, а также уроженка Филиппин — наполовину филиппинка и наполовину ганка. Они были вдохновлены движением BLM и принялись защищать интересы африканского сообщества Граца, помогать его представителям трудоустроиться, организовывать обмен успешным опытом между ними.

Венский институт африканской диаспоры (VIAD) был организован в 2020 г. Он является спонсором созданной годом ранее инициативы «Продвижение равенства в австрийской школьной системе» (AEWTASS), обеспечивает ее интеллектуальное сопровождение, покрывает организационные и финансовые затраты. Главная цель VIAD — улучшение жизни проживающих в Австрии африканцев, борьба с проявлениями расизма в этой стране. VIAD прилагает много усилий для реформирования образовательной системы Австрии, в которой еще имеются расистские стереотипы и которая уделяет недостаточное внимание просветительской работе среди африканской диаспоры²⁴.

Таким образом, несмотря на присущую сегодняшнему австрийскому правительству особую позицию по мигрантской проблеме, отличную от позиции подавляющего большинства стран Евросоюза и сводящуюся к попыткам системного регулирования потока переселенцев из развивающихся стран, в том числе африканских,

²⁴ Schuller M., Aping S., Klein G. Op. cit. P. 34–38.

установки и поведение собственно австрийских африканцев не отличаются от аналогичных взглядов и действий представителей этого континента в остальных странах ЕС. Поэтому не стоит переоценивать возможность бывшего ядра Габсбургской империи — нынешних Венгрии и Австрии — выстроить политику в отношении прибывающих из Африки переселенцев, альтернативную большинству государств Евросоюза.

References

Aping S., Klein G., Maraszto A., Markom Ch., Schuller M., Steinbauer-Holzer A. Narrative und Repräsentationen von Afrika in aktuellen österreichischen Schulbüchern // Stichproben. Wiener Zeitschrift für kritische Afrikastudien / Vienna Journal of African Studies. 2022. Vol. 22. S. 63–92.

Austria and Somalia Intensify Cooperation on Migration and Security in the Horn of Africa // Vindobona. Vienna International News. 2023. June 22. — URL: <https://www.vindobona.org/article/austria-and-somalia-intensify-cooperation-on-migration-and-security-in-the-horn-of-africa>

AWO — African Women's Organization // End Female Genital Mutilation. European Network. — URL: <https://www.endfgm.eu/members/full-members/awo-african-womens-organization/>

Desku A. Austria Blames Migrants from India & North Africa for New Asylum Wave // Schengen News. 2022. December 7. — URL: <https://www.schengenvisainfo.com/news/austria-blames-migrants-from-india-north-africa-for-new-asylum-wave/>

Fon B., Gladitsch M. 3 Powerful Voices on What It's Like to Be Black in Austria That You Should Definitely Listen to // Vienna Würstelstand. 2020. June 26. — URL: <https://viennawurstelstand.com/article/what-is-it-like-to-be-black-in-austria/>

Gemeinsam gestalten: Migration aus Afrika nach Europa. Jahresgutachten 2020. Berlin: Sachverständigenrat deutscher Stiftungen für Integration und Migration, 2020. 226 S.

Gorokhov S.A., Agafoshin M.M., Dmitriyev R.V. *Migratsionnyy krizis v regione Vostochnoy Afriki* [Migration Crisis in the East Africa Region] // *Vostok (Oriens)*. 2023. N 1. P. 50–62.

Hafez F. Black Lives Matter — In Austria Too // Botstiber Institute for Austrian-American Studies. — URL: <https://botstiberbiaas.org/black-lives-matter/>

Jirovsky E., Hoffmann K., Maier M., Kutalek R. “Why Should I Have Come Here?” — A Qualitative Investigation of Migration Reasons and Experiences of Health Workers from Sub-Saharan Africa in Austria // BMC Health Services Research. 2015. Vol. 15. Article no. 74.

Kirez T. Black People in Germany, Austria Particularly Affected by Racism: Study // Anadolu Agency. 2023. October 31. — URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/black-people-in-germany-austria-particularly-affected-by-racism-study/3038975>

Kiyagan A. More than 1,400 Racist Incidents Reported in Austria Last Year // Anadolu Agency. 2023. March 22. — URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/more-than-1-400-racist-incidents-reported-in-austria-last-year/2852092>

Life Isn't Easy for African Students in Austria — Kenian Speaks // Mkenya Ujerumani. 2013. December 4. — URL: <https://mkenyaujerumani.de/2013/12/04/life-isnt-easy-for-african-students-in-austria-kenyan-speaks/>

Nadezhdin A.E. *Migratsionnyye protsessy v Avstrii: osobennosti i tendentsii* [Migration Processes in Austria: Features and Trends] // *DEMIS. Demograficheskiye issledovaniya*. 2023. Vol. 3. N 3. P. 57–70.

Noyan O. Austrian Government Wants to Outsource Asylum Procedures to Africa // Euractiv. 2023. September 5. — URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/austrian-government-to-outsource-asylum-procedures-to-africa/>

Sanderson S. Austria Expresses Wish to Adopt UK-Like Rwanda Policy, Backed by 14 EU Members // Infomigrants.net. 2024. May 22. — URL: <https://www.infomigrants.net/en/post/57246/austria-expresses-wish-to-adopt-uklike-rwanda-policy-backed-by-14-eu-members>

Schuller M., Aping S., Klein G. Transnational African Diaspora Engagement in Austria. November 2021. Vienna: Wiener Institut für Internationalen Dialog und Zusammenarbeit / Vienna Institute for International Dialogue and Cooperation, 2021. 48 p.

Shnirel'man V.A. *Migranty, ksenofobiya i sotsial'naya pamyat': primer Avstrii* [Migrants, Xenophobia, and Social Memory: The Example of Austria] // *Novoye proshloye / The New Past*. 2018. N 2. P. 64–84.

Torin A. *Afrikanskiye immigranty v Avstrii: proshloye i nastoyashcheye* [African Immigrants in Austria: Past and Present] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 12 September 2017. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18299>

Van De Cruze D. Witness // blackaustria.com. 2016. November 9. — URL: <http://blackaustria.com/witness/>

Vec M. Walter Sauer's Geschichte der afrikanischen Diaspora in Österreich // Der Standard. 2023. Februar 18. — URL: <https://www.derstandard.de/story/2000143653336/schriftsteller-walter-sauerbestenfalls-exotische-faszination>

Yagofarova I.D. *Analiz sovremennogo sostoyaniya migratsionnykh protsessov v Germanii i Avstrii* [An Analysis of the Current State of Migration Processes in Germany and Austria] // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 2019. N 1. P. 43–48.

Поступила в редакцию
6 марта 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-156-170

**Е.Л. Вартанова, Д.А. Андреев, Г.В. Денисова,
О.В. Смирнова, А.А. Гладкова**

**КОНФЛИКТ И МЕДИА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ В КОНТЕКСТЕ
СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

**E.L. Vartanova, D.A. Andreev, G.V. Denisova,
O.V. Smirnova, A.A. Gladkova**

**CONFLICT AND MEDIA: INTERACTION AND MUTUAL
INFLUENCE IN THE CONTEXT OF PRESERVING
HISTORICAL MEMORY**

Аннотация. В статье представлен анализ новых междисциплинарных подходов к пониманию взаимосвязи и взаимовлияния медиа и конфликта в контексте сохранения исторической памяти в современной медиасреде. Исследуются теоретические, исторические, социокультурные и коммуникативные аспекты взаимодействия и взаимовлияния медиа и конфликта в рамках актуальной трансформации медиапространства и общества. Сделаны выводы о роли медиа в сохранении культурно-исторического насле-

Вартанова Елена Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор, заведующий кафедрой теории и экономики средств массовой информации и декан факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Национальной ассоциации исследователей массмедиа (НАММИ)

Vartanova Elena Leonidovna, Doctor in Philology, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor, Head, Department of Theory and Economics of Mass Media, Dean, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, President, National Association of Media Researchers (NAMMI)

referent@smi.msu.ru

ORCID: 0000-0002-7716-4383

Андреев Дмитрий Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX века – начала XX века и заместитель декана по научной работе исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Andreev Dmitry Aleksandrovich, Doctor in History, Professor, Department of History of Russia in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Deputy Dean for Research, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

carpenter2005@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7489-6044

дия и исторической памяти в условиях цифровизации. Проанализированы перспективы дальнейшего изучения рисков, вызовов и конфликтов, возникающих в ситуации неустойчивости и неопределенности современной медиасреды, и обозначены возможные результаты работы в данном направлении. Делается вывод о существенных трансформациях отражения конфликта в различных СМИ, а также эффектов, производимых в результате таких изменений на индивидов и сообщества, которые испытывают подобные воздействия. Отмечается необходимость рассмотрения новых предназначений медиатекстов с помощью задействования традиционных функций журналистики и вовлеченности репрезентативного сегмента медиапотребителей в процесс ознакомления со сведениями о конфликтах. Подчеркивается востребованность анализа полисубъектной цифровой медиасреды с целью соотнесения друг с другом двух типов конфликтных ситуаций (порождаемых медиа и происходящих по другим причинам), конструирования технологий и способов управления процессами медиаре-презентации конфликтов, создания требующихся для этого инструментов. Высказывается обоснованный прогноз, что на основе междисциплинарного анализа взаимного влияния феноменов конфликта и медиа будут расширены имеющиеся на сегодняшний день представления о том, что собой

Денисова Галина Валерьевна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры семиотики и общей теории искусства и заместитель декана по научной работе и развитию факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова

Denisova Galina Valeryevna, Doctor in Cultural Studies, Associate Professor, Professor, Department of Semiotics and General Theory of Art, Deputy Dean for Research and Development, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University

g.v.denissova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7719-8380

Смирнова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой цифровой журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Smirnova Olga Vladimirovna, PhD Candidate in Philology, Head, Department of Digital Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

smirnova.olga.msu@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1349-4241

Гладкова Анна Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры теории и экономики средств массовой информации факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Gladkova Anna Aleksandrovna, PhD Candidate in Philology, Leading Research Fellow, Department of Theory and Economics of Mass Media, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

gladkova_a@list.ru

ORCID: 0000-0001-7102-6425

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-16 «Конфликт и медиа: теоретические, исторические, социокультурные и коммуникативные аспекты».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-16 “Conflict and Media: Theoretical, Historical, Socio-Cultural and Communicative Aspects”.

представляет конфликт в ситуации новой медийной реальности, которая складывается в результате взаимодействия разных по своей природе СМИ и их адресных аудиторий. В качестве возможной перспективы исследований в данном направлении указывается поиск способов повышения эффективности медиакommunikаций для снижения рисков конфликтов и формирования мер, которые призваны гармонизировать приемы публичной коммуникации. Обращается внимание на значение такого рода наработок для заполнения пробела, имеющегося в теоретическом осмыслении феномена медиарепрезентации в контексте актуальных проблем современного российского общества, в том числе рисков возникновения конфликтов разной природы.

Ключевые слова: медиа, конфликт, историческая память, медиатизация, цифровизация, культурно-историческое наследие.

Abstract. The article analyzes new interdisciplinary approaches to understanding the relationship and mutual influence of media and conflict in the context of preserving historical memory in the modern media environment. The article examines theoretical, historical, socio-cultural and communicative aspects of the interaction and mutual influence of media and conflict in the context of the current transformation of media space and society. The authors draw conclusions about the role of media in preserving cultural and historical heritage and historical memory in the context of digitalization. They analyze the prospects for further research into the risks, challenges and conflicts arising from the volatility and uncertainty of the contemporary media environment and outline possible outcomes of work in this area. The article identifies significant changes in the way conflict is reflected in different media, and the impact of these changes on individuals and communities affected by them. It identifies the need to consider the new purposes of media texts, using the traditional functions of journalism and involving a representative segment of media consumers in the process of learning about conflict. The authors emphasize the need to analyze the multi-subject digital media environment in order to correlate two types of conflict situations (those generated by the media and those arising for other reasons), to design technologies and ways of managing the processes of media representation of conflict, and to create the necessary tools for this purpose. It is reasonable to predict that interdisciplinary analyses of the mutual influence of the phenomena of conflict and the media will broaden the current understanding of what conflict is in the situation of a new media reality that emerges as a result of the interaction of different media and their target audiences. As a possible prospect for research in this direction, the authors point out the search for ways to improve the effectiveness of media communications in order to reduce the risks of conflict and the formation of measures that are designed to harmonize the techniques of public communication. They draw attention to the importance of such developments to fill the gap in the theoretical understanding of the phenomenon of media representation in the context of current problems of contemporary Russian society, including the risks of conflicts of different nature.

Keywords: media, conflict, historical memory, mediatization, digitalization, cultural and historical heritage.

Введение

Интенсивное развитие и широкое проникновение медиатехнологий, предоставляющих различные сервисы и платформы для многосторонней сетевой коммуникации и взаимодействия между социальными институтами и людьми, привели к качественному изменению социальной организации коммуникации современных обществ. Медиа — среда, в которой потенциально возможно присутствие множества конфликтных факторов, порождаемых субъектами разной природы и детерминированности в рамках медиакоммуникационного процесса. Через информирование и общественную коммуникацию медиа могут как предупреждать и предотвращать социальные конфликты, так и провоцировать и распространять их.

При анализе актуальных трансформаций медиа современные исследователи все чаще опираются на идею неустойчивости, изменчивости, «ликвидности» (от англ. liquid), характеризующую в более широком контексте общественно-политические и социокультурные процессы и практики. Идея «текучести», или «ликвидности» (liquidity), изначально осмыслялась З. Бауманом в контексте «текущей современности» (liquid modernity)¹. Сегодня этот подход все чаще оказывается в фокусе внимания исследователей медиа и журналистики, психологии, конфликтологии, этнологии, истории.

Трансформации норм, ценностей, профессиональных практик и стандартов, медиасистем, аудиторий, практик потребления и распространения информации, идентичности, роли журналистов и аудитории, журналистских культур, форм занятости и форм труда, бизнес-моделей СМИ и многих других аспектов становятся своеобразными маркерами «текущей современности»² с ее неопределенностью, гибкостью, изменчивостью, нестабильностью, неустойчивостью, поливариантностью и непредсказуемостью течения социальных процессов. В последние несколько лет исследователи говорят также о «пересборке» медиасистемы в контексте появления ее новых субъектов — традиционных институционализированных СМИ, имеющих лицензию Роскомнадзора; неинституционализированных медиа, или «новых профессионалов», — блогеров, инфлюэнсеров, лидеров мнений; активной аудитории, участвующей в создании и дистрибуции контента на онлайн- и офлайн-платформах;

¹ *Bauman Z. Liquid Life. Cambridge, 2005; Ibid. Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty. Cambridge, 2007.*

² *Deuze M. Journalism in Liquid Modern Times // Journalism Studies. 2007. Vol. 8. N 4. P. 671–679; Idem. The Changing Context of News Work: Liquid Journalism and Monitorial Citizenship // International Journal of Communication. 2008. Vol. 2. Issue 5. P. 848–865.*

искусственного интеллекта, способного также генерировать контент, а возможно, в некотором роде и смыслы³.

В условиях подобной неопределенности актуальным становится вопрос о сохранении культурно-исторического наследия и исторической памяти на фоне трансформаций медийного пространства, усиления кросс-медийности, платформизации, медиатизации, роста влияния на традиционные медийные практики цифровых технологий, появления новых игроков в лице «новых профессионалов», аудитории и искусственного интеллекта, а также возникновения новых вызовов и конфликтов в медийном поле. Отдельным важным вопросом становится разработка новых критериев для анализа медиа в условиях цифровой среды и мультимедийности. Одним из таких критериев, как отмечают исследователи⁴, может стать сравнительный анализ цифровой журналистики в разных национальных и культурных контекстах.

Еще одной важной задачей является изучение взаимовлияния конфликта и медиа с позиции не узко специализированного/профильного, а более широкого междисциплинарного подхода, который позволил бы синтезировать актуальные наработки в области конфликтологии, истории, массовой коммуникации, журналистики, культурологии, этнологии, социологии и сделать выводы о перспективах дальнейшего изучения конфликта в условиях динамично развивающейся — и в то же время неустойчивой — информационной и коммуникационной среды.

Совершенно очевидно взаимное влияние медиа и феномена конфликта в пространстве исторической памяти. На эту тему недавно вышло исследование, задающее общие рамки рассмотрения данной проблемы применительно к важнейшему на сегодняшний день сегменту медиа⁵. Вместе с тем, если историческую память воспринимать в качестве пространственным образом организованной среды — что на самом деле является оправданным шагом, поскольку к ней вполне применимы «измерения» наподобие понятий «центр», «периферия», «зазеркалье» (в смысле отраженной реальности), «конструкция», «архитектура пустоты» и др., — то плодотворным видится пожелание М. Фуко: «Стоило бы написать целую историю различных пространств (которая в то же время была бы историей различных видов

³ *Вартанова Е.Л.* К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // *Медиа@льманах*. 2022. № 2. С. 8–14.

⁴ *Waisbord S.* Continuities and Breaks in Digital Journalism and Media Systems // *Digital Journalism*. 2023. Vol. 12. N 3. P. 1–7; *Mancini P.* Some Ideas to Update “Comparing Media Systems” to the Digital Age // *Digital Journalism*. 2024. Vol. 12. N 3. P. 1–6.

⁵ *Тихонова С.В., Артамонов Д.С.* Историческая память в социальных медиа. СПб., 2022.

власти) <...>. Удивительно видеть, как давно был поставлен вопрос о пространствах, представляя как задача историко-политическая»⁶. В настоящее время дискурсивные практики всецело делают погоду в пространстве памяти, реализуя либо властный, либо контрвластный сценарии. Такова ситуация в любом информационном обществе, вне зависимости от степени его укоренения в институтах гражданского общества и представительной демократии. Монополию на подобные практики имеет именно медиасфера, а отнюдь не академическое историческое знание. Иными словами, память как политический проект создают именно СМИ, и в этой своей работе они обозначают приоритеты, акценты, точки сборки, границы и разделительные линии, зоны антипамяти (т.е. те локусы, в которые помещаются нежелательные для данного проекта представления) и столь нелюбимые профессиональными историками, но регулярно используемые в медиа альтернативные сценарии прошлого («что было бы, если бы»).

В связи с этим необходимо четко понимать, что само восприятие конфликта с позиции исследования и с точки зрения медиа принципиально разные. Историк действует индуктивно — от конкретного факта к общему заключению, в то время как специалист в области медиа идет обратным, дедуктивным, путем: оценка ему известна, но ее необходимо укоренить в плоти прошлого. Не следует вульгаризировать указанную задачу, упрощая ее до подгонки фактов под уже готовые концепции. Просто историк смотрит на прошлое из прошлого, а медийный профессионал — из настоящего. Для историка важно понимание, а для работы в медиапространстве требуется создание интерпретаций. Память основывается как раз на истолкованиях, объяснениях, оправданиях и осуждениях, т.е. на интерпретациях. Поэтому интерпретатор в гораздо большей степени «архитектор», «пространственный дизайнер», нежели исследователь, и в этом смысле «завет» Фуко представляется исключительно актуальным для медиаконструкторов.

Проблема сохранения культурно-исторического наследия в условиях новых вызовов и конфликтов

Говоря об актуальных вызовах глобального, национального и локального характера, исследователи отмечают сосуществование в современной медиасреде как рисков негативного (например, дезинформация, фейковые новости, кибербуллинг, низкий уровень защиты персональных данных в онлайн-среде), так и в целом позитивного

⁶ Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. С. 224.

характера (например, искусственный интеллект, дополненная реальность, большие данные, новые профессиональные методы работы и подходы со стороны цифровой журналистики), требующих, однако, критического осмысления со стороны профессионального журналистского сообщества⁷.

Еще одним вызовом для современной медиасреды — как в России, так и за рубежом — остается цифровое неравенство, рассматриваемое сегодня как комплексное многоуровневое явление, включающее в себя доступ к интернету и цифровой инфраструктуре, цифровые компетенции/навыки пользователей и преимущества от использования интернета и цифровых технологий в профессиональной и личной жизни индивидуума⁸. Эпистемиологическое/знаниевое неравенство, тесно коррелирующееся с цифровым неравенством⁹, а также алгоритмическое неравенство, основанное на понимании того, как работают современные алгоритмы и персонализированные подборки в онлайн-пространстве¹⁰, также представляют собой актуальные вызовы пользователям со стороны цифровой среды, при этом, в отличие от цифрового неравенства, в современной академической литературе им уделяется значительно меньше внимания.

В условиях подобных вызовов и рисков, а также с учетом неопределенности, изменчивости, нестабильности, «текучести» современной медиасреды, о которой шла речь выше, актуализируется вопрос сохранения культурно-исторического наследия и исторической памяти в социуме. Данная проблема приобретает, на наш взгляд, особое значение в условиях многонационального и мультикультурного общества, где одной из важных задач является сохранение культуры, языков, традиций, обычаев, истории, этнической идентичности народов, а также усиление этнокультурного и языкового плюрализма в медийном пространстве.

В контексте лингвистического и культурологического аспектов исследования следует исходить из понимания того, что коммуникативное воздействие в современном информационном обществе осуществляется как сложное единство слова и визуального образа, соединяющее рациональное начало и эмоционально-чувственные

⁷ *Вартанова Е.Л., Дунас Д.В., Гладкова А.А.* Медиаконфликтология как поле междисциплинарного анализа социальных конфликтов // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12. № 4. С. 601–618.

⁸ *Ragnedda M.* New Digital Inequalities. Algorithms Divide // Ragnedda M. *Enhancing Digital Equity: Connecting the Digital Underclass.* London, 2020. P. 61–83.

⁹ *Vartanova E., Gladkova A.* From Digital Divides to Epistemic Divides: The Rise of New Inequalities in the Conflict Media Space // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies.* 2022. Issue 4. P. 5–22.

¹⁰ *Ragnedda M.* Op. cit.

оценки, и как сложный в возможностях своего декодирования поликодовый текст. Именно поликодовый формат современного медиадиска часто не только создает семантический контраст между вербальным и визуальным элементом, но и обуславливает особый модус восприятия и интерпретации сообщения, то есть фактически осуществляет рефрейминг за счет расширения или сужения прежнего фрейма на основе создания нового контекста восприятия. Современная медиасфера поликультурна, следовательно, сообщения, доминирующие в медиакommunikации, интегрируют множество кодов — культурных, идеологических, лингвистических, семантических, стилистических, графических. В настоящее время все большее внимание привлекают проблемы, связанные с национальной идентичностью и реакцией на тесный контакт культур.

Противоречия глобализации, ведущие к унификации культур, с одной стороны, и стремление к этнокультурной самоидентификации, с другой стороны, особую актуальность придают изучению роли межкультурных концептуальных смыслов, характеризующихся при помощи набора наиболее подходящих «элементарных терминов»¹¹, что перекликается с учением Лейбница об «алфавите человеческих мыслей», т.е. с наличием общей для разных культур когнитивной базы. Фундаментальные концепты делят на универсальные («врожденные») и составляющие основу семантической системы любого языка) и культуроспецифичные. Согласно Дж. Брунеру¹², человеческие существа «от природы настроены» на определенные группы смыслов, которые «предшествуют» языку в качестве протоязыковых репрезентаций мира. В свете сказанного Л.П. Лобковская¹³ предлагает общие для разных лингвокультур элементы отнести к разряду универсальных лингвокультурных концептов. Как уже отмечалось выше, помимо универсальных знаний (универсального энциклопедического кода) существуют знания национально обусловленные, в основе которых лежат лингвокультуремы — «сложные межуровневые единицы, отражающие диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания»¹⁴. Поскольку структуру лингвокультуремы составляют форма языкового знака, содержание знака и культурный смысл, она является более

¹¹ *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 14.

¹² *Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации. М., 1977. С. 413.

¹³ *Лобковская Л.П.* Языковые знаки: корреляция интернационализмов и семантических универсалий // *Культурная жизнь Юга России.* 2012. № 3 (46). С. 57.

¹⁴ *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М., 2008. С. 340.

комплексной по сравнению с языковой единицей и обуславливает сопровождающее содержание имплицитное значение и/или коннотацию. Функция лингвокультуры, таким образом, заключается в передаче сопутствующего комплекса маркированных значений, вызывающих определенные культурные ассоциации¹⁵.

В контексте изложенных выше подходов к роли универсальных лингвокультурных концептов в формировании национально обусловленных знаний возникает понимание важности того места, которое занимают в процессе сохранения культурно-исторического наследия и исторической памяти в социуме не только общенациональные, но и локальные СМИ. В цифровую эпоху важность сохранения культурно-исторического наследия в Российской Федерации подчеркивается на всех уровнях, в том числе на федеральном законодательном уровне, в частности, в Стратегии национальной безопасности России, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Так, раздел 8 главы IV «Обеспечение национальной безопасности» полностью посвящен вопросам «защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Для обеспечения защиты ценностей, культуры и исторической памяти России авторы Стратегии предлагают целый ряд инструментов, среди которых значимое место занимает и деятельность СМИ.

Защита языков народов Российской Федерации закреплена в Федеральном законе «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г. Документ гарантирует всем народам Российской Федерации независимо от их численности равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения (статья 2). Права малочисленных народов Российской Федерации на сохранение и активное использование родных языков впоследствии были закреплены также в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г., где отдельно упоминалось также, что малочисленные народы имеют право создавать собственные СМИ (статья 10), и в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации от 1996 г. (раздел 5), постановляющей, что все граждане Российской Федерации вне зависимости от территории их проживания имеют право учреждать в установленном порядке всероссийские, региональные и местные

¹⁵ Денисова Г.В., Смирнова О.В., Сапунова О.В. Лингвокультурные универсалии как доминирующий фактор восприятия мемов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 6. С. 43–48.

СМИ, получать и распространять в них информацию на родном языке.

Важность сохранения культурно-исторического наследия, языков и культур народов России сегодня особенно актуальна. В частности, российские и зарубежные исследователи отмечают, что рост заинтересованности историей в контексте актуальных общественных процессов становится все более заметным. Например, осмысление заново Великой Отечественной войны является важным фактором участия граждан в современных общественных процессах, понимание которых также требует обращения к прошлому. Феномен «забывания», при котором общество не касается и не упоминает особо конфликтогенные исторические события, формируется в том числе при непосредственном участии медиа и журналистики.

В этих условиях исследования категории конфликта в медиадискурсе в различных аспектах — историческом, теоретическом, социокультурном и коммуникативном — позволяют более глубоко осмыслить общественные противоречия, которые в профессиональной культуре и глобальном журналистском сообществе в течение XX в. стали и главным элементом содержания СМИ, и важным критерием в определении информационной ценности факта. Современные исследования показывают, что в условиях трансформаций медиасреды при изучении конфликтов следует учитывать их «много-слойный», сложный характер, в частности, национально-культурное происхождение и последующее развитие в национальном контексте, которые могут оказывать значительное воздействие на специфику медиарепрезентации конфликта¹⁶.

В связи с этим можно говорить о том, что конфликт как способ социального взаимодействия наиболее наглядно отражается именно в содержании СМИ. При этом отражается не только сам конфликт — отражаются его результаты, его воздействие на участников конфликта, корректировка их отношения и позиции. Далее необходимо рассмотреть особенности взаимовлияния конфликта и медиа с позиции междисциплинарного подхода и обозначить некоторые направления дальнейшего изучения конфликта в условиях динамично развивающейся информационной и коммуникационной среды. Именно междисциплинарный подход представляется наиболее уместным в контексте глубокого анализа конфликта, рисков, вызовов изменчивой медиареальности и роли СМИ в создании и распространении конфликтов различного рода в медиапространстве.

¹⁶ Anikina M., Krasheninnikova M., Vyrkovsky A. Structural Characteristics of Social Media Presentation of Diverse Conflicts: Prospects for Modeling // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2023. Issue 4. P. 5–26.

Конфликт и медиа: перспективные направления исследования

Одной из важнейших функций журналистики и СМИ является отражение динамики конфликтов и их различных фаз¹⁷. В современных условиях отмечается рост интенсивности участия медиа в социальных конфликтах разного рода и уровня. В значительной степени это связано с тем, что в условиях цифровизации общество наблюдает за конфликтами через «медиалинзы»¹⁸.

Для анализа взаимовлияния конфликта и медиа через призму междисциплинарного подхода можно сфокусироваться на следующих ключевых направлениях исследования.

Во-первых, представляется важным усилить внимание к изучению исторического опыта медиаполитики в России, включая систематическое изучение особенностей формирования и функционирования системы СМИ в разные периоды, а также специфики деятельности журналистов в условиях конфликта на разных исторических этапах. Целесообразным результатом данной работы могла бы стать разработка исторической модели паттернов субъектов медиасреды, под которой подразумеваются не только формирование информационной повестки и управление ею, но и та особая роль, которую она играет в отечественных социокультурных реалиях при реализации власти, с одной стороны, и осуществлении контрвластной деятельности — с другой.

Выработка подобной модели должна включать анализ мегатрендов исторического развития России, в том числе формирования государственной национальной политики и этнополитики на территории многонациональной России в исторической ретроспективе. В контексте данной работы необходимо проанализировать исторический опыт медиаполитического взаимодействия в Российской империи, Советском Союзе, Российской Федерации и ближнем зарубежье и сделать выводы о преемственной онтологической конфликтности национального способа обустройства информационного пространства и принципов его функционирования. В рамках разработки исторической модели паттернов субъектов медиасреды необходимо также поставить задачи по системному изучению особенностей формирования и функционирования советской системы СМИ и пропаганды в предвоенные, военные и послевоенные годы

¹⁷ Smirnova O., Denissova G., Gladkova A., Steblovskaya S., Antipova A. COVID-19 Public Discourse in Russia: Semantic Mapping // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2022. Issue 2. P. 106–123.

¹⁸ Theorising Media and Conflict / Ed. by P. Budka and B. Brauchler. New York, 2020.

(с начала 1930-х гг. до конца 1940-х гг.), а также деятельности журналистов этого периода в условиях военного конфликта.

Во-вторых, необходимо продолжить исследования междисциплинарного характера с целью сохранения культурно-исторического наследия в условиях трансформации информационного и коммуникационного пространства, а также «текучести» и неопределенности российской медиасреды. В данном случае важно учитывать особенности российского информационного пространства и исходить из ценности укрепления единства российской нации и гармонизации межнациональных отношений, в том числе через каналы массмедиа — как на русском, так и на национальных языках. Актуальными в рамках данного направления являются исследования этнической журналистики и СМИ, выходящих на национальных языках в Российской Федерации, с позиции комплексного подхода, включающего теорию журналистики, этнологию и этнопсихологию.

В-третьих, предлагается актуализировать работу по анализу конфликтной составляющей различных форм медиадискурса в России. Это, в свою очередь, позволит выявить социокультурные индикаторы присутствия конфликта в российских СМИ и конструировать частотно употребляемый набор слов, связанный с категорией «конфликт» и его семантической близостью к другим понятиям. Данное исследование будет способствовать выявлению этнопсихологических особенностей аудиторных групп и других актуальных особенностей, связанных с конфликтной информационной повесткой. Апробированная ранее методика позволит осуществить конструирование частотно употребляемого набора слов, связанных с категорией «конфликт» семантически, а также близких семантических пар.

Отдельно следует подчеркнуть еще одно важное направление исследований, а именно — выявление в разных формах контента медиаимпликатур конфликта. Поликодовый формат современного медиадискурса создает семантический контраст между вербальными и визуальными элементами, обуславливая особый модус восприятия и интерпретации сообщения, т.е. фактически осуществляет рефрейминг за счет расширения или сужения прежнего фрейма на основе создания нового контекста восприятия. Мемосфера как часть современного медиадискурса представляется все более актуальным объектом исследования, поскольку в ней отражается не только конфликтная информационная повестка, но и, что крайне важно, реакция на нее аудитории. Кроме того, изучение мем-повестки позволит выявить этнопсихологические особенности сообщества, семантические вербальные характеристики, семиотический симбиоз

визуального и вербального ряда и другие актуальные особенности, отражающие состояние аудиторной общности.

В-четвертых, важным направлением работы, с учетом актуальных глобальных и национальных тенденций, является анализ современных трансформаций в российской журналистике и медиасистеме. Комплексный анализ конфликта на фоне текущей информационной повестки позволит расширить критерии и подходы для анализа роли медиа в преодолении конфликтов с учетом исторических, теоретических, социокультурных и коммуникативных аспектов в условиях актуальных вызовов. С учетом значительной вовлеченности аудитории в изучение материалов о конфликтах, необходимо выявить новые функции медиатекстов — такие, как интеграция, мобилизация, разжигание вражды и нетерпимости и другие. При этом важно учитывать реальные и порождаемые медиа конфликтные ситуации при конструировании инструментов и форм управления медиарепрезентацией конфликта в полисубъектной цифровой медиасреде.

Важным направлением работы является также исследование конфликта с позиции журналистики рисков, получившей в последние годы широкое освещение в медиаисследованиях¹⁹. Поэтому актуальной задачей становится выработка более четкого терминологического аппарата для систематизации и гармонизации отечественных исследований в области коммуникации и журналистики рисков. Это позволит предупредить ситуацию, при которой определения данных концептов имеют очень широкий и зачастую субъективный характер. Также необходимо усилить внимание к практическим кейсам изучения журналистики рисков и коммуникации рисков с учетом специфики национальных, культурных и информационных контекстов и конфликтов, которые могут оказывать значительное влияние на журналистскую деятельность в эпоху кризиса и неопределенности.

Заключение

В процессе формирования многокомпонентной цифровой медиакommunikationной среды, когда в производство и распространение контента вовлечены одновременно различные субъекты (профессиональные СМИ, социальные медиа и аудитория), медиарепрезентация конфликта и возможные эффекты в аудиторной среде претерпевают большие изменения. Опираясь на традиционные функции журналистики (информирование, просвещение, развлечение) и учитывая значительную вовлеченность заинтересованной части

¹⁹ Вартанова Е.Л., Дунас Д.В., Гладкова А.А. Указ соч.

аудитории в изучение материалов о конфликтах, в русле дальнейших исследований необходимо выявить новые функции медиатекстов (интеграция, мобилизация, разжигание вражды и нетерпимости и т.д.). На основании формулирования новых функциональных ролей профессиональных и непрофессиональных медиа представляется важным проанализировать природу полисубъектной цифровой медиасреды и сделать выводы о соотношении реальных и порождаемых медиа конфликтных ситуаций, о конструировании инструментов, технологий и форм управления медиарепрезентацией конфликта.

В ходе реализации междисциплинарного подхода к пониманию взаимовлияния медиа и конфликта могут быть существенно расширены представления о природе конфликта в условиях формирования новой медиарельности, в формировании которой сегодня принимают активное участие субъекты разного типа — профессиональные институционализированные СМИ, неинституционализированные медиа, активная аудитория. В дополнение к этому могут быть сделаны выводы о специфике эффективной медиакommunikации, способствующей снижению социального напряжения в условиях российского общества, а также о формировании саморегулирующих мер, направленных на гармонизацию публичной коммуникации. Также в ходе работы может быть ликвидирован существующий пробел в теоретическом изучении медиарепрезентации применительно к российскому обществу с учетом актуальных факторов рисков и социальных конфликтов на территории страны.

References

Anikina M., Krashennnikova M., Vyrkovsky A. Structural Characteristics of Social Media Presentation of Diverse Conflicts: Prospects for Modeling // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2023. Issue 4. P. 5–26.

Bauman Z. *Liquid Life*. Cambridge: Polity Press, 2005. 224 p.

Bauman Z. *Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press, 2007. 155 p.

Bruner J. *Psikhologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoy informatsii* [Beyond the Information Given: Studies in the Psychology of Knowing]. Moscow: Progress, 1977. 412 p.

Denisova G.V., Smirnova O.V., Sapunova O.V. *Lingvokul'turnyye universalii kak dominiruyushchiy faktor vospriyatiya memov* [Linguocultural Universals as a Dominant Factor in the Perception of Memes] // *Filologicheskoye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*. 2023. N 6. P. 43–48.

Deuze M. The Changing Context of News Work: Liquid Journalism and Monitorial Citizenship // *International Journal of Communication*. 2008. Vol. 2. Issue 5. P. 848–865.

Deuze M. Journalism in Liquid Modern Times // *Journalism Studies*. 2007. Vol. 8. N 4. P. 671–679.

Foucault M. *Intellektualy i vlast': izbrannyye politicheskiye stat'yi, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Moscow: Praxis, 2002. 384 p.

Lobkovskaya L.P. *Yazykovyye znaki: korrelyatsiya internatsionalizmov i semanticheskikh universalii* [Linguistic Signs: Correlation of Internationalisms and Semantic Universals] // *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 2012. N 3 (46). P. 56–57.

Mancini P. Some Ideas to Update “Comparing Media Systems” to the Digital Age // *Digital Journalism*. 2024. Vol. 12. N 3. P. 1–6.

Ragnedda M. New Digital Inequalities. Algorithms Divide // Ragnedda M. *Enhancing Digital Equity: Connecting the Digital Underclass*. London: Palgrave Macmillan Cham, 2020. P. 61–83.

Smirnova O., Denisova G., Gladkova A., Steblovskaya S., Antipova A. COVID-19 Public Discourse in Russia: Semantic Mapping // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2022. Issue 2. P. 106–123.

Theorising Media and Conflict / Ed. by P. Budka and B. Brauchler. New York: Berghahn, 2020. 350 p.

Tikhonova S.V., Artamonov D.S. *Istoricheskaya pamyat' v sotsial'nykh media* [Historical Memory in Social Media]. Saint Petersburg: Aleteia, 2022. 264 p.

Vartanova E.L. *K voprosu o posledstviyakh tsifrovoy transformatsii mediasredy* [On the Consequences of the Digital Transformation of the Media Environment] // *Medi@lmanakh*. 2022. N 2. P. 8–14.

Vartanova E.L., Dunas D.V., Gladkova A.A. *Mediakonfliktologiya kak pole mezhdistsiplinarnogo analiza sotsial'nykh konfliktov* [Mediaconflictology as a Field of Interdisciplinary Analysis of Social Conflicts] // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2023. Vol. 12. N 4. P. 601–618.

Vartanova E., Gladkova A. From Digital Divides to Epistemic Divides: The Rise of New Inequalities in the Conflict Media Space // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2022. Issue 4. P. 5–22.

Vorob'yev V.V. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Rossiyskiy universitet druzhby narodov, 2008. 336 p.

Waisbord S. Continuities and Breaks in Digital Journalism and Media Systems // *Digital Journalism*. 2023. Vol. 12. N 3. P. 1–7.

Wierzbicka A. *Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov* [Semantic Universals and the Description of Languages]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. XII, 776 p.

Поступила в редакцию
12 марта 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-3-171-191

Е.А. Багратиони фон Брандт

**СКУЛЬПТУРЫ ГРУППЫ «ВОСЬМИ ЛЕГИОНОВ» (734 г.)
ИЗ ХРАМА КОФУКУДЗИ В НАРА**

E.A. Bagrationi von Brandt

**SCULPTURES OF THE “EIGHT LEGIONS” GROUP (734)
FROM KOFUKUJI TEMPLE IN NARA**

Аннотация. Автор статьи исследует, как на Дальнем Востоке трансформировалась иконография восьми небесных полководцев (каждый из которых персонифицирует целый класс мифологических существ), входящая к санскритским источникам, и как она интерпретировалась в ансамбле скульптур 734 г. из монастыря Кофукудзи. «Восемь легионов» — это совокупность автономных статуй, связанных тематически, иконографически и стилистически. Состав участников в группе восходит к текстам сутр, которые активно изучались в монастырях и храмах. В подобных группах, распространенных в средневековом буддийском искусстве Японии, четное количество фигур связано с функцией предстояния, сопровождения или символической охраны главного героя. Эту роль играет и группа «Восемь легионов», или небесных полководцев, обратившихся к учению Будды и защищающих его. Это одна из самых ранних в Японии множественных групп, распространенных в буддийской скульптуре Дальнего Востока. В статье прослеживаются этапы модификации восьми небесных полководцев в их китайской и японской интерпретации, которая выразилась в изменении их имен в направлении большей индивидуализации. В художественной трактовке их облика в скульптурах монастыря Кофукудзи при общем стилистическом единстве также наблюдается стремление к созданию неповторимых индивидуальных образов. В них варьируются такие особенности, как возраст, наличие или отсутствие усов и бороды, прическа, черты лица и его овал. Все скульптуры снабжены узнаваемыми

Багратиони фон Брандт Елена Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Bagrationi von Brandt Elena Anatol'yevna, PhD Candidate in Art History and Criticism, Associate Professor, Department of World Art History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

eserd@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-2878-7881

иконографическими атрибутами, в применении которых прослеживаются единые принципы. Так, зооморфные или химерические элементы сосредоточены на голове и плечах, в отличие от исходных древнеиндийских мифологических представлений. При этом в трактовке звериных маскарон можно отметить связь с эстетикой театрализованных буддийских представлений в масках Гигаку. Таким образом, сложный канон, подчиненный буддийским вербальным источникам и дополненный вкраплениями мотивов дальневосточных автохтонных религий и народных представлений, воплотился в выдающееся явление искусства благодаря его разнообразной и изобретательной трактовке.

Ключевые слова: буддийская иконография, японская скульптура, небесные полководцы, группы статуй, «Восемь легионов», монастырь Кофукудзи.

Abstract. This article explores the transformation of the iconography of the eight heavenly commanders — each representing a distinct class of mythological beings — originating from Sanskrit sources, and how it was adapted in the Far East, culminating in the 734 CE sculpture ensemble at the Kofukuji Temple in Nara. The “Eight Legions” is a collection of individual statues that are thematically, iconographically, and stylistically interconnected. The composition of these figures draws upon sutra texts that were widely studied in temples and monasteries. In similar sculptural groups common in medieval Japanese Buddhist art, the even number of figures typically serves a protective function, standing before, accompanying, or symbolically guarding a central figure or teaching. In the case of the “Eight Legions”, the heavenly commanders turn to protect and uphold the Buddha’s teachings. This ensemble represents one of the earliest instances of a multi-figure group in Japanese Buddhist sculpture, a tradition that was prominent in the art of the Far East. The article traces the evolution of the eight heavenly commanders in both Chinese and Japanese contexts, highlighting how their names became more individualized over time. While the sculptures at Kofukuji maintain a unified stylistic approach, there is also an emphasis on creating distinct individual figures. These statues differ in characteristics such as age, the presence or absence of facial hair, hairstyle, features and shape of the face. Each sculpture is equipped with recognizable iconographic attributes, applied in a consistent manner. Notably, zoomorphic and chimeric elements are concentrated on the heads and shoulders of the figures, in contrast to the original ancient Indian mythological depictions. Additionally, the depiction of animal mascarons suggests an influence from the aesthetics of Gigaku, the masked, theatrical Buddhist performances. In summary, the “Eight Legions” group represents an outstanding artistic phenomenon, where a complex canon — rooted in Buddhist textual sources and enriched with motifs from indigenous Far Eastern religions and folk traditions — was brought to life through diverse and inventive interpretations.

Keywords: Buddhist iconography, Japanese sculpture, heavenly commanders, groups of statues, “Eight Legions”, Kofukuji monastery.

Рассматриваемая нами совокупность скульптур из монастыря Кофукудзи в Нара (некогда находилась в зале Сайкондо, расположенном к западу от пагоды) была создана в 734 г. Она представляет собой комплект, группу или набор отдельно стоящих скульптур. Это одна из самых ранних в Японии множественных групп, распространенных в буддийской скульптуре Дальнего Востока¹. Мы не можем применить к ней термин «скульптурная группа», поскольку в «скульптурной группе» фигуры физически связаны или, по крайней мере, фиксированы относительно друг друга, в то время как ее части представляют собой независимые статуи. Восемь статуй небесных воинов объединены тематически и иконографически и предназначены для расположения в большей алтарной или иной храмовой композиции с целью обрамления или фланкирования наиболее важных персонажей. Состав участников в группе восходит к текстам сутр, которые активно изучались в монастырях и храмах, в том числе и в Кофукудзи, одном из важнейших монастырей эпохи Нара (710–794 гг.). В Сутре Лотоса и Сутре Золотого Блеска фигурируют различные виды живых существ, обращенных в буддизм вследствие проповеди Будды Шакьямуни (*яп.* Сяка Нёрай) и ставших впоследствии почитаемыми защитниками буддийской веры. В Кофукудзи скульптуры этих персонажей символически сопровождали Сяка Нёрай, окружая или фланкируя его статую.

Все восемь скульптур из Кофукудзи имеют статус «национального сокровища» Японии, но широкую известность обрела из них только статуя трехликого Асюры, которая заслужила славу не только красотой, но и богатым психологизмом своего поистине многогранного образа. Как яркий пример пластики периода Нара она приводится в классических работах таких англоязычных авторов, как Шерман Э. Ли² и Роберт Пэйн³. Отечественные авторы (Н.А. Виноградова⁴, Н.С. Николаева⁵, Н.А. Иофан⁶) упоминают скульптуры из Кофукудзи именно в этом качестве.

¹ Близкая по времени статуям из Кофукудзи многочисленная группа скульптурных изображений — сцена паринирваны в северной части нижнего яруса пагоды монастыря Хорюдзи (VIII в.) — включает в себя как автономные, так и фиксированные фигуры.

² Lee Sh.E. A history of Far Eastern art [1964]. 5th ed. New York, 1994.

³ Paine R.T., Soper A. The Art and Architecture of Japan. The Yale University Press, 1981. P. 26 (Pelican History of Art).

⁴ Виноградова Н.А. Скульптура Японии III–XIV вв. М., 1981. С. 121–128.

⁵ Виноградова Н.А., Николаева Н.С. Искусство стран Дальнего Востока. М., 1979. С. 234. (Малая история искусств, 8).

⁶ Иофан Н.А. Культура древней Японии. М., 1974. С. 163.

В общих работах японских специалистов, например, в трудах Сабуро Иэнага⁷ и Номы Сэйроку⁸, а также Цудзи Нобуо⁹ она также трактуется как уникальный шедевр. В более специализированных трудах по истории японской скульптуры Ямамото Цутому¹⁰ и Куно Такэси¹¹ чаще появляются упоминания ее в связи со всем статуарным комплексом «восьми легионов», встречаются и его характеристики. Однако полная концентрация внимания на семантике всех образов группы является прерогативой авторов каталогов¹², музейных сайтов¹³ и многочисленных словарей и справочников¹⁴, где она детально описана с точки зрения иконографии. Мы же хотели в данной статье, опираясь на эту информацию, исследовать художественные результаты воплощения иконографического канона в скульптурах восьми небесных полководцев из монастыря Кофукудзи.

Множественные мифологические персонажи широко встречаются в буддийской скульптуре и живописи Центральной Азии и Дальнего Востока, где используются сходные принципы организации их в группы. При этом буддийская нумерология дополняется требованиями к группировке пластических объектов, существенными для пространственных искусств с их ситуативно проявляемыми требованиями симметрии, ритмической повторяемости, композиционной завершенности и т.п.

В буддийской мифологии, усвоенной и преломленной в Китае и Японии, фигурируют многочисленные группы как с четным, так и с нечетным количеством участников. Нечетное количество фигур в группе или скульптурной композиции указывает на наличие цен-

⁷ *Ienaga Saburo*. История японской культуры. М., 1972. С. 62.

⁸ *Noma Seiroku, Rosenfield J.M., Bin Takahashi*. The Arts of Japan: Ancient and medieval. Tokyo, 2003. P. 84–85.

⁹ *Tsuji Nobuo*. History of Art in Japan. New York, 2019.

¹⁰ 山本勉 (Ямамото Цутому) 『日本仏像史講義』 (Лекции по истории буддийской скульптуры Японии). 東京 (Токио), 2015.

¹¹ *Kuno T.* A guide to Japanese sculpture. Tokyo, 1963.

¹² 奈良国立博物館 『なら仏像館名品図録』 (Нарский национальный музей. Каталог шедевров отдела буддийской скульптуры). 奈良 (Нара), 2022.

¹³ Kofukuji (official site): <https://www.kohfukuji.com/english>; Nara National Museum: https://www.narahaku.go.jp/english/collection_index/ (дата обращения 15.03.2024).

¹⁴ *Frederic L.* Buddhism: Flammarion Iconographic Guides. Paris, 1995; JAANUS: On-line Dictionary of Japanese Architectural and Art Historical Terminology compiled by Dr. Mary Neighbour Parent. — URL: <http://www.aisf.or.jp/~jaanus/> (дата обращения 15.03.2024); 田中義恭, 星山普也 (Танака Ёсиясу, Ёсияма Синъя) 『目で見る仏像事典』 (Наглядный словарь буддийских образов). 東京美術 (Токио), 2000; Digital Dictionary of Buddhism. 電子佛敎辭典. Established July, 1995; Updated monthly. — URL: <http://www.buddhism-dict.net> (дата обращения 15.03.2024); *Schumacher M.* A-to-Z Photo Dictionary of Japanese Religious Sculpture and Art. — URL: <https://www.onmark-productions.com/html/buddhism.shtml> (дата обращения 15.03.2024).

трального главного персонажа. Их ядром являются, как правило, триады — наиболее распространенный композиционный многофигурный тип в буддийском искусстве. Другие распространенные нечетные по количеству участников группы — это пентады, связанные с пятичастной структурой мандалы или пятичастными рядами в системе трикайя (5 татхагат, или 5 будд мудрости — Госи Нёрай), пентада бодхисаттв Мондзю, 5 царей мудрости Годай Мёо (*санскр.* видьяраджа) в эзотерическом буддизме. Часто встречаются также 7 (реже — 28 или 29) будд прошлого, 13 будд — участников похоронного обряда, 33 бодхисаттвы Каннон.

Среди групп с четным количеством участников — совокупности, в состав которых входят 2 бодхисаттвы, 4 бодхисаттвы, 4 небесных царя-повелителя сторон света, 6 Дзидзо босацу, 8 легионов, 8 зодиакальных покровителей, 12 зодиакальных покровителей, 10 царей ада, 12 божеств Дэва (*яп.* Тэн), 12 небесных полководцев, 28 легионов, 28 созвездий, 52 небесных музыканта, 1000 будд¹⁵ и др. В алтарных и других храмовых композициях они обычно предназначены для того, чтобы сопровождать, фланкировать или окружать более высокого в иерархии центрального персонажа. Все версии совокупности «легионов» также организованы в четные группы (8, 12, 28 легионов).

Размещение множественных групп скульптур в алтаре (интерьере, храмовом комплексе) зависит не только от их иконографии, определенной источниками и традицией, но и от пространственных возможностей конкретных помещений храма (монастыря), а также от соседства других, уже имеющих или проектируемых произведений искусства.

Важно, что скульптуры в группах с четным количеством участников, как правило, выполнялись не из бронзы, а из дерева или сухого лака, поскольку эти материалы были менее дороги и не столь технически трудны для исполнения, как бронза, приличествовавшая центральным образам будд и бодхисаттв. Поэтому они имели меньший вес (особенно фигуры из сухого лака), легче передвигались в интерьере храма и вообще были более транспортабельны, а в случае пожаров и других чрезвычайных происшествий имели больше шансов на спасение монахами.

Исследование «Восьми легионов» из Кофукудзи как комплекса связано с характерными сложностями изучения множественных групп. Уже сами попытки корректно обозначить эту совокупность

¹⁵ Мотив 1000 будд скорее ритмически-орнаментальный и обычно располагается на плоскости, причем число 1000 в рельефах и живописи трактуется метафорически, заменяя понятие «много».

статуй вызывают определенные затруднения. Портал JAANUS (Japanese Architecture & Art Net Users System) определяет их, как «набор скульптур учеников Шакьямуни» (“a set of sculptures of Shaka’s disciples”)¹⁶. В данную общность входят весьма разнородные персонажи, каждый из которых олицетворяет и возглавляет целый класс существ, являясь героем скорее типическим, нежели индивидуальным. В санскритском «Астасена» («Восемь легионов») слово «сена» (सेना), означающее «легион», также может быть переведено как «полководец», «воин» и т.п., поэтому некоторые авторы¹⁷ называют этих персонажей «небесными воинами», «небесными генералами» и «божественными генералами». (Мы также считаем возможным использовать эти словосочетания.) В японской традиции «Хатибусю:» (Hachibushu.; 八部衆), т.е. «Восемь легионов», также персонифицированы как восемь божественных стражей буддизма, составляющих свиту и охрану будды Сяка Нёрай. В японском буддизме их называют также «Нинпинин» (Ninpinin, 人非人), буквально «люди и не люди»; или «Тэнрю: Кидзин» (Tenryū Kijin, 天龍鬼) (дэвы, наги, демоны, ками); или, что особенно характерно, Тэнрю: Хатибусю: (Tenryū Hachibushū, 天竜八部衆), что буквально соответствует «дэвам, нагам, другим членам восьми классов (существ)». Этот громоздкий перечень свидетельствует о некоторой системной разнородности данной группы (которая, однако, базируется на священных текстах сутр) и сложности объединения персонажей, которые призваны обозначить разнообразие живых существ. (Тем большую трудность оно представляет для их единого в художественном отношении пластического воплощения в скульптурах.) Однако данный набор персонажей, основанный на непререкаемом авторитете священных текстов, сделался устойчивой иконографической нормой.

Эти же персонажи входят в группу «небожителей» Тэмбу (Tenbu, 天部) и внутри нее в группу «28 легионов» (Niju:hachi Bushu.; 二十八部衆), представляющую собой свиту и охранителей 1000-рукой Каннон¹⁸. В скульптурных ансамблях и в живописи они выступают как части многосоставных групп, что не может не сказываться на их иконографии и ее применении в художественной практике.

¹⁶ JAANUS. On-line Dictionary of Japanese Architectural and Art Historical Terminology compiled by Dr. Mary Neighbour Parent. — URL: <http://www.aisf.or.jp/~jaanus/> (дата обращения 15.03.2024).

¹⁷ См., например: *Juni Shinsho. Fier der Zwölf Göttlichen Generäle // Im Licht des Grossen Buddha. Schätze des Todaiji-Temples. Katalog.* Nara. Museum für Ostasiatische Kunst / Hrsg. von A. Schlombs. Köln, 1999. S. 266–268.

¹⁸ В скульптуре она представлена, например, в зале Сандзюсангэндо храма Рэгоин в Киото.

Группа Восьми легионов объединяет защитников буддизма, включая духов и демонов. Некоторые из этих персонажей особенно часто воспроизводятся в японском искусстве (особенно в скульптуре), возможно потому, что во многом совпадают с древними персонажами китайской и японской мифологии. Это Тэн (*санскр.* Дэва), небожители, боги; в китайской традиции — «бессмертные»; и Рю: (*санскр.* Нага) — змееподобные существа, к которым примкнули и драконы, давние персонажи китайского и японского искусства. Остальные участники группы не фигурируют помимо нее и встречаются гораздо реже. Как отмечает уже упомянутый портал JAANUS, все члены группы «Восемь легионов» не являются объектом поклонения в буддизме, хотя некоторые другие персонажи, принадлежащие к виду Тэн, получили независимый статус как объекты почитания (Бисямонтэн, Бэндзайтэн, Дайкокутэн). В качестве самостоятельного подразделения они появляются в храмовой скульптуре только в период Нара, в другие же эпохи они обычно включаются в большие группы, такие как множество разнообразных существ, окружающих будду Сяка Нёрай в сценах его паринирваны в живописи (Nehan-zu; 涅槃図).

В группу «Восьми легионов» включены персонажи, вошедшие в буддийский пантеон из добуддийских мифологических представлений Древней Индии и упомянутые в сутрах. Перечни этих типов существ мы находим в Сутре Лотоса и в Сутре Золотого Блеска.

Сутра Золотого Блеска известна в Японии с VII в. как Конкомёкё (今光明經). В ней следованию по пути закона покровительствуют Брахма и Сарасвати, повелевающие такими существами, как асуры, гаруды, якши, киннары и наги. (Подчеркнутая в сутре связь буддийского учения с древними божествами индуистского пантеона во многом объясняет интерес к экзотическим аспектам иконографии в японском раннебуддийском искусстве.) Касающийся восьми легионов отрывок из главы 7 повествует о том, как четыре махараджи (Вайшравана, Дхритараштра, Вирудхака и Вирупакша) преклонили колена перед Буддой и поклялись распространять его учение: «...благодаря силе Учения мы будем царями богов, нагов, якшей, гандхарвов, асуров и махорагов»¹⁹.

В главе I Сутры о Бесчисленных Значениях, предваряющей, или открывающей Сутру Лотоса, перечень персонажей, внимающих проповеди будды Шакьямуни на горе Гридхракута, более широк. Его возглавляют великие бхикшу числом 12 тысяч человек, с име-

¹⁹ Цит. по: <http://fpmt.org> > Sutras and Dharanis (дата обращения 15.03.2024).

нами важнейших, и бхикшуни²⁰, далее перечисляются 80 тысяч бодхисаттв-махасаттв, боги в сопровождении 12 тысяч сыновей богов, восемь царей-драконов, каждый с несколькими сотнями тысяч сопровождающих, четыре царя-киннары, четыре царя-гандхарвы, четыре царя-асуры, четыре царя-гаруды (указаны их личные имена) и царь Аджатапата, каждый с несколькими сотнями тысяч сопровождающих. Использованные в сутре числительные поражают колоссальностью обозначаемых ими групп, что объясняет распространение множественных групп персонажей в буддийском искусстве. «Все [они] сделали поклон у ног Будды, отступили и сели по одну сторону»²¹: отметим здесь, что указана сидячая поза и расположение по одну сторону от Будды, в то время как наша группа персонажей — стоящие, и, скорее всего, предназначенные для того, чтобы окружать или фланкировать центральную статую Будды. Но мы знаем и примеры сидящих фигур (в частности, Карура из этой группы персонажей в скульптурной композиции из пагоды монастыря Хорюдзи в Нара, где он участвует в многофигурной сцене паринирваны).

Согласно тексту сутры, после окончания проповеди Будда воссел, скрестив ноги, и вошел в состояние самадхи, его тело и мысли были неподвижны. (Эта поза определила облик первоначальной статуи Сяка Нёрай, свитой которого были статуи группы «Восьми легионов».) «В это время [присутствующие] на собрании бхикшу, бхикшуни, упасаки, упасики²², боги, драконы, якши, гандхарвы, асуры, гаруды, киннары, махораги, люди и не-люди²³, а также малые цари и святые цари, вращающие Колесо, — все на этом великом собрании обрели то, чего никогда не имели, возрадовались, соединили ладони и, как один, воззрились на Будду»²⁴. В этой позе «стоя» мы и видим участников группы из Кофукудзи. Не исключено, что именно этот момент воплощен в иконографии «легионов». Но в первую очередь на нее воздействовал текст Сутры Золотого Блеска, в которой персонажи более воинственны и представлены как борцы со злом. Они собираются возглавить отряды перечисленных персонаже и их

²⁰ Бхикшу и бхикшуни — монахи высокой степени посвящения.

²¹ Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы // Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы. Сутра о постижении деяний и дхармы бодхисаттвы всеобъемлющая мудрость / Пер. с кит., коммент., заключит. статья А.Н. Игнатовича. М., 1998. С. 84.

²² Упасаки и упасики — преданные миряне и мирянки.

²³ Одно из наименований асуров.

²⁴ Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы. С. 84.

силами «разгромить ужасные орды бхутов²⁵, не знающих сострадания» (гл. 7) ²⁶.

По мере распространения буддизма на Дальний Восток имена персонажей транскрибируются иероглифами или переводятся на китайский, а с него — на японский язык, индийская иконография редактируется в соответствии с местными представлениями, корректируются представления о подчиненности персонажей, и их образы трансформируются. На этом этапе японский список «Восьми легионов» выглядит так:

Тэн (*санскр.* Дева, *кит.* Тянь). Класс: боги, небожители. Подчиняются Тайсякутэну (Индре).

Асюра (*санскр.* Асура, *кит.* Асюло). Класс: асуры; демоны, небожители, полубоги.

Карура (*санскр.* Гаруда, *кит.* Цзялоло). Класс: гаруды; человекоптицы, пожиратели змей.

Рю: (*санскр.* Нага, *кит.* Лонг). Класс: наги; змееподобные существа, драконы. Подчиняются Комокутэну (одному из Ситэнно, царей стран света, повелителю Запада)²⁷.

Магорака (*санскр.* Махорага, *кит.* Мохолуодзя). Класс: махораги; небесные музыканты, гигантские змееподобные существа.

Киннара (*санскр.* Киннара, *кит.* Цзяннало). Класс: киннары; небожители, небесные музыканты и танцоры. Подчиняются Тамонтэну.

Кендацуба (*санскр.* Гандхарва, *кит.* Гантапо). Класс: гандхарвы; небожители, божества музыки, покровители детей и медицины. Подчиняются Дзикокутэну (один из Ситэнно, повелитель Востока).

Яша (*санскр.* Якша, *кит.* Уеcha). Класс: якши; духи природы, воинственные защитники будды-целителя Якуси. Подчиняются Тамонтэну (один из Ситэнно, повелитель Севера).

Дальнейшим шагом стала интерпретация имен персонажей при создании конкретных изображений на тему «Восьми легионов». Список «небесных генералов» конкретизируется, но в этом процессе он как бы застыл на полпути — лишь половина персонажей получили новые, более индивидуализированные имена, и лишь часть из них — личные.

Класс божеств — Тэн — в Японии стал представлять Гобудзэ (五部淨), который получил личное имя одного из богов, олицетво-

²⁵ Бхуты — злые духи, призраки умерших

²⁶ Цит. по: <http://fpmt.org> > Sutras and Dharanis (дата обращения 15.03.2024).

²⁷ В Сутре Золотого Сияния также упоминаются протекторы стран света, но эту роль играют будды четырех сторон света: Амитабха на Западе, Акшобхья на Востоке, Ратнакету на Юге, Дундубхисвара на Севере.

рявших высшие миры существования. Представитель нагов стал зваться Сагара, или Сакара (沙羯羅) — это имя носил один из царей нагов. Представитель якшей Кубанда (鳩槃荼, санскр. Кумбханда) получил в качестве личного имени название другого типа существ, похожих на якшей, но не являющихся ими. (Они вместе с якшами, гандхарвами и нагами входили в группу Хатибукисю — восьми злых духов, сопровождавших царей стран света.) И, наконец, представитель существ типа Махорага получил имя Хибакара, или Хицубакара (畢婆迦), происхождение которого неясно. Имена остальных персонажей остались прежними и совпадают с названием типа возглавляемых ими существ.

В итоге герои «Восьми легионов» из Кофукудзи представлены следующими персонажами:

Гобудзё (класс «дэва», боги, рис. 1);

Асюра (класс «асуры», демоны, рис. 2);

Карура (класс «гаруды», человеко-птицы, рис. 3);

Сакара (класс «наги», змеи, драконы, рис. 4);

Хибакара (класс «махораги», небесные музыканты, гигантские змеи, рис. 5);

Киннара (класс «кинары», небесные музыканты, рис. 6);

Кэндацуба (класс «гандхарвы», небесные музыканты, рис. 7);

Кубанда (класс «якши», духи природы, рис. 8).

С точки зрения морфологии, эти персонажи разнородны. Это как антропоморфные (асуры, дэвы, якши, гандхарвы), так и полиморфные существа. Последние включают в себя змееподобных махорагов и нагов, а также существ, сочетающих в себе человеческие и

Рис. 1. Гобудзё

Рис. 2. Асюра

Рис. 3. Карура

птичьей (гаруды) формы. В образах «небесных генералов» встречается мотив многорукости и многоликости, а также иногда изображение третьего глаза у Киннары и у Асюры (как, например, в статуе XIII в. в зале Сандзюсангэндо в храме Рэнгэоин в Киото), что находит себе аналогии в многоглазом лице Кендацубы (например, в маске XII в. для буддийских процессий Гёдо из собрания монастыря Хорюдзи).

Статуя трехликого и шестирукого Асюры (рис. 2) в ярком одеянии иноземного царевича заметно выделяется из единого стилистического ряда «Восьми легионов». Это отчасти объясняется тем, что данная статуя была объектом монаршего патронажа и наделялась особым метафорическим смыслом. По преданию, заказчица данной группы статуй, императрица Комё (701–760) повелела переделать лицо статуи Асюры в память об умершем в 728 г. младенце-сыне. В результате скульптура приобрела особый статус и была выполнена в окончательном варианте особенно тщательно и, возможно, с привлечением мастеров наиболее высокого класса. В верхней паре рук Асюры имелись символы Луны и Солнца в виде дисков (ныне утрачены), а костюм персонажа получил некоторые характеристики, указующие на его царственность в ее своеобразном «общеебуддийском» понимании: Асюра одет в дхоти подобно индийскому царевичу, а рисунок ткани на нем в виде орнаментальных медальонов выполнен в

стилистике роскошных китайских шелков танского времени. Шесть рук Асюры в позах, напоминающих танцевальные, создают вокруг его торса подобие ореола.

Остальные «небесные генералы» стоят в почти одинаковых позах, довольно статуарных по сравнению с более поздними фигурами стражей буддизма (хэйанского и камакурского времени), в чем, возможно, отразилась стилистика раннебуддийских японских деревянных статуй, выполненных из цельного ствола дерева). Они имеют по одной паре рук и облачены в одинаковые «форменные» доспехи. Во всех множественных группах иконографически однородных персонажей используются сходные средства достижения единства их облика: один и тот же размер (в нашем случае рост персонажей варьирует с небольшими отклонениями вокруг 150 см) и пропорции, сходное решение поз и силуэта всех фигур, у них обычно единая пластика движений и степень выраженности жестикюляции, общий принцип расположения атрибутов и типовое одеяние, удобной для художника разновидностью которого являются доспехи.

В искусстве Дальнего Востока доспехи традиционно изображались как атрибут всех разновидностей воинов и стражей. Китайские статуи буддийских стражей в скальных и пещерных монастырях, таких, как Юньган, Дуньхуан или Лунмэнь, унаследовали и продолжали традицию изображения воинов в богатых доспехах в китай-

Рис. 4. Сакара

Рис. 5. Хибакара

Рис. 6. Киннара

Рис. 7. Кэндацуба

Рис. 8. Кубанда

ской погребальной пластике²⁸, начиная с эпохи Хань и даже Цинь и до параллельной периоду Нара эпохи Тан включительно. В группе из Кофукудзи мы встречаем доспехи китайского типа, по конструкции напоминающие одеяние стражей из Лунмэня, что знаменует обращение к китайским образцам в эпоху «интернационального танско-нарского стиля» (в основном под этим определением имеют в виду VIII век). В Кофукудзи статуи выполнены в технике сухого лака²⁹, пришедшей из Китая, где она распространяется в искусстве скульптуры начиная с эпохи Тан. Украшая доспехи «небесных генералов», японские мастера использовали возможности лаковой техники с органичной для нее детализированной росписью поверхности. Мотивы этой росписи находят себе аналогии в орнаментальном рисунке

²⁸ Образы стражей и охранителей погребений отличались экспрессией и высокой концентрацией эмоций, иногда гротескностью. Среди них были и реалистичные изображения людей, и причудливые статуэтки агрессивных существ, сочетавших в себе антропоморфные и зооморфные элементы, и зодиакальные персонажи с головой животного и телом человека, так что для китайского искусства создание подобных образов было вполне знакомой задачей.

²⁹ Эта сложная техника включает в себя использование глиняной болванки на деревянном каркасе, на которую накладываются многочисленные слои пропитанной лаковым раствором ткани, которые окончательно формируют объем, грунтуются и расписываются лаком.

китайских образцов прикладного искусства танского времени, сохранившихся в сокровищнице Сёсоин в Нара.

Одеяния всех воинов из группы, не считая Асюры, почти одинаковы и производят впечатление собранных из «типовых» деталей; это навеивает мысль об использовании заранее заготовленных в нескольких экземплярах частей скульптур (пояса с концами, свисающими по бокам, шарфы, ноги ниже коленей, подол нижней туники, пластины доспехов), что техника сухого лака вполне допускает. Однако окончательное решение поверхности статуй все же немного отличается у разных персонажей степенью проработанности и плавностью линий. По этим качествам выделяются статуи Каруры (рис. 3) и Сакары (рис. 4). По всей вероятности, изяществом отличалось и одеяние Гобудзё (рис. 1), принадлежащего к разряду божественных существ, но об этом трудно судить из-за неполной сохранности скульптуры. Пропорции фигур всех пышно костюмированных воинов также идентичны, у них примерно одинаковы соотношения размеров головы и высоты фигуры.

Но в этом плане выделяется статуя Каруры, человека-орла с крупной головой птицы. Эта скульптура — единственная — частично анатомически зооморфная; другие персонажи группы лишь несут на себе знаки соответствующих животных в виде их голов (только Сакару обвивает змея, изображенная целиком). Объемная птичья голова Каруры, несомненно, воспроизводит маску древнего театра Гигаку, который использовался во время буддийских церемоний Гёдо³⁰.

Объемные маски Гигаку, надевавшиеся на голову исполнителя, подобно шлему, укрупняли ее, изменяя общие пропорции фигуры, и делали ее более обозримой и выразительной, различимой с большого расстояния. Эту же задачу в масках решали и обобщенные, укрупненные черты, подчеркнутые гипертрофированно выпуклой лепкой и графической раскраской, что определено свойственно и голове нашей статуи. Как и все сохранившиеся старые маски Каруры, она имеет подчеркнуто выпуклые глаза, что как в древнеиндийской, так и древнекитайской традиции связывалось с представлением о жадности и хищности (буквально на санскрите Гаруда — «пожиратель»). Голову венчал гребень (лишь отчасти сохранившийся), не имеющий отношения к исходной индийской иконографии Гаруды как человека-орла, скорее петушиный. Это связано с образом феникса, главной

³⁰ Маски гигаку — самые большие из всех японских масок, некоторые из них достигают размера более полуметра: маска закрывает лицо исполнителя таким образом, что передняя часть головы актера оказывается полностью под ней. Некоторые из масок представляют собой наголовники, а другие подобны полушлему. См.: *Kleinschmidt P. Die Masken der Gigaku der ältesten Theaterform Japans. Köln, 1966.*

птицы дальневосточной мифологии, восходящего, в свою очередь, к облику петуха как древнейшей зодиакальной фигуры. (Кстати, в китайской погребальной пластике до эпохи Тан включительно зодиакальные персонажи числом двенадцать не только служат ранним примером множественной группы, но и являются наиболее частыми зоо-антропоморфными персонажами с телами людей и головами соответствующих животных. Обычно зооморфные головы, как смыслообразующий элемент, в них укрупнены относительно фигуры в целом, что мы наблюдаем и в статуе Каруры из «Восьми легионов» Кофукудзи).

Как и зодиакальные персонажи, Карура не имеет крыльев (хотя более поздние статуи Каруры — из группы «28 легионов» из зала Сандзюсангэндо монастыря Рэнгэоин в Киото, периода Камакура, и из той же группы, сопровождающей 1000-рукую Каннон в главном зале храма Киёмидзу-дэра, XVII в., — обладают крыльями), что тоже скорее вызывает ассоциации с погребальными зодиакальными статуями. К тому же фигура без крыльев вписывается в общий ряд скульптур VIII в. из Кофукудзи, которые по сравнению с камакурскими выглядят более сдержанно и отличаются некоторой скованностью движений и статуарностью. Однако поза конкретно этого персонажа кажется наиболее естественной из всех: Карура повернул голову и чуть отклонил плечевой пояс в направлении, обратном направлению его взгляда, что сделало его фигуру более живой и динамичной, чем остальные. Весьма вероятно, что работавшие в монастырях средневековые скульпторы видели этого персонажа в движении в буддийских шествиях Гёдо и других обрядовых представлениях с масками Гигаку, которые включали в себя весьма живые мизансцены. По одной из версий, которую излагает историк театра Н.Г. Анарина, в четвертом номере спектакля Гигаку исполнялся танец Каруры, в котором исполнитель изображал убийство и поедание змея (вероятно, персонифицированного Сакарой или махорагой Хибакарой³¹ (тот же автор обращает внимание на «большие выпученные глаза Каруры со зрачками»³²).

Принимал участие в буддийских мистериях и исполнитель в роли дэвы Гобудзэ. В VII–VIII вв. представления Гигаку были весьма распространены как при дворе, так и в религиозной практике. Они исполнялись при посвящении в сан и освящении новых храмов и монастырей, некоторые из которых содержали собственных актеров Гигаку; в школах при буддийских монастырях воспитанников

³¹ Анарина Н. Г. История японского театра. Древность и средневековье: сквозь века в XXI столетие. М., 2008. С. 61–62.

³² Там же.

обучали этому искусству³³. Маски Гигаку выполняли профессиональные резчики, хорошо знакомые с искусством скульптуры³⁴. Следы взаимодействия с театрально-зрелищными формами воплощения иконографических представлений несут на себе и другие статуи «небесных генералов».

Головы двух статуй покрывают маскароны животных, воспроизводя древнюю традицию зрелищных и обрядовых действий, когда шкура и голова побежденного животного надевались на голову участника представления, при этом шкура спускалась ему на плечи, охватывая фигуру или его верхнюю часть. У Гобудзё над лицом своеобразный шлем из головы слона; зубы верхней челюсти животного образуют подобие козырька и грозно спускаются на лоб, что несколько контрастирует с благостным округлым лицом этого персонажа из класса богов. Появление слоновьей полумаски объясняется тем, что Гобудзё, как дэва, в древнеиндийском пантеоне подчиняется Индре (японский эквивалент — Тайсякутэн), ездовым животным и важнейшим отличительным признаком которого является слон. Характерно, что она исключительно близко похожа на маску Гобудзё для церемонии Гёдо XIV в., некогда хранившуюся в храме Ньючухимэ дзиндзя (преф. Вакаяма).

Другой носитель звериного маскарона — Кендацуба (рис. 7) — это гандхарва, небесный музыкант изначально из свиты Индры. В скульптуре из Кофукудзи его глаза прикрыты, он словно прислушивается к звукам музыки. В буддийской трактовке он выступает как защитник учения. На Дальнем востоке он принял на себя также функции божества медицины и покровителя детей. Его головной убор в соответствии с иконографической традицией представляет собой верхнюю часть морды и часть шкуры льва, однако этот зверь похож скорее на медведя из-за треугольных ушей и более длинной морды. (В Японии Кендацуба, как покровитель детей, был популярен среди простого населения и изображался в народной скульптуре с маской более знакомого, чем лев, медведя на голове.)

У Кендацубы, также, как и у другого носителя звериной шкуры и маски Гобудзё, в буддийском пантеоне высокий статус — в Лотосовой сутре он упоминается как один из 33 воплощений бодхисаттвы Каннон (*санскр.* Авалокитешвара)³⁵. А со стороны древнеиндийской мифологии, образно выражаясь, у него тоже имеется могуществен-

³³ Там же. С. 55.

³⁴ Там же.

³⁵ JAANUS. On-line Dictionary of Japanese Architectural and Art Historical Terminology compiled by Dr. Mary Neighbour Parent. — URL: <http://www.aisf.or.jp/~jaanus/> (дата обращения 15.03.2024).

ный покровитель в лице Индры, в свите которого он состоит. Знаменательно, что Кэндацуба может появляться и в свите буддийских божеств в окружении группы двенадцати зодиакальных животных.

Еще одна скульптура с крупным и впечатляющим зооморфным атрибутом — Сакара (Сагара). Он — нагараджа («змеиный царь»), и, поскольку в дальневосточной традиции образ нага наложился на семантику дракона, Сакара — также и дракон. Он является антагонистом Каруры — пожирателя нагов. В скульптурном изображении Сакары кобра образует своего рода венец, приподнимает голову с «капюшоном» над пучком волос персонажа и обвивает хвостом его шею и грудь (подобный аксессуар встречается также в изображениях Комокутэна, одного из четырех небесных повелителей стран света). Это расположение атрибута морфологически воспроизводит принцип маски-шкурки значимого животного, покрывающей голову и спускающейся на плечи носителя, словно обволакивая его фигуру.

Змееподобных существ представляет также Хибакара (рис. 5), или Хибакара рюо («Хибакара — царь драконов») — небесный музыкант из класса махорага. В буддийской мифологии махорага является как огромный подземный змей, движения которого вызывают землетрясения. В мифологии индуизма он подобен нагам со змеиной нижней половиной тела и человеческой верхней. Однако в нашем случае он представлен без зооморфных элементов, возможно, во избежание повтора иконографии Сакары. В отличие от остальных персонажей, выглядящих юными, он изображен, как человек зрелого возраста с окладистой бородой на треугольном лице.

Киннара (рис. 6) так же, как и гандхарва Кэндацуба, принадлежит к числу небесных музыкантов, но представляет собственный класс киннар. В индийских буддийских росписях мы находим киннару, сопровождающего Индру, летящего поклониться Будде. В японской традиции киннары могли сопровождать Бисямонтэна и Тайсякутэна в составе свиты. Его облик также содержит зооморфную составляющую: в добуддийской мифологии внешность киннар охарактеризована расплывчато, они представляются как существа не всегда полностью человеческого облика, с птичьей, реже львиной, нижней половиной тела, иногда с конской головой. В искусстве Юго-Восточной Азии киннары обычно имеют высокий головной убор в форме шпилья или языка пламени, а в данном случае Киннара изображен с рогом на голове, как мифологический японский единорог Кири (*кит.* Цилинь), и рельефной складкой на лбу, напоминающей веко третьего глаза. Отметим, что в древней даосской мифологии органом полета так называемых «бессмертных» считался пучок волос или перьев на голове или же рог, который у драконов выполняет ту

же функцию. Важно отметить, что у Киннары, как и других персонажей группы, зооморфные или химерические элементы сосредоточены на голове, нижняя часть тела не изображается зооморфной в отличие от исходных мифологических представлений.

Что же касается последнего из описываемых восьми «небесных генералов» — Кубанды (рис. 8), то в его образе смешались два вида существ. Он представляет класс якшей, но имя его означает «кумбханда»: это «кувшиноголовые» злые духи, в древнеиндийском пантеоне подчинявшиеся Шиве, а в буддийском — царям стран света. Они образуют самостоятельный класс существ, упоминаемый в перечне Хатибуккисю (перечне восьми злых духов, служащих царям четырех стран света), который легко спутать с «Восемью легионами». Однако в скульптуре из «Восьми легионов» Кофукудзи облик Кубанды не имеет их страшных черт (в индийской традиции у кумбхандов большая удлиненная морда и вывернутые назад ступни), а больше соответствует иконографии якши. В древнеиндийской мифологии якши — либо безобидные духи природы, охранители подземных богатств, либо, напротив, — злобные призраки, сродни бхутам. В буддийских текстах встречаются описания якшей как оборотней, уродливых карликов или звероподобных существ с клыками, покрытых мехом. Для скульптуры из Кофукудзи избран грозный иконографический извод, видимо, более соответствующий роли якши как стража и охранителя небесных повелителей стран света (Бисямонтена или Тамонтена). У Кубанды вытаращенные глаза, оскаленные зубы, всклокоченные пряди волос, что, возможно, в преломленном виде отображает мотив густого меха. В статуе не показаны искаженные пропорции тела, толстый живот, короткие ножки. Напротив, скульпторы «подтянули» якшу до общего среднего роста и придали ему благообразный силуэт доблестного воина. (Отметим, что у статуи Кубанды, как и у других «небесных генералов», отличительные иконографические признаки сосредоточены исключительно на голове.)

Как мы видим, все персонажи группы «Восьми легионов» из Кофукудзи (кроме Асюры) имеют в своей иконографии явные или скрытые элементы зооморфных образов, которые служат их главными признаками, но если в базовой древнеиндийской мифологии у нагов, махораг, киннаров зооморфной была половина тела, то здесь зооморфная составляющая редуцируется до головы скульптуры, маскарона или даже украшения прически. В то же время интерес к полиморфизму в образах искусства VI–VIII вв. весьма велик.

Важная функция зооморфных элементов — указывать не только на принадлежность персонажа к тому или иному классу существ, но и на его подчиненность более высоким по иерархии божествам.

Некоторые «небесные генералы» из группы «Восьми легионов» подчиняются Небесным царям — охранителям стран света (тэнно), и скульптуры Кофукудзи заимствуют иконографические признаки последних. Рю (драконы, змееподобные существа) подчиняются Комокутэну, сопровождаемому змеей. В нашем случае змея, как атрибут, появляется у Сакары. Кэндацуба (гандхарва) подчинен Дзикокутэну и Бисямонтэну, а шлем Бисямонтэна украшает голова льва, и поэтому Кэндацуба носит львиный маскарон. Гобудзе, как дэва, подчиняется царю богов Индре (*яп.* Тайсякутэн), ездовым животным которого является слон, и также имеет слоновий маскарон и шкуру.

Таким образом, во всех случаях действуют общие принципы оперирования иконографическими признаками: значимые иконографические детали размещаются на голове и в плечевом поясе статуи, зооморфные мотивы редуцируются до маски или фигурки в прическе, практикуется перенос иконографических признаков вышестоящих персонажей на нижестоящих, что помогает скульптору выразить их положение в иерархии предельно наглядно и вписать их в общий иконографический контекст храмового скульптурного ансамбля. Отчетливость иконографических признаков конкретных персонажей позволяет, не опасаясь их смешения, придать всем статуям группы один размер и сходный общий вид (в отличие от исходных мифологических представлений, где они могут быть и гигантами, как, например, махорага, и карликами, как якша, и бесплотными духами, как гандхарва). Объединяемые одним мифологическим сюжетом персонажи сближены и морфологически, и тракуются как визуально однородные.

Это делает скульптуры совместимыми в различных комбинациях и пригодными для нескольких вариантов пространственного размещения. В интерьере храма мало весящие скульптуры из сухого лака могли легко передвигаться, и, поскольку они, сюжетно принадлежа к совокупности «Восьми легионов», в то же время физически автономны, их расстановка обладает большой вариативностью. Они могут располагаться по четырем углам алтарной площадки; по две справа и слева от нее, если площадка плоская; вокруг главного персонажа; двумя группами справа и слева от него. При этом «небесные генералы» могут образовывать подгруппы, объединяясь по нескольким основаниям. Среди них есть пара антагонистов — пожиратель змей Карура и нага Сакара, двое змееподобных персонажей — нага Сакара и махорага Хибакара, два небесных музыканта — гандхарва Кэндацуба и Киннара; некоторые из «небесных генералов» входят в свиту тэнно — божественных царей четырех сторон света — и могут образовывать группы с ними.

В настоящее время в монастыре Кофукудзи мы не видим этих скульптур в первоначальном расположении, однако изображение на мандале конца XII в. из Кофукудзи (ныне в Национальном музее Киото) позволяет предположить, что четыре небесных воина находились по углам квадрата вокруг главного изображения. Как размещались все восемь — неизвестно. Сейчас они демонстрируются в музейной обстановке по одному или малыми группами (сохранившаяся фотография запечатлела триаду, составленную в музейной экспозиции из наиболее эффектных и хорошо сохранившихся статуй: в центре ее — Асюра, по его правую руку — Карура, по левую — Киннара). В зале Кондо храма Киёмидзу (каковой, кстати, в средние века, начиная с эпохи Хэйан, подчинялся монастырю Кофукудзи) предположительно воспроизводится расположение скульптур VIII в.: 28 небесных полководцев двумя группами словно толпятся по сторонам от главной статуи 1000-рукой Каннон. Аналогичная композиция имеется и в монастыре Рэнгэоин. Если судить по ним, то первичное расположение исследуемой нами совокупности скульптур могло быть сходным.

В целом можно выделить уровни изменения иконографии членов группы «Восьми легионов»: от представлений о них в мифологических источниках и религиозных текстах к их иконографии в искусстве древней Индии, Центральной Азии и Китая и, наконец, — к конкретным художественным решениям в скульптуре Японии VIII в., в частности, в комплекте статуй из монастыря Кофукудзи. В них сложный канон, подчиненный буддийским вербальным источникам и дополненный вкраплениями мотивов дальневосточных автохтонных религий и народных представлений, воплотился в выдающемся явлении искусства благодаря его разнообразной и изобретательной трактовке.

References

Anarina N.G. *Istoriya yaponskogo teatra. Drevnost' i srednevekovè: skvoz' veka v XXI stoletie* [History of Japanese Theater. Antiquity and the Middle Ages: Through the Ages into the 21st Century]. Moscow: Natalis, 2008. 336 p.

Ienaga Saburo. *Istoriya yaponskoy kul'tury* [History of Japanese Culture]. Moscow: Progress, 1972. 229 p.

Ignatovich A.N. *Buddizm v Yaponii. Ocherk ranney istorii* [Buddhism in Japan. A Sketch of Early History]. Moscow: Nauka, 1987. 318 p.

Iofan N.A. *Kultura drevney Yaponii* [Culture of Ancient Japan]. Moscow: Nauka, 1974. 264 p.

Juni Shinsho. *Fier der Zwölf Göttlichen Generäle // Im Licht des Grossen Buddha. Schätze des Todaiji-Temples*. Katalog. Nara / Hrsg. von A. Schlombs. Köln: Museum für Ostasiatische Kunst, 1999. S. 266–268.

- Kleinschmidt P. Die Masken der Gigaku der ältesten Theaterform Japans. Köln: Universität Köln, 1966. 458 p.
- Kuno T. A Guide to Japanese Sculpture. Tokyo: Mayuyama & Co, 1963. 202 p.
- Kuzhel' Yu.L. *XII vekov yaponskoy skul'ptury* [Twelve Centuries of Japanese Sculpture]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2017. 496 p.
- Lee Sh.E. A History of Far Eastern Art. 5th ed. New York: Prentice Hall, H.N. Abrams, 1994. 576 p.
- 奈良国立博物館なら仏像館名品図録 [*Nara kokuritsu hakubutsukan. Bukkyou choukoku ka no meihin no zuroku*] [Nara National Museum. Masterpieces of the Buddhist Sculpture Hall: A Catalogue]. 奈良 [*Nara*]: 奈良国立博物館 [*Nara kokuritsuhakubutsukan*], 2022. 206 p.
- Noma Seiroku, Rosenfield J.M., Bin Takahashi. The Arts of Japan: Ancient and Medieval. Tokyo: Kodansha International, 2003. 308 p.
- Ortolani B. The Japanese Theatre: From Shamanistic Ritual to Contemporary Pluralism. Princeton: Princeton University Press, 1995. 375 p.
- Paine R.T., Soper A. The Art and Architecture of Japan. New Haven: Yale University Press, 1981. 521 p. (Pelican History of Art).
- Stanley-Baker J. Japanese Art. London: Thames and Hudson, 2014. 224 p.
- 田中義恭, 星山普也 [*Tanaka Yoshiyasu, Yoshiyama Shinya*]. 『目で見る仏像事典』 [*Me de miru, butsuga no zukai jinori*] [“Seeing with the Eyes”: An Illustrated Dictionary of Buddhist Images]. 東京 [*Tokyo*]: 東京美術 [*Tokyo Bijutsu*], 2000. 785 p.
- Tsuji Nobuo. History of Art in Japan. New York: Columbia University Press, 2019. 664 p.
- Vinogradova N.A. *Skulptura Yaponii III–XIV vv.* [Sculpture of Japan from the Third through the Fourteenth Century]. Moscow: Izobrazitel'noye iskusstvo, 1981. 240 p.
- Vinogradova N.A., Nikolaeva N.S. *Iskusstvo stran Dal'nego Vostoka* [Art of Far Eastern Countries]. Moscow: Iskusstvo, 1979. 372 p. (*Malaya istoriya iskusstv* [A Brief History of Art], 8).
- 山本勉 [*Yamamoto Tsutomu*]. 日本仏像史講義 [*Nihon ni o ke ru bukkyou choukoku no rekishi ni kansuru kougi*] [Lectures on the History of Japanese Buddhist Sculpture]. 東京 [*Tokyo*]: 平凡社 [*Heibonsha*], 2015. 304 p.

Поступила в редакцию
2 апреля 2024 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАЗЬМИНА Ольга Евгеньевна** — доктор исторических наук; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОЗЛОВА Наталия Вадимовна** — доктор исторических наук, профессор; **КОШЕЛЕВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 23.12.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 11,16. Тираж 100 экз. Изд. № 12646. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1, Э/ПОМ/К 3/1/1. Тел.: (495) 859-48-62